

ВЕСТНИК Сибирского юридического института МВД России

№ 3 (7)

Научно-практический журнал

2010

ISSN 2075-9401

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-30491 от 5 декабря 2007 г.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – генерал-майор милиции Н.Ф.Михайлов, к.ю.н. (Сибирский юридический институт МВД России);

заместитель председателя – полковник милиции Д.Д.Невирко, д.с.н., проф. (Сибирский юридический институт МВД России);

ответственный секретарь – подполковник милиции Ю.В.Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);

члены редакционного совета:

В.А.Азаров, д.ю.н., проф. (Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского) (по согласованию);

А.С.Дугенец, д.ю.н., проф. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России) (по согласованию);

Н.С.Железняк, д.ю.н., проф. (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.П.Ким, д.ю.н., проф. (Дальневосточный юридический институт МВД России) (по согласованию);

Ю.Ю.Комлев, д.с.н., проф. (Казанский юридический институт МВД России) (по согласованию);

В.В.Пономарева, д.ю.н., проф. (Сибирский юридический институт МВД России);

И.В.Смолькова, д.ю.н., проф. (Байкальский государственный университет экономики и права) (по согласованию);

А.Е.Чеёлин, д.ю.н., проф. (Барнаульский юридический институт МВД России) (по согласованию);

Н.А.Шабельникова, д.и.н., доцент (Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России (по согласованию))

Редакционная коллегия:

ответственный за издание, он же председатель редакционной коллегии – Н.Ф.Михайлов, к.ю.н., начальник института (Сибирский юридический институт МВД России);

главный редактор, он же заместитель председателя – Д.Д.Невирко, д.с.н., проф., заместитель начальника института по научной работе (Сибирский юридический институт МВД России);

члены редакционной коллегии:

Н.В.Волва, к.э.н., доцент, начальник кафедры социально-экономических наук и информатики (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.С.Железняк, д.ю.н., проф., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В.Зырянов, к.ю.н., доцент, начальник кафедры криминалистики (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Г.Калутин, к.ю.н., заместитель начальника института по учебной работе (Сибирский юридический институт МВД России);

И.А.Кириллов, к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии (Сибирский юридический институт МВД России);

Т.В.Кулрянич, к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков (Сибирский юридический институт МВД России);

И.Н.Ржетко, к.ю.н., начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.Н.Цуканов, к.ю.н., доцент, начальник кафедры административного права и управления в органах внутренних дел (Сибирский юридический институт МВД России);

В.Е.Шинкевич, д.с.н., доцент, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела (Сибирский юридический институт МВД России).

Редактор номера: Е.Н.Бен

Дизайн и верстка: В.Е.Рыбин, М.Н.Киценко

Подписано в печать 2010 г.
Формат Р 60х84 1/8. Вумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 11,6.
Тираж _____ экз.
Заказ _____

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кулузова, 6.

ВЕСТНИК Сибирского юридического института МВД России

№ 3 (7)

Научно-практический журнал

2010

Выходит 4 раза в год

ISSN 2075-9401

Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-30491 от 5 декабря 2007 г.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – генерал-майор милиции Н.Ф.Михайлов, к.ю.н. (Сибирский юридический институт МВД России);

заместитель председателя – полковник милиции Д.Д.Невирко, д.с.н., проф. (Сибирский юридический институт МВД России);

ответственный секретарь – подполковник милиции Ю.В.Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);

члены редакционного совета:

В.А.Азаров, д.ю.н., проф. (Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского) (по согласованию);

А.С.Дутенец, д.ю.н., проф. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России) (по согласованию);

Н.С.Железняк, д.ю.н., проф. (Сибирский юридический институт МВД России);

Е.П.Ким, д.ю.н., проф. (Дальневосточный юридический институт МВД России) (по согласованию);

Ю.Ю.Комлев, д.с.н., проф. (Казанский юридический институт МВД России) (по согласованию);

В.В.Пономарева, д.ю.н., проф. (Сибирский юридический институт МВД России);

И.В.Смолькова, д.ю.н., проф. (Байкальский государственный университет экономики и права) (по согласованию);

Д.В.Етёшин, д.ю.н., проф. (Управление конституционных основ уголовной юстиции Конституционного суда Российской Федерации) (по согласованию);

Н.А.Шабельникова, д.и.н., проф. (Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России) (по согласованию)

Редакционная коллегия:

ответственный за издание, он же председатель редакционной коллегии — Н.Ф.Михайлов, к.ю.н., начальник института (Сибирский юридический институт МВД России);
главный редактор, он же заместитель председателя – Д.Д.Невирко, д.с.н., проф., заместитель начальника института по научной работе (Сибирский юридический институт МВД России);

члены редакционной коллегии:

Н.В.Болта, к.э.н., доцент, начальник кафедры социально-экономических наук и информатики (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.С.Железняк, д.ю.н., проф., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В.Зырянов, к.ю.н., доцент, начальник кафедры криминалистики (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Г.Калутин, к.ю.н., заместитель начальника института по учебной работе (Сибирский юридический институт МВД России);

И.А.Кириллов, к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии (Сибирский юридический институт МВД России);

Т.В.Кулдинник, к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков (Сибирский юридический институт МВД России);

И.Н.Ряжко, к.ю.н., начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.Н.Цуканов, к.ю.н., доцент, начальник кафедры административного права и управления в органах внутренних дел (Сибирский юридический институт МВД России);

В.Е.Шинкевич, д.с.н., доцент, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела (Сибирский юридический институт МВД России).

Редактор номера: Е.Н.Вен

Дизайн и верстка: В.Е.Рыбин, М.Н.Киценко

Подписано в печать 22.09.2010 г.
Формат Р 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 11,6.
Тираж _____ экз.
Заказ _____

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кулузова, 6.

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

Холопова Е.Н., Захарова В.А. Проблемы разграничения преступлений и правонарушений, связанных с нарушением правил охраны и использования недр	6
Железняк Н.С. О недостатках Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (взгляд второй)	11
Александров А.С. К вопросу о смысле правового предписания, содержащегося в части 1.1 статьи 108 УПК РФ	16
Беженцев А.А. Социальная природа и основные причины безнадзорности и правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия	20
Татьянина Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России	30
Маторина Ю.Н. Уголовно-правовые меры противодействия терроризму: анализ последних изменений	34

Алгоритмы высшей школы

Ковальчук А.Н. О необходимости изменения статуса, содержания и временных параметров нормативов по огневой подготовке	38
Путинцев А.А., Глубокий В.А. Актуальность разработки научно обоснованных методик подготовки спортсменов в вузах МВД России	45
Круглянина О.Н. Миссия университета: история развития и современные подходы к обучению в высшей школе	48

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Шабельникова Н.А. Деятельность дальневосточной милиции по борьбе с социальными видами преступности в 1920-е гг.	59
Коновалова О.В. Особенности терроризма в России: исторические аспекты	69
Шинкевич В.Е. К проблеме осмысления коррупции как социального явления	74
Воробьева О.А. О понятии публичной власти	82
Нагорный Н.Н., Нагорная Л.А. Проявления дегуманизма в отношении искалеченной телесности Другого в западном обществе XX в.	89

Репортаж с научного форума

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Невирко Д.Д., Сергиенко А.С. Предупреждение распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде: социально-правовой и воспитательный аспекты: по итогам семинара	99
---	----

Зарубежный опыт

Черков В.А. К вопросу о взаимосвязи и взаимном влиянии оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений	110
Тургумбаев Е.З. Обстановка совершения коррупционных преступлений в системе органов внутренних дел	115
Абдрашев Р.М. Проблемы финансового контроля в выявлении коррупционных правонарушений	118
Кибак И.А. Доминирующие факторы, определяющие дезадаптацию личности депутата Парламента	121
Федоров Г.В., Дроздов А.В. Прикладные аспекты габитоскопии: инновационный подход	126

Помощь ведущих специалистов

Федоров А.Ю. Причины распространения рейдерства	131
Черняков М.М. К вопросу о «процессуальном руководстве» в системе функций уголовного судопроизводства	139
Суров О.А. Актуальные вопросы расследования преступлений в сфере экономики	141
Погорелова Е.Н. Соотношение процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания	145
Решетнева Т.В. К вопросу об определении понятия «экстрадиция» и его правовом оформлении в законодательстве Российской Федерации	151
Абшилава Г.В. К вопросу об условиях досудебного соглашения о сотрудничестве между сторонами в уголовном деле	155
Семенкин Е.С., Ефимов С.Н., Мельников А.А., Стельмаш Д.С. Выбор метода автоматизации принятия решений при кредитовании физических лиц	161

Дискуссионная трибуна

Голоса молодых

Карлов А.Л. Предмет досудебного соглашения о сотрудничестве: системный и частный анализ	166
Блохин Д.Ю. Правоприменение в суде космических снимков как доказательства факта правонарушения	172
Дондуков Б.Г. Криминалистическая характеристика наркопритона как места незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ	178
Вен Е.Н. Политические репрессии в отношении общественных научных организаций в Красноярском крае: КП ВСОРГО и судьба В.П.Косованова	181
К сведению авторов	185

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

Kholopova E.N., Zakharova V.A. The problems of distinction of offences and crimes connected with violation of rules of protection and use of bowels	6
Zheleznyak N.S. On drawbacks of the Instruction on the conducting overt operative-detective action inspection of premises, buildings, constructions, areas of locality and vehicles by the law enforcement officers (the second view)	11
Aleksandrov A.S. To the issue of sense of the legal instruction in the Part 1.1 of the Article 108 of the CPC of the Russian Federation	16
Bezhentsev A.A. Social nature and main reasons of child neglect and juvenile delinquency	20
Tatyanina L.G. Activities of the Prosecutor in the criminal process of Russia	30
Matorina Y. N. Criminal law counter-terrorism measures: analysis of the latest changes	34

Algorithms of Higher School

Kovalchuk A.N. On the necessity of changing status, content and time parameters of norms in firearms training	38
Putintsev A.A., Gluboky V.A. Topicality of working out scientifically based methods of sportsmen' training in higher educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia	45
Kruglyanina O.N. University mission: the history the history of development and current approaches to the teaching in higher school	48

Views. Reflections

Shabelnikova N.A. Far-East militia activity in the fighting social crime in 1920	59
Konovalova O.V. The peculiarities of terrorism in Russia: historical aspects	69
Shinkevich V.E. To the problem of comprehension of corruption as social-legal phenomenon	74
Vorobyova O.A. On the concept of the public power	82
Nagorny N.N., Nagornaya L.A. Displays of dehumanism relating to the defective exalted body of the other man in the 20th century	89

Report from the Scientific Forums

PREVENTION OF SPREADING TERRORISM AND EXTREMISM IDEAS AMONG YOUTH: SOCIAL-LEGAL AND EDUCATIONAL ASPECTS

Nevirko D.D., Sergiyenko A.S. Prevention of spreading terrorism and extremism ideas among youth: social-legal and educational aspects: on the results of the seminar	99
--	----

Foreign Experience

Cherkov V.A. To the issue of interrelationship and mutual influence of operative-detective and criminal-procedural legal relationship	110
Turgumbayev E.Z. Situation of corruption crimes commission in the system of law enforcement bodies	115
Abdrashev R.M. The problems of financial control in revealing corruption crimes	118
Kibak I.A. The dominating factors defining personality disadaptation of the deputy of Parliament	121
Fyodorov G.V., Drozdov A.V. Applied aspects of gabitoskopy: innovative approach	126

Assistance of Leading Experts

Fyodorov A.Yu. Reasons for raids spreading	131
Chernyakov M.M. To the issue of «procedural guidance» in the system of criminal proceedings functions	139
Surov O.A. Current issues of crimes investigations in the sphere of economics	141
Pogorelova E.N. The correlation of procedural powers of the head of inquiry department and the head of inquiry subdivision	145
Reshetneva T.V. To the issue of the definition of «extradition» and its legal clearance in the legislation of the Russian Federation	151
Abshilava G.V. To the issue on conditions of the pre-trial agreement between the parties in criminal case	155
Semenkin E.S., Yefimov S.N., Melnikov A.A., Stelmash D.S. The choice of a method of automation of decision-making at crediting physical persons	161

Discussion Forum

Youth speaks

Karlov A.L. The subject of pre-trial agreement on cooperation: the system and particular analysis	166
Blokhin D.Yu. Legal application of space pictures in the court as the proof of the fact of an offence	172
Dondukov B.G. Criminalistic characteristic of drug-den as the place of illegal selling of drugs and psychotropic substances	178
Ben Ye.N. P Political regressions with regard to public scientific organizations in Krasnoyarsk Territory: KD ESDRGS and V.P.Kosovanov's fate	181
Information for authors	185

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 349.6

Елена Николаевна ХОЛОПОВА,
доктор юридических наук, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин Калинин-
градского пограничного института ФСБ России

Виктория Алексеевна ЗАХАРОВА,
преподаватель кафедры государственно-правовых
дисциплин Калининградского пограничного
института ФСБ России

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДР

THE PROBLEMS OF DISTINCTION OF OFFENCES AND CRIMES CONNECTED WITH VIOLATION OF RULES OF PROTECTION AND USE OF BOWELS

В статье проведен сравнительно-правовой анализ норм уголовного и административного законодательства, устанавливающих ответственность за нарушение правил охраны и использования недр, обозначена необходимость разработки научно обоснованных критериев разграничения преступлений и неправомерных видов правонарушений в сфере недропользования.

The article considers comparative-legal analysis of norms of criminal and administrative legislation which establish the responsibility for violation of rules of protection and use of bowels. The authors define the necessity of working out scientifically based criteria of distinguishing crimes and non-criminal offences in the sphere of using bowels.

Ключевые слова: экологические правонарушения, экологические преступления; сравнительно-правовой анализ.

Keywords: ecological offences, ecological crimes, comparative legal analysis.

Экологические правонарушения, несмотря на отмечаемую многими учеными высокую латентность, тем не менее занимают достаточно высокую нишу в структуре регистрируемых и выявленных уполномоченными на то государственными и муниципальными органами фактов противоправного поведения в России.

Конкуренция уголовно-правовых и административно-правовых норм об охране природы – не редкое явление. Необходимость разграничения преступления и проступка возникает при применении 99% содержащихся в УК РФ норм экологического характера.

Практике подмены уголовной ответственности административной и наоборот способствует, в частности, несовершенство действующего уголовного и экологического законодательства, не содержащего порой четких критериев разграничения преступлений и правонарушений.

В связи с изложенным большое значение приобретает выявление научно обоснованных критериев разграничения преступных и не преступных видов правонарушений в сфере экологии. Определение и оценка обстоятельств, влияющих на общественную опасность деяния, важны как для кодификации уголовного и административного законодательства, так и для квалификаций нарушения.

В теории уголовного права по вопросу о разграничении преступления и проступка нет единой точки зрения, но преобладает позиция, согласно которой преступления и проступки разграничиваются по степени общественной опасности или степени «вредности». Однако сами эти степени в количественном отношении не определены ни в литературе, ни в законе, и сделать это не представляется возможным, поскольку математически точными, четко определенными численными выражениями сущность преступления и проступка выразить нельзя.

С 1 июля 2002 г. на федеральном уровне административная ответственность за экологические правонарушения наступает только в соответствии с нормами

КоАП РФ, и прежде всего гл.8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей природной среды и природопользования». Как показывает анализ ряда процессуальных норм КоАП РФ, экологические правонарушения относятся законодателем к группе квалифицированных, совершение которых преследуется более жестко, нежели правонарушения в иных сферах.

Согласно ст. 72 Конституции РФ природоохранное законодательство, а равно административное законодательство относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Следовательно, региональные органы представительной власти вправе устанавливать своими законами административную ответственность за экологические правонарушения. Например, КоАП Калининградской области не содержит правовых норм, касающихся экологических правонарушений, в частности отсутствуют административные нормы в сфере недропользования.

Административное законодательство, устанавливающее ответственность за экологические правонарушения и регулирующее деятельность субъектов в сфере экологии, само по себе представляет довольно сложный комплекс правовых норм и институтов, а также содержащихся в них нормативно-правовых актов. Если принимать во внимание только нормы об ответственности за проступки экологического характера, то следует обратиться к нормам действующего КоАП РФ, к иным федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации, ведомственным нормативным актам, к которым нередко отсылает закон. В действительности же блок административного законодательства еще более велик. Он включает в себя законодательство, регулирующее права и обязанности недропользователей, государственных контролирующих органов, органов исполнительной власти, деятельность разрешительной системы (лицензирования), должностных лиц правоохранительных органов и органов, специально уполномоченных в области охраны

и использования недроресурсов, режим закрытых административно-территориальных образований и особо охраняемых природных территорий и объектов, порядок и условия осуществления экологической экспертизы; деятельность органов управления по охране и использованию недроресурсов.

Безусловно, КоАП РФ и законы субъектов Российской Федерации играют определяющее значение в этой области, однако представляется, что данный подход не охватывает весь спектр нормативно-правовых актов, регулирующих административную ответственность за экологические правонарушения в сфере охраны и использования недр.¹ Это связано с тем, что нормы права находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, а выделение конкретного нормативного акта не позволяет применить его в условиях нормативного единства. Так, невозможно применить ст.ст. 8.9, 8.10, 8.11 КоАП РФ, не применяя Закон РФ от 21 февраля 1992 г. №2395-1 «О недрах», а значит, этот закон осуществляет опосредованное регулирование административной ответственности за экологические правонарушения.

В УК РФ за основу разграничения экологического преступления и проступка чаще всего брались размер причиненного ущерба, а также место, способ совершения преступления, реже – предмет преступления, формы вины и другие признаки состава. Пленум Верховного Суда РФ в п. 13 постановления от 5 ноября 1998 г. №14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» разъяснил, что «в случае возникновения трудностей в разграничении уголовно наказуемого деяния и административного проступка особое внимание следует уделять выяснению всех обстоятельств, характеризующих состав экологического правонарушения, последствий противоправного деяния, размера нанесенного вреда и причиненного ущерба».

Вместе с тем в данном постановлении не содержится положений разграничения

преступлений, предусмотренных ст. 255 УК РФ, со смежными административными правонарушениями.

Административная ответственность за нарушение законодательства об охране и использовании недр может также устанавливаться в законах субъектов Российской Федерации.

Уголовная ответственность в сфере недропользования установлена ст. 255 УК РФ (нарушение правил охраны и использования недр). Преступное нарушение правил охраны и использования недр следует отграничивать от административно наказуемых проступков, предусмотренных ст.ст. 8.9, 8.10, 8.11, а также ст. 7.4 КоАП РФ.

Общие и конкретизированные требования по охране недр содержатся во многих актах российского законодательства. Они установлены федеральными законами «О недрах», от 26 декабря 1995 г. №209-ФЗ «О геодезии и картографии»; «О газоснабжении»; от 26 марта 1998 г. №41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; от 21 июля 1997 г. №116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и др.

В республиках Татарстан, Башкортостан, Московской, Калининградской, Калужской, Свердловской, Томской, Тюменской областях, Ханты-Мансийском автономном округе принято региональное законодательство, устанавливающее специфику недропользования в этих субъектах Федерации, за нарушение которого может наступить административная ответственность.²

Статья 8.9 КоАП РФ «Нарушение требований по охране недр и гидроминеральных ресурсов» является общей по отношению к специальным – ст. 8.10 КоАП РФ «Нарушение требований по рациональному использованию недр» и ст. 8.11 КоАП РФ «Нарушение правил и требований проведения работ по геологическому изучению недр». Соответственно, нарушение требований по охране недр при геологическом изучении или их

нерациональное использование не влекут ответственности по ст. 8.9 КоАП РФ. Разграничение административного проступка и преступления (ст. 8.9 КоАП РФ и ст. 255 УК РФ) проводится по последствиям. Статья 8.9 КоАП РФ содержит состав – оставление в опасности, ст. 255 УК РФ – материальные составы, в первом случае деяние окончено в момент наличия соответствующей угрозы, уголовно-наказуемые деяния – в момент наступления требуемых последствий.

Разграничение составов статьи со смежными уголовными и административно наказуемыми нарушениями правил охраны и использования недр (ч. 1 ст. 8.10 КоАП РФ и ст. 255 УК РФ) проводится с учетом интенсивности общественной опасности деяния.

Однако ч.1 ст.8.10 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за те же деяния, что и ст. 255 УК РФ (выборочная отработка месторождений, приводящая к необоснованным потерям запасов полезных ископаемых при добыче, порча месторождений полезных ископаемых и другие нарушения требований рационального использования их запасов). Необоснованные потери запасов полезных ископаемых, сверхнормативное разубоживание при добыче, порча месторождений, как правило, сопряжены с причинением значительного вреда. Представляется, что в этом случае должна наступать уголовная ответственность. Когда же вред значительным не признается, наступает административная ответственность.

Статьи 8.9 и 8.11, а также ч. 2 ст. 8.10 КоАП РФ содержат формальные составы правонарушений, тогда как по ст. 255 УК РФ уголовная ответственность за нарушение правил охраны и использования недр наступает лишь в случае причинения ущерба.

Вопрос определения ущерба значительным, как указывалось при анализе ст.255 УК РФ, решается в каждом конкретном случае.

Например, с 2004 г. по 2006 г. гражданин Гилязетдинов Р.Р. разрабатывал

карьер и осуществлял вывоз щебня. Данными действиями был нанесен ущерб окружающей среде (в частности, земельному участку) в размере 3 753 906 рублей. Следователем СУ при Альметьевском УВД по Саратовской области по данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ст. 171, ч.2 ст. 174, ст. 255 УК РФ.

Также к Гилязетдинову Р.Р. было применено административное наказание в виде штрафа. Гилязетдинов Р.Р. вину в совершении преступлений признал частично. Однако в ходе предварительного следствия было установлено, что щебень не входит в перечень общераспространенных полезных ископаемых, следовательно, его добыча не подлежит лицензированию. Вследствие этого было принято решение прекратить уголовное преследование в отношении Гилязетдинова Р.Р. по основанию, предусмотренному п. «2» ч. 2 ст. 27 УПК РФ.³

Понимая, что данные рекомендации достаточно трудно реализовать на практике, укажем, что никакой иной подход не позволяет разграничить преступление и проступок. Мнение, высказанное в литературе, – разграничение должно проводиться с учетом интенсивности общественной опасности деяния в целом, а не только по последствиям – не способствует практическому решению вопроса, к тому же не ясно, что понимать под интенсивностью общественной опасности деяния.

Дела об административных правонарушениях рассматриваются должностными лицами органов, осуществляющих горный надзор (ст.ст. 23, 31 КоАП РФ). Протоколы об административных правонарушениях составляют должностные лица указанных выше органов (ч. 1 ст. 28.3 КоАП РФ), а также органов внутренних дел (милиции) (п. 1 ч. 1 ст. 28.3 КоАП РФ). Возникает вопрос: каким образом эти лица определяют ущерб.

Решение вопроса о разграничении экологических преступлений и проступков упрощается, когда факторы, влияющие на степень общественной опасности правонарушений, учитываются законодателем

непосредственно в диспозициях правовых норм. Чаще всего в них указываются последствия деяния, их размер, повторность преступных нарушений правил, способ действия, форма вины.

По нашему мнению, законодатель нечетко формулирует последствия экологических преступлений, в том числе и в ст. 255 УК РФ.

Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ посвящен разъяснению такого понятия, как «существенный экологический вред», однако проведенный нами анализ используемых законодателем формулировок при характеристике последствий экологических преступлений показал, что в уголовном законе такого термина нет. Возникают вопросы: какова практическая значимость данного разъяснения и зачем уделять внимание понятию, которое в законе не употребляется, следовательно, и значения для квалификации не имеет.

В связи с изложенным большое значение приобретает разработка научно обоснованных критериев разграничения преступных и не преступных видов правонарушений в сфере недропользования. Необходимо совершенствовать законодательство Российской Федерации, связанное с недропользованием, тем самым устранить противоречие одних нормативно-правовых

актов другим, дать четкое толкование требованиям, в отношении которых возникают споры о разграничении правонарушений, конкретизировать составы правонарушений в данной сфере, «привязать» их к реальности, ужесточить санкции за уголовные преступления, усилить контрольно-надзорную функцию органов исполнительной власти в области недропользования. Реализация данных предложений может решить проблему разграничения правонарушений в области недропользования.

1 Монгуш А.Л. Административная ответственность за экологические правонарушения, совершаемые на особо охраняемых природных территориях (на примере Республики Тыва) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

2 О недрах : Закон Республики Татарстан от 26 декабря 1992 г. №1722- XII (с изм. от 6 декабря 1999 г., 21 ноября 2001 г., 23 июля 2004 г.) // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. №11-12; О внесении изменения в Закон Тюменской области «О недропользовании в Тюменской области» : Закон Тюменской области от 21 февраля 2007 г. №548 // СПС «ГАРАНТ». 2010; О недропользовании на территории Томской области : Закон Томской области от 12 сентября 2003 г. №116-ОЗ : принят постановлением Гос. Думы Томской области от 28 августа 2003 г. №791 (с изм. от 3 ноября 2009 г.) // СПС «ГАРАНТ». 2010 и др.

3 Уголовное дело №480843 в отношении Гилязетдинова Р.Р. // Архив СУ Альметьевского УВД по Республике Татарстан. 2007.

УДК 343

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

О НЕДОСТАТКАХ ИНСТРУКЦИИ О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ
СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГЛАСНОГО
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ ОБСЛЕДОВАНИЕ
ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ (ВЗГЛЯД ВТОРОЙ)

ON DRAWBACKS OF THE INSTRUCTION ON THE CONDUCTING OVERT
OPERATIVE-DETECTIVE ACTION INSPECTION OF PREMISES, BUILDINGS,
CONSTRUCTIONS, AREAS OF LOCALITY AND VEHICLES BY THE LAW
ENFORCEMENT OFFICERS (THE SECOND VIEW)

В статье рассматриваются проблемы применения положений Инструкции, предлагаются пути их минимизации.

The problems of provisions' application of the draft of the Instruction are considered in the article. The author suggests the ways of their minimization.

Ключевые слова: инструкция, приказ, гласное обследование, недостатки, корректировка.
Keywords: instruction, order, overt inspection, drawbacks, correction.

В середине марта 2010 г. в органы внутренних дел для ознакомления и, видимо, обсуждения поступил проект Инструкции о порядке проведения их сотрудниками гласного оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – Инструкция).

Анализ данного документа побудил автора отметить тринадцать его недостатков, относящихся как к категории сущностных, так и просто лексических. Вкратце они сводились к следующему:

– отсутствие кавычек в наименовании Инструкции;

– указанная во вводной части проекта приказа цель ориентировала правоприменителя на проведение данного ОРМ исключительно в отношении субъектов предпринимательской деятельности;

– необходимость ведомственного санкционирования по сути несанкционируемого¹ гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – гласное обследование);

– появление нового правоприменительного акта с названием «распоряжение»;

– неверное формулирование фразы «контроль за выполнением»;

– применение такого неудачного синонима рассматриваемого мероприятия, как «оперативный осмотр»;

– неграмотное формулирование фразы «проведение... назначает...»;

– повторяющееся не раз неудачное словосочетание «для принятия решения о назначении проведения...»;

– сложная и неоперативная процедура получения у руководителя разрешения на проведение гласного обследования;

– требование о привлечении «...к участию в оперативном осмотре в обязательном порядке... не менее двух понятых»;

– требование при невозможности вручить второй экземпляр акта представителю объекта оперативного интереса о направлении его по почте заказным письмом не позднее дня, следующего за днем окончания оперативного осмотра;

– предписание о предоставлении представителям организации возможности перед изъятием документов, находящихся на электронных носителях, изготовить копии таких документов, создающее вероятность уничтожения этих документов заинтересованными лицами;

– отсутствие в Перечне должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, руководителей самой многочисленной оперативной службы – уголовного розыска.

По результатам исследования содержания проекта рассматриваемой Инструкции была опубликована статья, где сделан вывод о необходимости значительной его корректировки с учетом высказанных замечаний.

30 марта 2010 г.² был издан приказ МВД России №249 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – Приказ). Исследование текстов Приказа и Инструкции и их сопоставление с предшествующими документами позволяют судить, что некоторые из высказанных в статье замечаний были учтены нормодателем. Вместе с тем значительная часть недостатков «перетекла» из проектного варианта в действующий, более того, там появились новые. Суть их заключается в нижеследующем.

1. В преамбуле Приказа отмечается: настоящая Инструкция утверждается

«в целях обеспечения законности и обоснованности проводимого сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и исключения нарушений прав и законных интересов физических и юридических лиц».

Анализ предложенной формулировки побуждает отметить ряд ее недостатков:

– как уже отмечалось в предыдущей статье, согласно правилам русского языка наименование ОРМ должно быть помещено в кавычки;

– указано, что мероприятие проводится в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД). Следует напомнить, что согласно предписаниям ст. 8 ФЗ об ОРД гласное обследование любых объектов (за исключением жилища) относится к мероприятиям, не требующим санкционирования. Абсолютно понятно, что это не соответствует описанной в Инструкции необходимости в подробной процедуре получения от руководителя, уполномоченного на осуществление ОРД, разрешения на проведение данного ОРМ;

– также не слишком понятны ссылки нормодателя на необходимость обеспечения законности и обоснованности проводимого ОРМ, исключения нарушений прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Обеспечение законности действий должностных лиц в первую очередь связано с соблюдением предписаний законодательных актов. Согласно ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации «...федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации», а в ч. 5 ст. 76 отмечается: «В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон». Поэтому положения рассматриваемого

нормативного правового акта в части санкционирования данного ОРМ применяться не должны.

Обоснованность проведения любого ОРМ связана с наличием или отсутствием оснований, перечисленных в ст. 7 ФЗ об ОРД. Поэтому не ясно, в связи с чем после принятия данного Приказа обоснованность проведения гласного обследования повысится.

Тот же аргумент следует отнести и к исключению нарушений прав и законных интересов физических и юридических лиц. Согласно предписанию ч. 9 ст. 5 ФЗ об ОРД «при нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья в соответствии с законодательством Российской Федерации обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда». Представляется, что данного установления законодателя вполне достаточно для исключения нарушений прав и законных интересов физических и юридических лиц и принятие рассматриваемого Приказа ничего дополнительно не вносит в этот процесс.

2. В пункте 2 Приказа перечислены должностные лица, которым предписывается организовать изучение Инструкции.

Вместе с тем:

- во-первых, в нормативном правовом акте не отражено, каким контингентом должностных лиц органов внутренних дел эта Инструкция должна быть изучена;

- во-вторых, в числе этих должностных лиц указан (на первом месте) начальник ДепУР МВД России. Однако в Перечне должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, руководители уголовного розыска не упомянуты. В связи с этим логика рисует странную ситуацию, при которой сотрудники

уголовного розыска обязаны изучить Инструкцию, но вот применять ее (то есть проводить гласное обследование) не могут. Вместе с тем в связи с наличием в данном Перечне начальников милиции общественной безопасности представляется уместным полагать, что проведение ОРМ «гласное обследование» вполне встраивается в полномочия отдельных должностных лиц и подразделений милиции общественной безопасности.³

3. Согласно п. 3 Приказа «контроль за выполнением» этого нормативного правового акта возлагается на ответственных должностных лиц. Ранее (в предыдущей статье) нами уже отмечалось, что официальное, профессионально-техническое значение контроль приобретает при ответе на вопрос кого-чего, например контроль деятельности выборных органов.⁴ В связи с тем, что нормативные формулировки являются официальными, целесообразно изменить упомянутое словосочетание с контроля за выполнением на контроль выполнения.

4. В последнем абзаце п. 1 Инструкции отмечается, что ее действие не распространяется на обследование жилых помещений.

Во-первых, в ФЗ об ОРД не используется словосочетание «жилое помещение». В части 1 ст. 5, ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 9 применяется термин «жилище».

Во-вторых, означает ли это, что гласное обследование жилища будет регламентировано следующим нормативным правовым актом или все же оно будет осуществляться исключительно исходя из требований, сформулированных в ФЗ об ОРД?

5. Формулировка п. 2 Инструкции «проведение обследования назначает должностное лицо органа внутренних дел, уполномоченное издавать распоряжения о проведении обследования, путем вынесения соответствующего распоряжения по установленной форме» свидетельствует о невысокой оценке нормодателем правил русского языка.

Несмотря на наше отрицательное в целом отношение к идее санкционирования

такого ОРМ, мы предложили бы в данном случае более «читабельное» предписание: «Должностное лицо органа внутренних дел, уполномоченное на издание распоряжения о проведении гласного обследования, выносит его в соответствии с установленной формой»

6. Согласно следующему абзацу п. 2 Инструкции «руководитель несет персональную ответственность за обоснованность издания распоряжения».

В связи с этим возникает вопрос: следует ли здесь отмечать уровень ответственности руководителя за «обоснованность издания распоряжения», если в соответствии со ст. 22 ФЗ об ОРД он несет «персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий»? Таким образом, по сравнению с предписанием законодательного акта анализируемое положение Инструкции существенно сужает степень ответственности руководителя за организацию и проведение данного мероприятия.

7. Вторично как недостаток нормативного правового акта отмечаем зафиксированную в п.п.3-5 сложную и неоперативную процедуру подготовки распоряжения руководителя о проведении гласного обследования.⁵

8. В третьем абзаце п. 3 Инструкции появилась новелла, согласно которой «проведение обследования в ночное время допускается лишь в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к сокрытию фактов преступной деятельности...». Использование в предписании союза «и» свидетельствует о том, что здесь отражен всего один случай, не терпящий отлагательства, – если это может привести к сокрытию фактов преступной деятельности. Полагаем, что сюда следовало также включить и случай, связанный не с сокрытием фактов преступной деятельности, а с возможностью совершения или совершением преступления.

9. Позитивным следует считать отражение в п. 4 Инструкции возможности включения в состав группы, проводящей

гласное обследование, сотрудников правовых подразделений.⁶ Вместе с тем следует иметь в виду, что полезным такое нововведение будет только в случае, когда представитель правовой службы хорошо знаком не только с правовыми нормами в области ОРД, но и с наработанной правоприменительной практикой. В лучшем случае в аппарате УВД, ГУВД субъекта Федерации таких сотрудников не более одного-двух человек. Существуют большие сомнения, что такие специалисты вообще представлены в периферийных органах внутренних дел.

10. Согласно п. 10 Инструкции «изъятию подлежат документы, предметы, материалы, имеющие непосредственное отношение к основаниям, указанным в распоряжении о проведении обследования».

Рассматриваемое предписание, хотя цель его благая – ограничить усмотрение⁷ сыщиков, также представляется далеким от совершенства.

С одной стороны, в нем пропущен один из содержащихся в ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД объектов изъятия «сообщения».

С другой (и это неизмеримо важнее) – формально следуя предписанию нормодателя, сотрудник оперативного подразделения, осуществляющий гласное обследование, обнаружив документы, бланки, штампы, печати, предметы, запрещенные или ограниченные в обороте и свидетельствующие о подготовке или совершении преступления, но не имеющие непосредственного отношения к основаниям, указанным в распоряжении о проведении обследования, согласно рассматриваемой норме не может осуществить их изъятие, а значит, не имеет возможности не только предъявить их при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, но и обеспечить их сохранность.

Таким образом, исследование положений приказа МВД России от 30 марта 2010 г. №249 свидетельствует о наличии в нем уже меньшего количества недочетов.⁸ Вместе с тем такой уровень подготовки нормативных правовых актов на уровне МВД России представляется

неприемлемым в контексте реформирования органов внутренних дел, предполагающего конечной целью совершенствование их деятельности по защите личности, обеспечению безопасности общества и государства от преступных посягательств.

1 Исключение составляет гласное обследование жилища, на проведение которого требуется разрешение суда.

2 Следует обратить внимание, что приказ был подписан примерно через две недели после поступления проекта Инструкции для ознакомления в органы внутренних дел. Это означает, что его создателей мнение практиков (а тем более – теоретиков) относительно полезности нормативного

правового акта для решения задач борьбы с преступностью вряд ли интересовало.

3 Это, к сожалению, противоречит предписаниям ст. 1, ч. 1 ст. 13 ФЗ об ОРД.

4 См. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Управление : словарь-справочник. М., 1997. С.100-101.

5 Подробные аргументы ее неэффективности предложены нами в предыдущей статье.

6 Видимо, предполагается, что их присутствие позволит повысить юридическую безупречность как самого мероприятия, так и оформляемых в ходе его документов.

7 Читай – злоупотребления.

8 Десять по сравнению с предыдущими тринадцатью.

УДК 343.21

Александр Сергеевич АЛЕКСАНДРОВ,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О СМЫСЛЕ ПРАВОВОГО ПРЕДПИСАНИЯ,
СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В ЧАСТИ 1.1 СТАТЬИ 108 УПК РФ

TO THE ISSUE OF SENSE OF THE LEGAL INSTRUCTION CONTAINING
IN THE PART 1.1 OF THE ARTICLE 108 OF THE CPC
OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье анализируется круг лиц, на которых распространяется действие запрета на заключение под стражу предпринимателей, введенного частью 1.1 статьи 108 УПК РФ. Обсуждаются условия, при которых действует этот запрет. Выводы о смысле части 1.1 статьи 108 УПК РФ делаются на основе общепризнанных канонов толкования правовых норм. Делается вывод о неправильном применении судами анализируемой нормы.

The circle of persons on which prohibition on detention of businessmen extends introduced by the Part 1.1 of the Article 108 of the Criminal Procedural Code of Russia is analyzed in the article. Conditions at which this prohibition operates are discussed. Conclusions about sense of Part 1.1 of the Article 108 of the CPC are made on the basis of the conventional canons of interpretation of rules of law. The conclusion about wrong application of analyzed norm by courts is presented.

Ключевые слова: заключение под стражу, каноны толкования правовых норм, запрет на заключение под стражу.

Keywords: detention, canons of interpretation of rules of law, prohibition on detention.

Одним из самых спорных нововведений в процедуру применения меры пресечения в виде заключения под стражу следует признать введение ч.1.1 в ст.108 УПК РФ. Авторы этой нормы объясняли ее необходимость тем, что, дескать, обвинение в экономических преступлениях зачастую происходит в результате корпоративных споров. Обвиняемые в таких преступлениях люди не представляют угрозы для общества и не способны помешать следствию в установлении истины. Законопроекту был обеспечен скоростной режим прохождения через все инстанции, что не способствовало его публичному обсуждению, экспертной оценке, и теперь мы только можем подводить итоги столь скоропалительного законотворчества.

Согласно ч.1.1 ст.108 УПК (в ред. Федерального закона от 7 апреля 2010 г. №60-ФЗ)¹ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 159, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст.ст. 171-174, 174.1, 176-178, 180-183, 185-185.4, 190-199.2 УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в п.п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Из п.п.1-4 ч.1 ст.108 УПК РФ вытекает, что применительно к делам указанной категории обстоятельства, предусмотренные п.п. 1-2, не актуальны. Очевидно, что в качестве первоначальной меры

пресечения заключение под стражу по отношению к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений, перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, может быть применена только тогда, когда будет доказано, что он скрывался от следствия и суда, что отражается в ходатайстве следователя. Однако если такое лицо обвиняется помимо перечисленных в каком-либо еще преступлении, то данное требование отпадает.

На практике у многих судей возникло непонимание того, на кого распространяется действие данного запрета и в каких ситуациях. Самым скандальным случаем стал отказ Хамовнического суда, а затем Московского городского суда освободить из-под стражи М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева. По мнению многих юристов, к числу которых относимся и мы, в соответствии с ч.ч. 1 и 1.1 ст. 108 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 7 апреля 2010 г. №60-ФЗ), заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 160 (если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности), 174, 174.1 УК РФ, то есть во всех преступлениях, инкриминированных М.Б.Ходорковскому и П.Л.Лебедеву, при отсутствии таких обстоятельств, как: обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или суда. В целом ст. 108 УПК РФ в указанной редакции является специальной по отношению к общим нормам, предусмотренным ст.ст. 97, 99 УПК РФ, и имеет в этом качестве безусловный приоритет при разрешении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

В соответствии со ст. 4 УПК РФ применению подлежит уголовно-процессуальный закон, действующий на момент принятия процессуального решения, то есть при разрешении ходатайства подлежали

применению ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и в целом ст. 108 УПК РФ в данной редакции. Как отмечают адвокаты, недопустимость применения ареста в качестве меры пресечения означает и недопустимость его продления, поскольку при продлении каждый раз подлежит проверке и обоснованию наличие предусмотренных законом оснований для содержания лица под стражей, на что указывают Конституционный и Верховный Суды РФ. В соответствии с принятыми изменениями суд обязан был отказать в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей лиц, обвиняющихся в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 160, 174 и 174.1 УК РФ.

Наше право проникнуто идеей о приоритете прав и свобод человека и гражданина. Из презумпции невиновности следует, что все разумные сомнения истолковываются в пользу обвиняемого. Полагаем, что сомнения могут быть вызваны как двусмысленностью, неясностью примененной или подлежащей применению нормы, так и слабостью доказательств. В данном случае сомнения в смысле нормы ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ должны быть истолкованы в пользу обвиняемого, в пользу человека и гражданина. Правило не должно содержать скрытой дискриминации. При двусмысленности уголовно-процессуальной нормы (нормы публичной отрасли права) сомнение истолковывается против государства. Все это основы техники толкования норм уголовно-процессуального права.

Для правильного истолкования смысла правового предписания, содержащегося в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, могут быть использованы еще несколько канонов толкования: «следует исходить из презумпции, что законодатель не принимает акт без намерения изменить уже существующее право», «суды должны принимать во внимание каждую норму права», «специальный акт имеет преимущество при толковании перед более общим актом и специальная норма – перед общей нормой», «из

двух противоречивых актов преимущество имеет тот, который принят позже»².

Каждый из этих канонов и все они в совокупности приводят к выводу об исключительности нового запрета, введенного на применение заключения под стражу в отношении лиц, чьи признаки специально оговорены в этой норме.

Тем не менее кассационная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, проигнорировав основы юридической техники, пришла к другому мнению: «Рассматривая вопрос о мере пресечения, суд пришел к правильному выводу о необходимости продления подсудимым Ходорковскому М.Б. и Лебедеву П.Л. срока содержания под стражей, поскольку преступления, инкриминируемые подсудимым, по мнению судебной коллегии, не относятся к сфере предпринимательской деятельности в том смысле, который законодатель предусмотрел в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ»³. Причем это было единственное рациональное объяснение мотивов отказа в освобождении из-под стражи обвиняемых, содержащееся в кассационном определении.

Европейский суд констатировал, что неспособность судов государства изложить основания своих решений об оставлении заявителя под стражей противоречит требованиям законности, установленной п.1 ст.5 Конвенции.⁴ На наш взгляд, в данном случае имел место классический случай такой неспособности или нежелания суда аргументировать свою позицию. Сделать это было действительно затруднительно ввиду ограниченности ресурсов для изыскания доводов в пользу принятого решения.

В контексте указанных событий потребовались разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые не заставили себя ждать. В пункте 4.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. №15, принятого специально для разъяснения вызвавших на практике неоднозначное понимание положений закона о предпринимательской деятельности, сказано, что «преступления, предусмотренные ст.ст. 159, 160 и 165 УК РФ, следует считать со-

вершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью»⁵.

Однако, с нашей точки зрения, это разъяснение вряд ли поспособствовало внесению ясности в смысл закона. В частности, не совсем удачной можно признать выбранную Пленумом Верховного Суда РФ грамматическую форму, которая подчеркивает, что лицо осуществляет предпринимательскую деятельность или участвует в ней на момент решения вопроса о взятии под стражу. Когда подозреваемый задержан и помещен в ИВС, он лишается способности осуществлять предпринимательскую деятельность или участвовать в ней, так что формально выходит из сферы действия данной нормы. Можно с большой долей вероятности предполагать, что найдутся судьи, решения которых получат именно такой смысл.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ со ссылкой на п. 1 ст. 2 ГК РФ указал, что «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Подобное «разъяснение» опять же мало проясняет смысл законодательной новеллы, о которой идет речь, и не способствует нормализации правоприменительной практики.

Существующая в ГК РФ формулировка предпринимательства допускает различные толкования. В специальной литературе по этому поводу имеют место дискуссии.⁶ Важно, на наш взгляд, подчеркнуть правомерный характер предпринимательства. Так, В.Ф. Попондопуло определяет предпринимательскую деятельность как совокупность правомерных волевых действий, совершенных профессионально,

систематически и на свой риск лицом, зарегистрированным в качестве предпринимателя, в целях получения прибыли.⁷ Если деятельность, формально подпадающая под определение, данное в п. 1 ст. 2 ГК РФ, на самом деле имеет целью хищение чужого имущества и никакой другой (строительство финансовой пирамиды, например), вряд ли такого «предпринимателя», исходя из общего смысла уголовно-процессуального законодательства, нельзя арестовывать.

Можно только умозрительным путем сделать вывод, что действия преступника, направленные на то, чтобы замаскировать мошенничество предпринимательством, не попадают под действие комментированных поправок в ст. 108 УПК РФ. Конечно, Пленуму Верховного Суда РФ надо было сделать более конкретные разъяснения относительно исключений из действия запрета, введенного для защиты предпринимателей от ареста (если таковые действительно входили в цель законодателя). Если же никаких исключений не подразумевалось, запрет на арест предпринимателей должен иметь силу прямого действия. Ведь если исключения не упомянуты в законе, их нет. Тем более не подлежит ограничительному толкованию норма, якобы направленная в пользу граждан.

В буквальном, а тем более расширительном истолковании нормы, содержащиеся в ч.ч. 1 и 1.1 ст. 108 УПК РФ, ведут к попранию конституционного положения о равенстве всех граждан перед законом и судом. Получается, что для лиц, осуществляющих предпринимательство или участвующих в той или иной форме (любой) в предпринимательской деятельности, создана привилегия от уголовного преследования. Следовательно лишен даже возможности пресечь их преступную деятельность, если таковая осуществляется под

прикрытием предпринимательства. Вряд ли в результате такой «судебной реформы» ситуация с правовым нигилизмом улучшится.

Большинство комментаторов делают вывод, что положения Федерального закона №383 на практике не действуют, инициативы Президента игнорируются правоохранительными органами.⁸ Свидетельствует ли это о наметившемся расколе между властью Президента и правительственной властью – скоро узнаем. Но что уже не подлежит никакому сомнению, так это вновь подтвердившаяся правота немеркнувшей во все времена истины: «Хотели как лучше, получилось как всегда».

1 Российская газета. 2010. 9 апреля.

2 См.: Соболева А.К. Каноны толкования в праве // Проблемы юридической техники : сборник / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 94.

3 Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу №22-6776 от 21 мая 2010 г. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/bank>.

4 В постановлении по делу «Фурсенко против России» от 24 апреля 2008 г. Европейский суд установил нарушение п.п. 1, 3, 4 ст.5 Конвенции, выразившееся в длительном досудебном заключении заявителя. URL: http://www.suprcourt.ru/news_detale.php?id=6018.

5 О внесении дополнения в постановление ПВС РФ от 29 декабря 2009 г. №22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. №15 // Российская газета. 2010. 14 июня.

6 См.: Ровный В.В. Гражданско-правовая природа предпринимательства. Иркутск: Изд-во иркутского ун-та, 1996. С. 28-36; Лаптев В.В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. М.: Юрист, 1997. С. 18-20.

7 Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. С. 19.

8 Вишневский Б. Кремлевские планы и планы // Новая газета. 2010. 21 июня. №65. С. 5.

УДК 351.74

Александр Анатольевич БЕЖЕНЦЕВ,
доцент кафедры административной деятельности
органов внутренних дел Санкт-Петербургского
университета МВД России, кандидат юридических наук

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

SOCIAL NATURE AND MAIN REASONS OF CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

В статье рассматриваются социальная природа правонарушений несовершеннолетних, основные деструктивные факторы, оказывающие существенное воздействие на увеличение масштабов безнадзорности, беспризорности, асоциального поведения и административных правонарушений не достигших восемнадцатилетия лиц, даются рекомендации по совершенствованию правовых норм в целях минимизации данных асоциальных явлений и улучшения деятельности субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

The article considers social nature of juvenile delinquency, the main destructive factors having considerable influence on increasing scales of child neglect, child homeless, asocial behavior and administrative offences committed by persons under 18. Recommendations on improving legal norms in order to minimize these asocial phenomena and improving subjects' activity in the system of prevention of juvenile delinquency are made.

Ключевые слова: причины безнадзорности и административных правонарушений несовершеннолетних, права и свободы несовершеннолетних, неисполнение родителями обязанностей по заботе о детях, система профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Keywords: reasons of child neglect and administrative offences committed by minors, freedoms and rights of minors, parents' failure to perform their duties on concern for children, system of prevention of juvenile delinquency.

Детальное исследование любого явления неизбежно ставит вопрос о закономерностях его происхождения, возникновения, эволюции для того, чтобы оказать значимое превентивное воздействие на него. Изучение социальной природы и ключевых причин безнадзорности и административных правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия, безусловно, призвано профилировать более весомые противоправные деяния – преступления.

Комплексные профилактические мероприятия должны носить приоритетный характер по сравнению с мерами пресечения противоправных деяний, особое внимание им необходимо уделять по отноше-

нию к категории не достигших 18-летнего возраста лиц, поскольку распространение такого негативного социального явления, как правонарушения несовершеннолетних, представляет собой угрозу для нормального развития государства: это способствует увеличению количества асоциальных проявлений, росту преступности, подрывает нравственные основы общества. Такое отрицательное явление, как детская безнадзорность, не вписывается в перспективный магистральный путь развития Российской Федерации, представляет угрозу будущему нашей страны, отрицательно сказывается на всех сегментах жизнедеятельности, поскольку перспектива эволюции любого государства тесно связана с

физическим здоровьем, нравственным воспитанием и качественным образованием подрастающего поколения.

По данным МВД России, несовершеннолетними или при их соучастии сегодня совершается каждое 18-е преступление, что составляет 5,5% от общего количества преступлений. За различные административные правонарушения, в том числе за появление в общественных местах в состоянии опьянения или распитие алкогольных и спиртосодержащих напитков, ежегодно в органы внутренних дел доставляются свыше полумиллиона подростков, на учете в органах внутренних дел состоят около 330 тысяч несовершеннолетних и около 170 тысяч родителей, отрицательно влияющих на поведение детей и не выполняющих прямых обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних. Каждый год к уголовной ответственности привлекаются более 80 тысяч лиц в возрасте от 14 до 17 лет, при этом около четверти из них уже были до этого судимы.¹

В целом статистические данные органов внутренних дел и суда по итогам последних лет свидетельствуют об определенной стабилизации обстановки в сегменте совершения административных правонарушений и преступлений в подростковой среде, однако эталонными они не являются, и некоторые показатели, а именно крайне высокая доля особо тяжких преступлений, групповых преступлений с участием совершеннолетних в качестве организаторов группы, свидетельствуют о необходимости активизации профилактической работы в сфере как первичной, так и рецидивной преступности не достигших восемнадцатилетия лиц.

Современный уровень административных и иных правонарушений не достигших совершеннолетия лиц настоятельно требует изучения всего комплекса проблем, обуславливающих это негативное социальное явление.

Важнейшей детерминантой ((от лат. *determinaus, determinautis* – определяющий)

фактор, способный оказывать влияние на общественные и иные процессы, отношения) возникновения и роста беспорядочности, безнадзорности, административных и других правонарушений несовершеннолетних является разрушение государственной инфраструктуры социализации и общественного воспитания детей без формирования новой эффективной структуры социализации и досуга лиц, не достигших совершеннолетия, в новых условиях рыночной экономики.

В первом десятилетии XXI в. существенно сократилось число детских дошкольных учреждений, образовательных заведений, домов детского творчества, домов культуры, музеев, детских санаториев, спортивных учреждений, учреждений семейного досуга и отдыха детей, художественных и музыкальных школ. Прекратили существование многие бесплатные подростковые организации, многочисленные бесплатные школьные секции и кружки.

Деструктивное воздействие на рассматриваемые нами процессы оказала и государственная реформа в сегменте образования, так как общеобразовательная школа перестала отвечать за обучение и воспитание подростков после выпуска из девятого класса. После окончания девятого класса многие пятнадцатилетние подростки не работают, не проходят обучения. Ввиду коррекции законодательства, коммерциализации профессионального образования растет число не учащихся детей, многие несовершеннолетние просто оказались на улице.

Настороженность вызывает и тот факт, что за последние пятнадцать лет произошло значительное сужение «подросткового пространства» поселков, городов и особенно мегаполисов, что отрицательно влияет на реализацию интересов и потребностей детей. В ходе исследования, проведенного Институтом молодежи среди детей и подростков, только около 70% опрошенных отметили, что в их дворах есть специальное место, где можно играть в подвижные игры.²

Следующей узловой детерминантой безнадзорности является кризис семей. Увеличение бедности, ухудшение условий жизнедеятельности и разрушение нравственных ценностей и воспитательного потенциала семей, нарастание последствий глобального экономического кризиса 2008 г. и иные отрицательные элементы способствуют минимизации внимания со стороны родителей к несовершеннолетним. В результате смертности мужчин в среднем возрасте, разводов и внебрачной рождаемости повышается число неполных семей, имеющих меньшие возможности для содержания и воспитания детей. По примерным оценкам, в неполной семье воспитывается сегодня каждый седьмой российский ребенок. Кроме того, наряду с традиционными бедными неполными семьями, многодетными семьями, семьями пенсионеров и инвалидов в России появились так называемые новые бедные-полные семьи с работающими родителями и одним, двумя детьми, составляющие преимущественно половину бедных семей. Это семьи работников предприятий, задерживающих выплату заработной платы, а также семьи безработных, число которых с каждым днем ввиду сокращения рабочих мест, последствий глобального экономического кризиса увеличивается.

Рушатся нравственные устои семей, ослаб их воспитательный потенциал, утрачиваются фундаментальные человеческие ценности. Увеличивается количество не достигших восемнадцатилетия лиц, пострадавших от жестокости родителей, психологического, физического и сексуального насилия. В учреждения здравоохранения помещаются малолетние, длительное время остававшиеся без присмотра и пищи. Пополняется число детей из семей, в которых отцы и матери потеряли способность в должной мере обеспечить детей едой и одеждой, дать им качественное образование и воспитание. Вследствие асоциального образа жизни, алкоголизма и наркомании, фрагментарного или полного отказа от содержания и воспитания детей государство вынуждено лишать таких родителей родительских прав.

Сконструирована новая масштабная система криминальной эксплуатации детей. Растут детская наркомания и алкоголизация, дети вовлекаются в криминальные сообщества. Не достигшие совершеннолетия лица могут вполне свободно приобрести табак, алкоголь и наркотики не только на дискотеках, но и рядом с образовательными заведениями, в том числе около школ. Отрицательному воздействию подвержены сегодня почти все российские дети, в том числе и из благополучных семей.

Отрицательное влияние на социализацию лиц, не достигших восемнадцати лет, зачастую оказывают средства массовой информации, ведущие открытую и скрытую пропаганду сексуальной вседозволенности и порнографии, алкоголизации и наркомании, насилия и преступности.

В худшую сторону изменились репертуар детских театров и кино, политика книгоиздания для несовершеннолетних лиц, в детской и молодежной среде часто культивируются негативные примеры морали, нравственности и культуры.

Минимальная государственная поддержка общественных молодежных и детских объединений, значительное снижение финансирования образовательных, культурно-просветительских учреждений, учреждений социальной защиты, социальных служб неблагоприятно отражаются на социальном благополучии подростков, приводят к негативным тенденциям в социальной ориентации молодых граждан, к росту агрессии и в итоге к правонарушениям не достигших совершеннолетия лиц.

Однако за совершением каждого административного правонарушения необходимо усматривать личность несовершеннолетнего правонарушителя, формирование которой является результирующей действия целого комплекса криминогенных факторов. За последние несколько лет этот комплекс претерпел значительные качественно-количественные метаморфозы, связанные с трансформацией имевшихся и появлением новых детерминант, как в зеркале отразивших проблемы современной жизни.

Еще пятнадцать лет назад к их числу ученые – административисты, криминологи, социологи, педагоги, психологи (В.С.Афанасьев, Ю.Д.Блувштейн, В.Н.Бурлаков, О.Н.Ведерникова, С.А.Вахов, В.М.Волошин, С.Т.Гаврилов, Я.И.Гишинский, А.И.Долгова, А.Э.Дубоносова, А.В.Заряев, И.Н.Зубов, Б.В.Зыкин, Е.В.Зыкина, К.Е.Игошев, О.Ю.Ильина, А.Н.Ильяшенко, И.П.Карачев, К.В.Карловская, А.П.Ключниченко, И.А.Кобзарь, А.А.Кочин, Н.И.Крюкова, Н.Ф.Кузнецова, С.Я.Лебедев, О.В.Лукичев, В.В.Лунев, С.Ф.Мазурин, В.Д.Малков, И.М.Мацкевич, Г.М.Миньковский, Н.П.Мышляев, В.А.Плешаков, Л.М.Прозументов, В.Н.Прокопенко, А.Г.Сапрунов, Л.В.Сердюк, И.Г.Скурту, В.С.Харламов, Р.С.Хисматуллин, Д.А.Шестаков и многие другие) – относили лишь отдельные недостатки, имевшие место в системе семейного, школьного, трудового воспитания, некоторые упущения в организации досуговой деятельности, влияющие на криминализацию несовершеннолетних. В настоящее время серьезную обеспокоенность вызывают иные проблемы, гораздо более масштабные и криминогенные: тотальное семейное неблагополучие, кризис школьного и профессионального образования, длительная трудовая незанятость, неорганизованность досуга несовершеннолетних, алкоголизм, наркомания, токсикомания.

Фатальным фактором, оказывающим значимое влияние на минимизацию эффективности деятельности по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является отсутствие достаточной достоверной информации о точном количестве беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей, что не позволяет принимать своевременные адекватные меры предупреждения этих отрицательных явлений.

В «несовершеннолетней преступности» в последнее время наблюдаются тревожные тенденции: она приобретает отчетливо выраженный агрессивный и корыстный характер, продолжается ее «омоложение» (треть преступлений совершаются подрост-

ками до пятнадцати лет), частым явлением в ряде регионов страны становятся массовые драки между враждующими группировками подростков.³

Практика показывает, что правонарушения и преступления несовершеннолетними зачастую совершаются:

- из-за самоутверждения и лидерства в коллективе подростков, в силу «ложного» героизма;
- из-за распространения среди подростков представлений о допустимости насильственных действий в конфликтных ситуациях под влиянием средств массовой информации, пропагандирующих жестокость, культ насилия, презрение к окружающим;
- из-за несвоевременного выявления сотрудниками милиции криминальных семейно-бытовых ситуаций, неудовлетворительного реагирования на такие конфликты;
- из-за неадекватных мер, принятых к подросткам за ранее совершенное преступление или правонарушение, породивших чувство безнаказанности и вседозволенности;
- из-за нерешенности проблемы досуга и трудовой занятости несовершеннолетних;
- из-за слабой организации по выявлению несовершеннолетних, страдающих психическими заболеваниями.⁴

Условием, способствующим совершению не достигшими совершеннолетнего возраста лицами административных и других правонарушений, является и достаточно широкая распространенность неформальных групп противоправной направленности в среде подростков. В групповой форме межличностного общения удовлетворяются их потребности в обсуждении и осмыслении своих физических и психологических проблем, информации, получаемой ими из различных источников, в сопереживании по поводу тех или иных обстоятельств личной жизни. Неформальные дружеские связи с ровесниками обеспечивают им необходимый социальный и эмоциональный псевдокомфорт, способст-

вуют развитию контактов между подростками разного пола.

Характер совершения подростками административных и других правонарушений в группе обусловлен еще рядом других весомых факторов. Прежде всего, для выполнения действий, составляющих объективную сторону большинства совершаемых ими правонарушений, требуются определенная сноровка, навыки, информация о характеристиках объекта посягательства, тщательная предварительная подготовка и объединение усилий многих лиц, иногда разработка определенного плана действий. Следовательно, членство в группах противоправной направленности облегчает выполнение этих задач, а также обеспечивает кажущуюся анонимность и безнаказанность, снижает чувство опасности и личной ответственности. Таким образом, на криминализацию подростков огромное влияние оказывают асоциальные неформальные группы по месту жительства, интенсивность отрицательного воздействия которых значительно возрастает в связи с плохой организацией, как уже отмечалось, досуга среди подростков, особенно по месту проживания, где они проводят свободное время.

Помимо вышеуказанного распространенными детерминантами «увлечения» противоправной («воровской») романтикой являются такие массово распространяющиеся поведенческие феномены несовершеннолетних, как аномия и маргинализация.

Под аномией понимают такое психологическое состояние не достигшего восемнадцатилетнего возраста индивида (иногда всего общества), когда прежние идеологические основы, нормативные и ценностные ориентации и социально-психологические стереотипы поведения оказываются разрушенными, а новые еще не сформированы, и выработка их происходит хаотично и бессистемно. Дети и подростки оказываются одинокими и психологически беспомощными перед противоправной экспансией.

При маргинализации речь идет об отказе значительной части подростков,

молодежи от собственных усилий, направленных на соответствие резко возросшим требованиям среды, необходимым для достаточно высокого уровня жизни за счет интенсивной учебы, работы, активной конкуренции за хорошо оплачиваемое место в сфере производства, торговли, финансов и услуг. В качестве противопоставления этому всеми государственными органами, общественными организациями системы превенции административных и иных правонарушений не достигших совершеннолетия лиц должна проводиться постоянная и целенаправленная пропагандистская и просветительно-воспитательная работа с подростками, склонными к асоциальным проявлениям.

Рассмотрев проблемы в части превенции безнадзорности и административных правонарушений не достигших восемнадцатилетнего возраста лиц, перейдем к концептуальным основам их разрешения. Речь в данном контексте идет, во-первых, о принципах и задачах, которые определяют контуры правоприменительной деятельности в сегменте превенции правонарушений несовершеннолетних, и, во-вторых, о том понятийно-категориальном инструментарии, который используют в своей деятельности субъекты системы профилактики безнадзорности и административных правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия.

Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на таких важных принципах, как законность, гласность, гуманное обращение с несовершеннолетними, демократизм, приоритет воспитательных профилактических мер над репрессивными, поддержка семьи и взаимодействие с ней, охрана и защита прав и свобод несовершеннолетних, индивидуальный подход к перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей с соблюдением конфиденциальности полученной информации, государственная поддержка деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений по профилактике безнадзорности и правона-

рушений несовершеннолетних и ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних. При изучении принципов следует сделать дополнительный акцент на принципе индивидуализации административной предупредительной деятельности, так как именно он, с нашей точки зрения, имеет непосредственное отношение и к несовершеннолетним лицам, и к деятельности одного из основных звеньев цепи профилактики правонарушений лиц, не достигших восемнадцатилетия, – органов внутренних дел. Однако в силу законодательной путаницы и неопределенности данный принцип на практике оказывается наиболее уязвимым и неисполняемым.

Отталкиваясь от указанных принципов, выделим и основные крупномасштабные концептуальные задачи, стоящие перед разветвленной государственной системой профилактики безнадзорности и правонарушений не достигших восемнадцатилетия лиц:

- предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому;
- обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;
- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий;
- обеспечение всесторонней поддержки детей из малообеспеченных семей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, развитие семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- разрешение проблемы социального сиротства, профессиональной подготовки, трудоустройства и занятости несовершеннолетних;
- создание комплексной системы раннего выявления алкогольной и наркоти-

ческой зависимости подростков, своевременной диагностики их заболевания и лечения в специализированных лечебных центрах для несовершеннолетних, а также принятие эффективных мер по пресечению фактов распространения табачных изделий, алкогольной продукции и наркотиков в школах, ночных клубах, на дискотеках;

– преодоление проблем социальной реабилитации, получения профессионального образования, трудоустройства, организации досуга и быта подростков, осужденных к условной мере наказания, вернувшихся из воспитательных колоний и других специализированных учреждений, и др.

Однако полнота реализации рассмотренных принципов и эффективность решения комплексных задач, поставленных перед государственной системой превенции безнадзорности и административных правонарушений несовершеннолетних, находятся в причинной зависимости от того, насколько точными терминами и определениями по отношению к реальности и правоприменительной практике пользуются сегодня субъекты предупредительной деятельности. Следовательно, так как эффективная методология исследования масштаба проблемы профилактики асоциального поведения, правонарушений и преступлений лиц, не достигших совершеннолетия, немыслима без единых подходов к ключевым понятиям, необходимым видится определение понятийно-категориального аппарата, определяющего методологию рассматриваемой превентивной деятельности. Определение понятий, определяющих с максимальной точностью описываемое явление по отношению ко всем аспектам действительности, – это своего рода увертюра, первично отражающая всю специфику рассматриваемых отношений, позволяющая углубиться в последующее более детальное их изучение. Таким образом, необходимо определить терминологию, исключив тем самым путаницу в дефинициях. Итак, характеризуя масштаб проблемы безнадзорности, беспризорности и совершения админи-

стративных правонарушений несовершеннолетними, в первую очередь необходимо обратить внимание на ключевые понятия, которыми оперируют субъекты деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Базовые дефиниции и постулаты в предупредительной деятельности по профилактике правонарушений не достигших совершеннолетнего возраста лиц сформулированы в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Несовершеннолетний (лат. *impubes; pupillus*; англ. *minor*) по общему правилу – лицо, не достигшее восемнадцати лет. Безнадзорным является несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц. Беспризорным признается безнадзорный, не имеющий места жительства или места пребывания.

Говоря об индивидуальной профилактической работе, мы имеем в виду деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий.

Под профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних подразумевается комплекс социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

Однако можем ли мы, опираясь на приведенные выше определения и базовые положения названного закона, говорить о том, что авторы данного документа создали совершенный нормативно-правовой акт в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних? Ответ очевиден – нет. Таким образом, полное совершенство рассматриваемого нормативно-правового документа является иллюзорным. И свидетельством того, что Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ еще далек от наиболее оптимальной формы, являются многочисленные изменения и дополнения, которые неоднократно в него вносились.

Кроме того, проводя анализ данного нормативного правового акта, отметим, что в его нормах имеются ряд существенных пробелов и недоработок, не позволяющих в должной мере использовать возможности органов и учреждений системы профилактики несовершеннолетних по предотвращению бродяжничества и попрошайничества, так как среди ключевых понятий, указанных в ст. 1, нет определений понятий «бродяжничество» и «попрошайничество», хотя связь этих деяний с правонарушениями лиц, не достигших совершеннолетия, всем очевидна. Следовательно, по нашему мнению, совершенствование федерального законодательства в сегменте профилактики антиобщественного поведения, безнадзорности, беспризорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних необходимо начать с закрепления в законе указанных понятий.

Под бродяжничеством мы предлагаем понимать постоянное в течение более тридцати суток нахождение несовершеннолетнего вне дома, детских и специальных учреждений при отсутствии у него постоянного места жительства, сопряженное с его кратковременным проживанием у разных людей либо с систематическим скитанием, а также перемещение такого лица из одной местности в другую либо в пределах одной местности (например, города, района, округа) без постоянного места жительства с существованием за счет

случайных заработков, мелких краж или попрошайничества с нахождением в местах, не предназначенных для проживания людей.

Попрошайничество мы предлагаем закрепить в законе как систематическое выпрашивание несовершеннолетним у посторонних лиц под различными предлогами и без таковых денежных средств, драгоценностей, продуктов питания, одежды, обуви и других предметов как жизненной необходимости, так и имеющих определенную материальную ценность.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ также дает в ст. 1 неоправданно широкое понятие несовершеннолетнего: «...лицо в возрасте до восемнадцати лет». В силу того, что нижняя граница возраста не определена, можно предположить, что речь идет о времени с момента рождения и до достижения восемнадцати лет. Нам кажется, что такой подход, используемый в законе, в корне не верен, так как базируется на взаимозамене понятий «несовершеннолетний» и «ребенок». Последнее понятие содержится в ст. 54 Семейного кодекса РФ, а также в ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Указанные нормативные акты имеют специфические предмет правового регулирования и задачи. Отметим, что и предмет, и задачи, определенные в этих законодательных актах, не являются тождественными предмету и задачам, закрепленным в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. «Об основах государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». С учетом специфики некоторых субъектов превенции административных правонарушений несовершеннолетних было бы целесообразно закрепить положение, в соответствии с которым выделить две возрастные группы: «малолетние» – лица, не достигшие возраста четырнадцать лет (так как это сделано в ч. 1 ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации) и «несовершеннолетние» – лица, которым

исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцать (ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 26 Гражданского кодекса Российской Федерации); согласно такому разделению точно определить субъектов, осуществляющих профилактическую деятельность с той или иной группой. В частности, необходимо определить нижний возрастной предел, по достижении которого лицо может быть объектом профилактического воздействия со стороны замыкающего звена цепи профилактики правонарушений несовершеннолетних – органов внутренних дел. Существующая сегодня неопределенность позволяет утверждать, что подразделения органов внутренних дел по делам несовершеннолетних могут осуществлять индивидуальную профилактическую работу с любыми возрастными группами лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Анализируя мнения юристов⁵, подчеркнем, что имеющая место в законодательстве неопределенность в возрастных границах такой категории лиц, как несовершеннолетние, ведет к размыванию объекта предупредительной деятельности всей системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, что, в свою очередь, отчасти предопределяет ее низкую эффективность. Сформулированный вывод опирается также и на ставшее уже давно аксиомой в современной науке положение, в соответствии с которым значительное количество разных по возрасту и направленности поведения, в большинстве случаев трудных, педагогически запущенных подростков – это чрезвычайно сложный объект для педагогико-психологического воздействия, и ожидать сколько-нибудь положительный результат от такой деятельности довольно трудно, особенно с учетом многофункционального характера деятельности субъектов воспитания.

Подводя предварительный итог, отметим, что к общим социальным детерминантам правонарушений несовершеннолетних относятся и снижение финансирования, и сокращение числа детских дошкольных и

образовательных учреждений, бесплатных подростковых организаций, культурно-просветительских учреждений, учреждений социальной защиты, социальных служб, недостаточная государственная поддержка общественных молодежных и детских объединений. Увеличение отрицательных тенденций в динамике административных правонарушений среди лиц, не достигших восемнадцатилетия, происходит на фоне периодических реорганизаций государственных органов и учреждений, нормативно-закрепленные задачи которых затрагивают социальную реабилитацию, профилактическую и воспитательную работу в отношении совершивших правонарушение подростков. Государственные структуры, на которые возложены обязанности по охране прав, обучению и воспитанию не достигших совершеннолетия лиц, с запозданием реагируют на потребности детей, оставшихся без попечения родителей, не принимают прогрессивных мер по устройству детей и подростков, в силу негативных причин и обстоятельств лишившихся семьи, ушедших от отрицательно характеризующихся родителей.

Пожалуй, самой весомой причиной безнадзорности и правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия, помимо вышеописанных, по нашему мнению, является неисполнение родителями своих конституционных обязанностей по заботе о детях и их воспитании. К настоящему моменту за неисполнение указанной обязанности по отношению к не выполняющим ее родителям можно применить только меры административного воздействия в порядке ст. 5.35 КоАП РФ, максимальная санкция по которой составляет пятьсот рублей. Уголовная ответственность по ст. 156 УК РФ наступает только в случае, если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним.

Для более качественного выполнения родителями своих прямых родительских обязанностей по заботе о детях мы пред-

лагаем при неоднократных случаях неисполнения обязанностей по содержанию, воспитанию и обучению несовершеннолетних привлекать родителей не только к административной ответственности и в последующем в судебном порядке лишать родительских прав, но и к уголовной ответственности за жестокое обращение с несовершеннолетними, а также при наступлении иных существенных общественно опасных последствий, к которым можно отнести, например, полное отсутствие у ребенка образования и базовых знаний по русскому языку, арифметике и другим основным предметам. В данном контексте следует дополнить архитектурную конструкцию статьи УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» дополнительной диспозицией: «Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние сопряжено с наступлением опасных для несовершеннолетнего последствий, не предусмотренных частью второй настоящей статьи», уголовные наказания по которой не должны быть слишком суровыми, чаще следует применять штрафные санкции, исправительные работы и ограничение свободы. Появление данной правовой конструкции в кодифицированном правовом документе должно в большей степени играть превентивную, нежели карательную роль.

Следующим шагом, с нашей точки зрения, целесообразно усилить как качественно, так и количественно санкции по ст. 5.35 КоАП РФ за административные правонарушения взрослых в отношении детей. Итак, следует повысить штрафные санкции в несколько раз и применять максимальные из них не эпизодично, а постоянно по мере необходимости. Здесь мы можем оттолкнуться от положительного

опыта повышения санкций до десяти раз за административные правонарушения в области дорожного движения, что привело к сильному сокращению как количества административных правонарушений, совершаемых водителями, так и травматизма на дорогах.

Учитывая крайне высокую степень общественной опасности данного деяния, необходимо прибавить к уже имеющимся административным санкциям более карательные, возможно применять один из самых мощных арсеналов, имеющихся на «вооружении» законодателя, – административный арест. Поскольку административные правонарушения, связанные с неисполнением родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, рассматриваются исключительно комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а наложить административное наказание административный арест может лишь мировой судья, нам кажется, что в КоАП РФ следует сделать оговорку, которая будет являться исключением из общих стандартных правил, и до рассмотрения дел данной категории мировым судьей необходимо будет представить судье ходатайство об этой необходимой мере со стороны комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав о нецелесообразности применения к правонарушителю менее суровых санкций. Как нам представляется, указанные меры будут в комплексе играть одну из первостепенных предупредительно-воспитательных ролей по отношению к тем родителям, которых еще можно заставить проявлять необходимую родительскую заботу о сыновьях и дочерях.

Завершающим предложением в направлении уменьшения правонарушений несовершеннолетних является необходимость в КоАП РФ предусмотреть административную ответственность родителей и законных представителей за совершение их детьми или подопечными в возрасте до 16 лет правонарушений, как это было

предусмотрено ч. 2 ст. 164 КоАП РСФСР, а также за бродяжничество и попрошайничество не достигших восемнадцатилетнего возраста лиц.

Итак, проблема правонарушений несовершеннолетних всегда актуальна и достаточно специфична, прямо касается судеб подрастающего поколения и от того, как она решается в настоящее время, во многом зависят состояние и тенденции противоправных деяний в будущем. В современный период социальных, экономических и административных преобразований, крушения прежних и становления новых ценностных идеалов, дефицита нравственности, культуры и правосознания наблюдается появление острых отрицательных тенденций, связанных с административными и иными правонарушениями не достигших восемнадцатилетия лиц. На наш взгляд, дальнейшее установление, уточнение социальной природы и ключевых детерминант безнадзорности, беспризорности и административных правонарушений несовершеннолетних, их последующий постоянный мониторинг будут способствовать конструктивному поиску путей их максимальной минимизации, что в итоге будет способствовать улучшению превентивной деятельности по отношению ко всем противоправным проявлениям на территории Российской Федерации.

1 См.: Официальные статистические данные по состоянию на первый квартал 2010 г. URL: <http://www.mvd.ru/stats>.

2 Проблемы детской безнадзорности и беспризорности в Российской Федерации: социально-политические последствия и современные технологии решения / Г.И.Климантова [и др.] ; под ред. Г.И.Климантовой. М., 2007. С. 38.

3 См.: URL: <http://www.mvd.ru/stats>.

4 Нечаева Т.А. Организационно-правовые основы предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в странах СНГ. М., 2006. №4. С. 221.

5 См., например: Прокументов Л.М. Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел как субъекты предупреждения правонарушений и преступлений несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2002. №3.

УДК 347.963

Лариса Геннадьевна ТАТЬЯНИНА,
профессор кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Удмуртского государственного университета (г. Ижевск),
доктор юридических наук, профессор

ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA

В статье рассматриваются виды деятельности прокурора, осуществляемые им в уголовном процессе, обосновывается мнение, что виды деятельности осуществляются независимо от функции, выполняемой прокурором.

The article considers the activities of the Prosecutor carried out in the criminal procedure. The author grounds the view that these kinds of activities are carried out independently of the functions performed by the Prosecutor.

Ключевые слова: виды деятельности, правозащитная деятельность, правосстановительная деятельность, прокурор, правоохранительная деятельность, функции, правообеспечительная деятельность, уголовный процесс.

Keywords: kinds of activities, human rights activity, law restored activity, prosecutor, law enforcement activity, functions, criminal procedure.

Деятельность прокурора в уголовном процессе привлекает особое внимание с учетом выполнения стоящих перед ним задач. Однако существуют много вопросов, связанных с реализацией его полномочий. Для характеристики деятельности прокурора следует рассмотреть ее через виды и функции, соответственно, через соотношение понятий «функции», «вид» и «направления деятельности». В науке уголовного процесса и прокурорского надзора нет единства мнений о соотношении указанных понятий.

Под видом понимаются подразделения в систематике, входящие в состав высшего раздела – рода. Вид – это разновидность, тип.¹ Таким образом, рассматривая деятельность прокурора в качестве родового понятия, выделим ее основные виды и функции.

Виды деятельности обеспечивают достижение конечного результата, то есть они определяются целью деятельности конкретного участника процесса. Цель деятельности прокурора в уголовном процессе определяется назначением прокуратуры в целом. Анализируя назначение прокуратуры России, ее полномочия, отметим, что она является преимущественно органом надзора за законностью. Следовательно, можно выделить четыре взаимосвязанных вида деятельности, осуществляемой прокурором в уголовном процессе: правозащитная, правоохранительная, правообеспечительная и правосстановительная. Данные виды деятельности осуществляются прокурором независимо от того, какая им осуществляется функция.

Функции определяются конкретными задачами, стоящими перед его участниками.

Поддерживаю позицию П.С. Элькинд, которая отмечала, что функция – это не вид и направление деятельности, а «выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности назначение и роль его участников»². Аналогичную позицию высказывает З.В. Макарова: «Под уголовно-процессуальной функцией понимаются определяемые нормами права, а также ведущей процессуальной обязанностью и целевым установлением прав участников уголовного судопроизводства их специальное назначение и роль, выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности видах правоотношений»³.

Направление деятельности вытекает из целей и задач, которые преследует представитель органа или лицо в уголовном процессе. Следовательно, направление деятельности прокурора определяется целями и задачами надзора на всех стадиях процесса и обеспечения тем самым реализации назначения уголовного судопроизводства.

Основное направление деятельности правоохранительных органов и суда в уголовном судопроизводстве вытекает из его назначения – защита прав участников уголовного судопроизводства. Оно реализуется посредством выполнения в ходе судопроизводства трех основных функций процесса: разрешение уголовного дела, обвинение и защита. Каждый участник процесса выполняет стоящие перед ним задачи для достижения единого результата – защиты прав и законных интересов лиц. Функция процесса реализуется посредством функциональной деятельности конкретных участников, которые обладают правом ее выполнения.

Функции прокуратуры находят реализацию через виды деятельности прокуратуры, которые определяются как законодательно установленные пути реализации функций прокуратуры ее органами и учреждениями в процессе использования сотрудниками своих полномочий по достижению целей и задач, стоящих перед прокуратурой Российской Федерации,⁴ а это, в свою очередь, позволяет сделать вывод, что направленность работы российской

прокуратуры на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина не только определяет содержание такого вида деятельности прокуратуры, как надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, но и входит в сферу надзора прокуроров при осуществлении иных видов их надзорной и иной деятельности, представляя собой самостоятельный вид деятельности прокуратуры Российской Федерации.

Б.А. Чичканов отмечает, что функция прокурора в уголовном процессе предопределяется, с одной стороны, государственно-правовой функцией прокуратуры в целом, с другой – ролью и назначением прокурора при производстве по уголовному делу.⁵

С учетом назначения прокуратуры в уголовном судопроизводстве ее роль заключается в выполняемых ею функциях: уголовного преследования, надзора за деятельностью органов дознания и предварительного расследования, процессуального руководства деятельностью органов дознания, поддержания государственного обвинения; разрешения уголовного дела, надзора за законностью и обоснованностью судебных решений.

Давая краткую характеристику функции прокурора, обратим внимание на следующие моменты. Уголовное преследование прокурор осуществляет, в частности, при даче согласия дознавателю на возбуждение уголовного дела частного обвинения, проверке законности принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела и т.д. Надзор за деятельностью органов дознания и предварительного расследования проходит через все досудебное производство, осуществляется посредством предоставленных прокурору полномочий. Процессуальное руководство деятельностью органов дознания не входит в содержание предыдущей функции, поскольку определяется иными полномочиями прокурора. Поддержание государственного обвинения – это осуществляемая в суде первой инстанции функция прокурора. Она является составляющей частью уголовно-процессуальной функции обвинения,

поскольку реализуется только в суде первой инстанции. Разрешение уголовного дела осуществляется прокурором при принятии решения о прекращении уголовного дела, поступившего с обвинительным актом, либо при даче согласия органу дознания на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, либо при отказе от поддержания государственного обвинения, что приводит к безусловному прекращению уголовного дела. Надзор за законностью и обоснованностью судебных решений осуществляется прокурором при обжаловании судебных решений, принимаемых как в порядке рассмотрения уголовного дела по существу, так и при рассмотрении дел в порядке особого или дополнительного производства.

Виды деятельности осуществляются независимо от того, какая прокурором выполняется функция. В уголовном процессе защита прав в широком смысле вытекает из его назначения. Для выполнения назначения уголовного судопроизводства органы, действующие от имени и в интересах государства, должны обеспечить защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Правозащитная деятельность прокуратуры в целом и прокурора в частности в уголовном судопроизводстве является самостоятельным видом деятельности, направленной на реализацию назначения уголовного судопроизводства, а также соблюдение, обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина, независимо от его процессуального статуса, при осуществлении уголовного судопроизводства.

Как самостоятельный вид правозащитная деятельность прокуратуры имеет свой предмет, который можно определить как защиту прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ, содержащихся в международных договорах, подписанных и ратифицированных в установленном порядке, нашедших закрепление в федеральных конституционных, федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации.⁶

В каждом конкретном случае предметом правозащитной деятельности прокуратуры будет выступать конкретное право

или свобода человека, которое подвергается или подверглось неправомерному воздействию.

Следует согласиться с мнением В.Г. Бессарабова, К.А. Кашаева, которые, выделяя правозащитную деятельность прокуратуры, определяют ее цель как соответствие деятельности субъектов права юридическим предписаниям (ее правомерность), а также принятие мер для восстановления нарушенной законности и правопорядка, применение убеждения и принуждения, создание условий, предупреждающих правонарушения.⁷

Полагаем, что независимо от того, какая функция прокуратуры выполняется прокурором, через нее всегда реализуется правозащитная деятельность. З.В. Макарова очень четко выразила данное положение: «Осуществляя уголовное преследование в любой форме, прокурор добивается восстановления нарушенных прав граждан (в том числе и самого обвиняемого), а также охраняемых законом интересов общества и государства, то есть защищает их, требует исполнения закона. ...Обвиняя, прокурор тем самым защищает потерпевшего, общество, государство от последствий преступных посягательств. Однако при этом он, являясь в суде представителем государства, защищает также (и обязан защищать) права и законные интересы подсудимого»⁸.

Возложение на прокурора «защиты как прав и свобод человека и гражданина, так и охраняемых законом интересов общества и государства не содержит в себе какого-либо противоречия, поскольку интересы государства и его граждан выступают в органическом единстве. В этом единстве возложенных на прокуратуру обязанностей и раскрывается содержание правозащитной функции прокуратуры»⁹.

Самостоятельным видом выступает правоохранительная деятельность прокуратуры. Предмет правоохранительной деятельности – охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

В каждом конкретном случае предметом правоохранительной деятельности прокуратуры будет выступать конкретное

право или свобода человека, которые необходимо охранять в целях недопустимости возможного их нарушения.

О выполнении правоохранительной деятельности прокурором говорит И.Ф.Демидов. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является направлением более широкой правоохранительной функции прокуратуры и рассматривается как ее приоритетная функция. В правовом государстве борьба с преступностью и обеспечение прав и свобод человека и гражданина являются одинаково важными направлениями деятельности прокурора и не могут противопоставляться друг другу. Противодействие преступности имеет своей целью защиту человека, его прав и свобод, интересов общества и государства от преступных посягательств.¹⁰

В качестве самостоятельного вида выступает правообеспечительная деятельность прокуратуры. Предмет данной деятельности – обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

В каждом конкретном случае предметом правообеспечительной деятельности прокуратуры будет выступать конкретное право или свобода человека, которые необходимо обеспечить в целях недопустимости возможного их нарушения. Данный вид деятельности связан с предоставлением конкретному участнику уголовного судопроизводства возможности реализовать предоставленные им права. Правообеспечительная деятельность реализуется прокурором в процессе изучения уголовных дел, разрешения ходатайств и жалоб, принятия участия в судебных заседаниях независимо от стадии процесса.

Самостоятельным видом выступает правовосстановительная деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве. Ее предмет – восстановление нарушенного права и свободы человека и гражданина

в уголовном судопроизводстве. При этом правовосстановительную деятельность следует рассматривать не только с позиций реабилитации лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности, но и с позиций восстановления прав потерпевших, гражданских истцов и иных участников процесса.

В каждом конкретном случае предметом правовосстановительной деятельности прокуратуры будет выступать конкретное право или свобода человека, которое было нарушено и которые необходимо восстановить. Данный вид деятельности связан не только с охраной и защитой прав, но и с их восстановлением в случае допущенных нарушений.

Указанные виды деятельности проходят через все функции процесса, поскольку прокурор обязан при выполнении любых стоящих перед ним задач обеспечивать защиту, охрану прав и свобод участников уголовного процесса.

1 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2004. С. 80.

2 Элькин П.С. Сущность советского уголовного процесса. Л., 1963. С. 54.

3 Макарова З.В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. СПб., 2008. С. 16.

4 Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор : учебник. М., 2006. С. 118.

5 Чичканов А.Б. Функции прокурора и принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. СПб., 2003. С.8–9.

6 Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М., 2007. С. 28.

7 Там же. С. 31.

8 Макарова З.В. Указ. соч. С. 21.

9 Гушин В.З. Правозащитные функции военной прокуратуры в современных условиях // Журнал российского права. 2000. №4. С.36.

10 Демидов И.Ф. Обеспечение прав человека в сфере борьбы с преступностью // Законность в Российской Федерации. М., 1998. С.148.

УДК 343.326

Юлия Николаевна МАТОРИНА,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: АНАЛИЗ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ

CRIMINAL LAW COUNTER-TERRORISM MEASURES: ANALYSIS OF THE LATEST CHANGES

В статье анализируются изменения уголовного законодательства, касающиеся противодействия терроризму, выделяются дискуссионные, проблемные вопросы, формулируются предложения по дальнейшему совершенствованию уголовной ответственности за террористический акт.

The article analyzes changes in the criminal legislation relating to combating terrorism, singles out controversial and outstanding issues, and formulates proposals concerning follow-on development of criminal responsibility for an act of terrorism.

Ключевые слова: противодействие терроризму, террористический акт, уголовная ответственность, совершенствование уголовного законодательства.

Keywords: terrorism counteraction, act of terrorism, criminal responsibility, improvement of the criminal legislation.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 г., подчеркнуто, что нормативно-правовая база противодействия терроризму должна обеспечивать эффективность уголовного преследования за террористическую деятельность.

Проблемам уголовной ответственности за различные проявления терроризма уделяется особое внимание нашего законодателя. Наибольшие споры всегда вызывала ст. 205 УК РФ «Террористический акт». С момента введения в действие УК РФ в эту статью изменения и дополнения вносились уже шесть раз. Став правопреемницей ст. 213.3 УК РСФСР, она изначально содержала в себе огромный потенциал для совершенствования. Предусмотрев несколько положительных изменений (угроза стала оцениваться как оконченное преступление, расширен перечень

квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков), законодатель выбрал принципиально иной вариант построения ст. 205 УК РФ и допустил множество технических ошибок и спорных положений. Если ст. 213.3 УК РСФСР охватывались все возможные последствия, наступающие в результате совершения взрыва, поджога и иных подобных действий независимо от формы вины: причинение значительного имущественного ущерба или наступление иных тяжких последствий (ч. 2 ст. 213.3 УК РСФСР), а также смерть человека (ч. 3 ст. 213.3 УК РСФСР), то в первоначальной редакции ст. 205 УК РФ умышленное причинение общественно опасных последствий выходило за рамки этого состава и должно было квалифицироваться по совокупности с соответствующими статьями Особенной части УК РФ. В качестве особо квалифицирующего признака в ч. 3 ст. 205 УК РФ назывался

лишь тот факт, что эти деяния повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Однако в большинстве случаев последствия при террористическом акте наступают не в результате легкомыслия или небрежности, а являются следствием если не прямого, то косвенного умысла преступников. Взрыв или поджог жилого дома, других сооружений сопровождается реальной опасностью гибели людей, и исполнители данного преступления об этом, как правило, знают или не могут не знать. Такой подход, по мнению В.П.Емельянова, искусственно создавал «идеальную совокупность при наличии органически единого сложного преступления»¹. В связи с этим В.В.Мальцев замечал, что «общественная безопасность... как уголовно-правовой объект по своему объему шире таких объектов, как собственность, здоровье, жизнь, включает их в свое содержание. Более того, причинение ущерба общественной безопасности почти всегда происходит посредством причинения ущерба именно этим объектам. Отсюда и выделение за рамки диспозиции ч. 2 и ч. 3 ст. 205 УК РФ умышленного причинения вреда собственности, здоровью, жизни выхолщивает содержание общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны, превращая, в свою очередь, и норму о терроризме в лишенную реального содержания искусственную норму»².

Это противоречие было отчасти устранено Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. №321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам противодействия терроризму», который существенным образом изменил принцип построения нескольких уголовно-правовых норм, в том числе и ст. 205 УК РФ. Ранее ни одна статья Особенной части УК РФ (за исключением статей об ответственности за различные виды убийств) не охватывала умышленного причинения смерти человеку в процессе их совершения и требовала дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ. В настоящее время с учетом положений указанного закона в ст.ст. 205,

206 и 281 УК РФ в качестве особо квалифицирующего признака предусмотрено «умышленное причинение смерти человеку». Однако санкция этих уголовно-правовых норм в качестве наказания предусматривает лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет³ или пожизненное лишение свободы, в то время как в санкции ч.2 ст.105 УК РФ предусмотрен альтернативно такой вид уголовного наказания, как смертная казнь. Получается, что, по мнению законодателя, убийство при отягчающих обстоятельствах более общественно опасно, чем террористический акт, захват заложника или диверсия, повлекшие умышленное причинение смерти человеку.

Причины отсутствия в санкциях этих статей высшей меры наказания лежат, скорее всего, в плоскости уголовной политики, в частности ее международного аспекта. Во-первых, законодатель стремится иметь в УК РФ меньше статей, где в качестве наказания фигурирует смертная казнь, возможно, готовясь тем самым к полной ее отмене и выполнению своих международных обязательств. Во-вторых, изменив состав суда при разрешении уголовных дел, связанных с терроризмом (теперь такие дела рассматриваются коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, а ранее – судьей федерального суда общей юрисдикции и коллегией из 12 присяжных заседателей) (ст.30 УПК РФ), законодатель сделал невозможным использование в санкциях этих статей смертной казни, так как в соответствии с ч.2 ст.20 Конституции РФ смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Однако это не объясняет перекося в общественной опасности, который образовался в результате подобного «совершенствования» уголовного закона.

Отразится это противоречие и на практической деятельности. Если ранее за террористический акт, повлекший смерть человека, виновному по совокупности преступлений (ст. 205 и ч. 2 ст. 105 УК РФ) могли назначить и 25 лет лишения свободы, и пожизненное лишение свободы, то с учетом последних изменений это не так. А вот лицу, совершившему разбойное нападение, в процессе которого был убит человек (ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), по совокупности преступлений могут назначить и 25 лет лишения свободы, и пожизненное.

Таким образом, включение в статью об ответственности за террористический акт в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков указания на конкретные общественно опасные последствия стало определенным шагом вперед в деле повышения эффективности борьбы с этим опасным явлением. Однако эта законодательная новелла нуждается в ряде уточнений.

Во-первых, формулировка п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ «деяния, повлекшие причинение...» слишком громоздка, точнее было бы определить этот признак как «те же деяния, причинившие значительный имущественный ущерб либо повлекшие наступление иных тяжких последствий».

Во-вторых, выделение в п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ в качестве самостоятельного квалифицирующего признака наступление по неосторожности смерти человека представляется излишним и нецелесообразным. Как указывалось выше, смерть в результате террористических актов наступает, как правило, в результате умышленных действий виновного, а те единичные случаи, когда отношение к смерти у террористов будет выражаться в форме неосторожности, могут быть полностью охвачены понятием «иные тяжкие последствия» (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ).

В-третьих, необходимо точнее решить вопрос об умышленном причинении смерти человеку в процессе теракта (захвата заложника и диверсии). Здесь можно предложить два варианта. Либо исключить из

ч. 3 ст. 205 УК РФ (ч. 4 ст. 206 и ч. 3 ст. 281 УК РФ) указание на этот особо квалифицирующий признак, а умышленное причинение смерти, как и прежде, квалифицировать по совокупности со ст. 105 УК РФ, что устранил необходимость менять санкцию и включать в нее смертную казнь и будет согласовываться со всей существующей системой УК РФ. Либо оставить это особоотягчающее обстоятельство и дополнить санкцию ч. 3 ст. 205 (ч. 4 ст. 206 и ч. 3 ст. 281 УК РФ) смертной казнью. Однако последнее в свете определения Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №1344-О-Р представляется нереальным, так как «в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода». Поэтому наиболее вероятным является оставление данного особоотягчающего обстоятельства и ратификация Протокола №6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также внесение изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации в части отмены смертной казни.

Необходимо заметить, что изменения, внесенные в квалифицированный и особо квалифицированный составы террористического акта Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. №321-ФЗ, не исчерпываются указанием на последствия этого преступления. Не менее значимым является исключение из ст. 205 УК РФ отягчающего обстоятельства «с применением огнестрельного оружия». На необходимость подобного решения неоднократно указы-

валось в юридической литературе. Была непонятна логика законодателя, в соответствии с которой совершение этого преступления с применением огнестрельного оружия повышало его общественную опасность, а то же деяние, совершенное с применением боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, должно было квалифицироваться по ч.1 ст.205 УК РФ, так как использование при террористическом акте взрывчатых веществ и взрывных устройств охватывается понятием «взрыв». Последнее, в свою очередь, является конструктивным признаком основного состава данного преступления.

А вот тот факт, что совершение теракта организованной группой из особоотягчающих обстоятельств перешло в разряд отягчающих и приравнено по степени общественной опасности к предварительно сговорившейся группе (п.«а» ч.2 ст.205 УК РФ), представляется неоднозначным.

К сожалению, попытки усовершенствовать редакцию ст.205 УК РФ почти не отразились на примечании к данной статье. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. №321-ФЗ лишь устранил двойственность формулировок, заменив слова «акт терроризма» на «террористический акт».

Дело в том, что примечание к ст.205 УК РФ, формально предусматривая специальный вид освобождения от уголовной ответственности, фактически дублирует норму о добровольном отказе от преступления. Но освободить лицо от ответственности за приготовление к террористическому акту в связи с добровольным отказом невозможно, так как последний исключает уголовную ответственность за предварительную преступную деятельность. Можно сделать вывод, что поощрительная норма в том виде, в каком она сформулирована в примечании к ст.205 УК РФ, не имеет практического значения. Впол-

не обоснованной представляется позиция ученых (например, Л.Д. Гаухмана), предлагающих исключить названное примечание из УК РФ. Однако нельзя отрицать, что опасность рассматриваемых преступлений и тяжесть возможных последствий требуют надлежащих мер для их пресечения и раскрытия. Существенную роль в этом может сыграть поощрительная норма, только сформулировать ее нужно иначе. Необходимо напомнить, что в примечаниях к некоторым другим статьям Особенной части УК РФ в качестве условия освобождения от уголовной ответственности предусматривается деятельное раскаяние. Его основное отличие от добровольного отказа состоит в том, что отказ имеет место лишь при неоконченном преступлении, а деятельное раскаяние возможно после окончания преступления.

На основании изложенного предлагаем следующую редакцию примечания к ст.205 УК РФ: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом предотвратило наступление общественно опасных последствий и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

1 Емельянов В.П. Терроризм – как явление и как состав преступления. Харьков, 1999. С.182.

2 Мальцев В.В. Терроризм: проблема уголовно-правового урегулирования // Государство и право. 1998. №8. С.106.

3 Ограничение свободы как дополнительное наказание включено в санкции ряда статей, в том числе ст.ст.105, 205 и 206 УК РФ, Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. №377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы». В ст.281 УК РФ дополнительного наказания не предусмотрено.

АЛГОРИТМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 536

Александр Николаевич КОВАЛЬЧУК,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат технических наук, доцент

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА, СОДЕРЖАНИЯ И
ВРЕМЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ НОРМАТИВОВ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

ON THE NECESSITY OF CHANGING STATUS, CONTENT
AND TIME PARAMETERS OF NORMS IN FIREARMS TRAINING

В статье излагаются современные требования к нормативам по огневой подготовке, представлены разработанные нормативы и результаты исследований, подтверждающие эффективность предлагаемой методики обучения нормативам.

The article considers up-to date requirements to specifications in fire training. Having worked out specifications and the results of researches confirming the efficiency of the suggested technique of teaching specifications are presented.

Ключевые слова: нормативы, огневая подготовка, методика обучения.

Keywords: specifications, firearms training, training technique.

Оценка огневой подготовки подразделений органов внутренних дел, образовательных учреждений МВД России осуществляется на основе Наставления по огневой подготовке в органах внутренних дел Российской Федерации (НОП-2000), утвержденного приказом МВД России от 11 сентября 2000 г. №955.

В соответствии с НОП-2000 индивидуальная оценка огневой подготовки сотрудников всех категорий складывается из оценок, полученных ими за выполнение

контрольных упражнений, а также за знание теоретического раздела огневой подготовки (основы и правила стрельбы, материальная часть оружия, меры безопасности при обращении с оружием), и определяется:

«отлично» – если оценка за стрельбу «отлично», а за знание теоретического раздела – не ниже «хорошо»;

«хорошо» – если оценка за стрельбу не ниже «хорошо», а за знание теоретического раздела – не ниже «удовлетворительно»;

«удовлетворительно» – если обе оценки не ниже «удовлетворительно».

Таким образом, основой для индивидуальной оценки являются результаты выполнения упражнений стрельб и знание теоретического раздела огневой подготовки. При этом оценка за выполнение нормативов не принимается во внимание. На наш взгляд, такой подход к индивидуальной оценке является не вполне обоснованным. В подтверждение данного тезиса рассмотрим, что представляют из себя нормативы, и определим их место в системе огневой подготовки сотрудников ОВД.

Следует отметить, что в процессе формирования у сотрудников правоохранительных органов необходимых двигательных умений и навыков по обращению с табельным оружием нормативам по огневой подготовке отводится чрезвычайно важное место. С учетом этого в НОП-2000 нормативы выделены в отдельный раздел.

В соответствии с требованиями НОП-2000 отработка нормативов должна предшествовать выполнению упражнений стрельб и, кроме того, является обязательным условием допуска к стрельбе из боевого оружия. Таким образом, нормативы можно отнести к категории так называемых подводящих, или доогневых, упражнений. Они предназначены для выработки умений и навыков, связанных с обслуживанием оружия, подготовкой его к стрельбе, а также необходимы для ведения самой стрельбы, обеспечения ее непрерывности и требуемой скорострельности.

Прочные навыки обращения с оружием можно выработать лишь при условии систематической тренировки. В связи с этим НОП-2000 регламентируется ежемесячная отработка нормативов с выставлением индивидуальной оценки в журнал учета занятий по огневой подготовке. Тем самым нормативы выполняют еще и функции тренировочных упражнений. Регулярная отработка нормативов способствует поддержанию должной боевой готовности каждого сотрудника в период его службы в органах внутренних дел.

Нормативы также служат для оценки степени усвоения сотрудниками необходимых двигательных навыков по обращению с оружием. Следовательно, норматив – это еще и комплексный оценочный показатель выполнения отдельными сотрудниками приемов и действий, связанных с обращением с оружием.

Норматив – это не только временной показатель, характеризующий способность сотрудников в максимально короткое время выполнять определенные действия с оружием, но одновременно и качественный показатель, характеризующий степень владения оружием. Он позволяет оценить не только алгоритм выполнения конкретного приема или действия, но и культуру работы с оружием в целом, то есть совокупность приемов и методов максимально эффективного и безопасного его применения. Как правило, подготовленный стрелок выполняет приемы и действия с оружием в соответствии с установленными требованиями и правилами предельно четкими, точными и эргономичными движениями, а для неподготовленного стрелка, наоборот, характерны растерянность из-за незнания технологии выполнения норматива, излишняя торопливость, ненужные и ошибочные движения с большими затратами времени и энергии, что в условиях современного боя может привести к негативным последствиям. Кроме того, техника выполнения отдельных приемов и действий с оружием решающим образом влияет на результативность стрельбы. Следует отметить, что временной и качественный показатели норматива взаимосвязаны.

Таким образом, нормативы объединяют в себе две равнозначные функции, что делает их чрезвычайно важным элементом огневой подготовки. Они систематизируют знания и навыки в единое профессиональное умение обращаться с оружием в условиях оперативно-служебной деятельности.

Помимо этого отработка нормативов позволяет руководителю занятия создавать состязательную обстановку, устанавливать единый объективный подход при опреде-

лении уровня подготовки обучаемых, на-ходить и обобщать в ходе отработки нормативов новые формы и методы тех или иных приемов. Отработка нормативов также способствует более целесообразному использованию учебного времени.

Как видим, нормативы позволяют в целом улучшать качество индивидуальной боевой подготовки сотрудников. Однако, несмотря на столь высокую значимость нормативов, оценка за их выполнение не учитывается при выведении индивидуальной оценки огневой подготовленности сотрудников ОВД.

На наш взгляд, данное упущение следует ликвидировать. В первую очередь это касается образовательных учреждений МВД России.

Как показывает многолетний опыт работы, курсанты и слушатели в большинстве недопонимают истинного значения нормативов в плане формирования умений и навыков профессионального обращения с оружием. Поскольку оценка за сдачу нормативов никоим образом не отражается на итоговой оценке за семестр, курсанты и слушатели практически уже со второго курса охладевают к работе над данным элементом огневой подготовки.

Благоприятствует такому отношению к нормативам и то, что большинство нормативов имеют явно завышенные временные параметры. В первую очередь об этом свидетельствует тот факт, что в большинстве курсанты и слушатели выполняют нормативы по огневой подготовке со значительным перекрытием установленного времени. В результате у них наступает излишняя успокоенность. Многие считают, что достигли высокого уровня подготовки. Отработка действий с учебным оружием становится для них неинтересной. В итоге на старших курсах наблюдается некоторое снижение результатов.

Чтобы устранить данный переко-с в отношении нормативов, отдельные преподаватели их сдачу трактуют как обязательный элемент допуска к зачетам и экзаменам, а для стимуляции работы над ними либо ужесточают временные параметры

нормативов, либо усложняют порядок их выполнения, приближая его к условиям оперативно-служебной деятельности.

Однако такие мероприятия являются всего лишь полумерой. Для того чтобы нормативы действительно стали значимым элементом системы огневой подготовки, на наш взгляд, они должны приобрести статус полноценной оценки огневой подготовленности сотрудников ОВД, такой же, как и упражнения стрельб.

В этом случае индивидуальная оценка огневой подготовки сотрудников ОВД будет определяться следующим образом:

«отлично» – если оценка за стрельбу и сдачу нормативов «отлично», а за знание теоретического раздела – не ниже «хорошо»;

«хорошо» – если оценка за стрельбу и сдачу нормативов не ниже «хорошо», а за знание теоретического раздела – не ниже «удовлетворительно»;

«удовлетворительно» – если все три оценки не ниже «удовлетворительно».

Но это только одна сторона проблемы, другая заключается в следующем.

Известно, что нормативы в системе огневой подготовки имеют принципиальное значение, поскольку в них в конкретной форме задан требуемый уровень подготовленности сотрудников ОВД. Логично предположить, что заложенные в нормативах показатели должны соответствовать характеру современной профессиональной деятельности.

Однако, как показали проведенные нами исследования, действующие нормативы по огневой подготовке для пистолета Макарова не в полной мере отвечают данному требованию. В частности, установлено, что значительная часть нормативов требуют корректировки временных параметров с дифференциацией их по должностным категориям. Содержательная часть (условия и порядок выполнения) некоторых нормативов расходится с требованиями ведомственных документов, недостаточно учитывает требования практики обращения с пистолетом сотрудниками силовых структур, не в полной мере обеспечивает требования мер безопасности. К

существенным недостаткам следует отнести и то, что далеко не все необходимые приемы и действия по обращению с этим видом оружия, требующие освоения на уровне навыка, включены в перечень нормативов, определенный действующими ведомственными документами.

Помимо этого имеются и недостатки методического характера. Например, нумерация нормативов не предусматривает последовательность их освоения при обучении обращению с оружием. Следует отметить также и то, что наименование отдельных нормативов расходится с их содержанием. Наконец, в действующих ведомственных документах отсутствуют методические подходы к обучению выполнению нормативов, как это предусмотрено, например, для стрелковых упражнений.

Выявленные недостатки и противоречия ясно указывают на необходимость совершенствования нормативов по огневой подготовке для пистолета Макарова.

Поскольку важно формировать у сотрудников силовых структур необходимые двигательные навыки по обращению с пистолетом Макарова, решение данной проблемы представляется весьма актуальным и значимым для профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов.

В результате многолетних исследований, проведенных на базе СибУИ МВД России, нами были решены следующие задачи:

1) выявлены необходимые приемы и действия по обращению с пистолетом Макарова, которые требуют освоения на уровне умений и навыков;

2) обоснованы наименование и нумерация нормативов по огневой подготовке для пистолета Макарова;

3) пересмотрено содержание (условия, а в отдельных случаях и порядок выполнения) действующих нормативов по огневой подготовке для пистолета Макарова, разработана содержательная часть предлагаемых к использованию нормативов;

4) определены временные параметры нормативов по огневой подготовке для пистолета Макарова;

5) разработаны шкалы оценки выполнения нормативов по огневой подготовке для пистолета Макарова для сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и подразделений, личный состав которых выполняет должностные обязанности с оружием;

6) предложена научно обоснованная методика обучения выполнению нормативов по огневой подготовке для пистолета Макарова;

При этом теоретико-методологической основой исследования послужили следующие положения:

- нумерация нормативов должна соответствовать дидактическим принципам обучения и отражать хронологическую последовательность обращения с пистолетом в ходе выполнения сотрудниками ОВД должностных обязанностей с данным видом оружия;

- условия и порядок выполнения нормативов должны быть максимально приближены к условиям несения службы и должны обеспечивать безопасное обращение с данным видом оружия;

- временные параметры нормативов должны отвечать современным требованиям к уровню огневой подготовленности сотрудников правоохранительных органов.

В таблице 1 приведены нормативы, разработанные для обучения профессиональному обращению с оружием сотрудников ОВД. Как видим, представленные в таблице 1 временные параметры в значительной степени отличаются от действующих нормативных требований, причем в сторону их ужесточения. Это вполне согласуется с теми требованиями, которые предъявляются к огневой подготовленности сотрудников ОВД в современных условиях оперативно-служебной деятельности, и соответствует концептуальным направлениям совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации.

Обеспечить должную надежность выполнения нормативов предлагаем, используя план последовательного обучения курсан-

Таблица 1

НОРМАТИВЫ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ
ДЛЯ ПИСТОЛЕТА МАКАРОВА

№ п/п	Нормативы		Оценка				
			Отлично	Хорошо	Удовлетвори- тельно		
1	Неполная разборка пистолета		5	6	7		
2	Сборка пистолета после неполной разборки		6	7	8		
3	Снаряжение магазина патронами	патроны на столе	13	16	19		
		патроны в руке	14	17	20		
4	Заряжание пистолета	3 патронами	10	12	14		
		8 патронами	20	23	26		
5	Производство первого выстрела с различных дистанций	Стрельба с короткой дистанции без прицеливания «от пояса»	1	1,2	1,4		
		Стрельба со средней дистанции без прицеливания «навскидку»	1,2	1,4	1,6		
		Прицельная стрельба с длинной дистанции из различных положений «стоя»	3	4	5		
		«с колена»	3,5	4,5	5,5		
6	Смена магазина в различных положениях для стрельбы	«лёжа»	4	5	6		
		«стоя»	4,5	5,5	6,5		
		«с колена»	5	6	7		
7	Устранение задержки при стрельбе	Осечка	«лёжа»	6	7	8	
			«стоя»	1,5	2	2,5	
			«с колена»	1,5	2	2,5	
		Неподача патрона	«лёжа»	1,5	2	2,5	
			«стоя»	7	8	9	
			«с колена»	7	8	9	
		Прихват гильзы затвором	«лёжа»	7	8	9	
			«стоя»	1,5	2	2,5	
			«с колена»	1,5	2	2,5	
		Автоматическая стрельба	«лёжа»	1,5	2	2,5	
			«стоя»	6	7	8	
			«с колена»	6	7	8	
		«лёжа»	6	7	8		
		8	Разряжание пистолета после его применения (использования)		10	12	14
		9	Разряжание пистолета на учебных стрельбах		9	10	11
10	Комплексный норматив	Разборка, сборка пистолета, снаряжение магазина	24	27	30		
		Производство выстрела и устранение задержки при стрельбе «Осечка»	3,5	4	4,5		
		Производство выстрела и устранение задержки при стрельбе «Неподача патрона»	9	10	11		
		Снаряжение магазина в ходе огнестрельного контакта	19	21	23		

тов (слушателей) образовательных учреждений МВД России с применением метода поэтапного формирования технических действий по обращению с оружием в соответствии с фазовым характером формирования двигательных навыков. С этой целью весь процесс обучения любому нормативу условно делится на четыре стадии: Р – разучивания, У – углубленно-го разучивания, З – закрепления и С – совершенствования, которые отличаются друг от друга целями, задачами, формами и способами организации занятий.

Проведенный в СибЮИ МВД России педагогический эксперимент подтвердил, что использование предложенных нормативов и методики обучения позволяет формировать у сотрудников ОВД более высокий, по сравнению с традиционным подходом, уровень эффективного и безопасного владения табельным оружием – пистолетом Макарова. А это, в свою очередь, способствует более эффективному решению служебных задач, требующих применения или использования табельного оружия.

Со всей очевидностью об этом свидетельствует динамика суммарного времени выполнения нормативов курсантами опытных и контрольных групп по курсам обучения (рис.1).

Как видно из графика, сдача нормативов в течение семестра без постановки конкретных целей на каждом этапе обучения приводит к тому, что к 3 курсу подавляющее большинство курсантов контрольных групп, выполняя нормативы на «хорошо» и «отлично», утрачивают интерес к дальнейшему совершенствованию, перестают работать над техникой выполнения нормативов. В результате на 4 курсе показатель контрольного норматива ухудшается. По той же самой причине не наблюдается прогресса и на 5 курсе: суммарное время выполнения нормативов практически осталось на уровне 4 курса.

В опытных и контрольных группах динамика суммарного времени выполнения нормативов до 4 курса повторяется, однако прирост результатов в них более различается. Так, если в контрольных группах прирост результата составил на 2 курсе по сравнению с 1 курсом 6,4% и на 3 курсе – 16,7%, то в опытных группах прирост результата по годам обучения составил уже соответственно 11,3% и 31,2%. На 4 курсе как в контрольных, так и в опытных группах имело место некоторое ухудшение временного показателя: на 2,1% он вырос в контрольных группах и на

2,8% – в опытных. На 5 курсе динамика суммарного времени выполнения нормативов в опытных и контрольных группах была прямо противоположная: в контрольных группах временной показатель практически не изменился и остался на уровне 4 курса, а в контрольных он снизился на 7,4% по сравнению с 4 курсом. Объяснить это можно тем, что на 5 курсе слушатели опытных групп выполняли разработанные нами нормативы в усложненных условиях (на стадии совершенствования) в соответствии с примерным планом обучения нормативам по огневой подготовке, что положительным образом отразилось на временном показателе при сдаче обычных нормативов.

Таким образом, результаты выполненного исследования свидетельствуют о том, что имеется определенная динамика временного показателя сдачи нормативов у слушателей учебных заведений МВД России в течение всего срока обучения. При этом четко выявляется, что на втором и третьих годах обучения происходит наиболее выраженное его улучшение, которое сменяется некоторым снижением результатов на четвертом и пятом годах обучения.

Результаты, показанные курсантами контрольных групп, свидетельствуют о том, что существующая методика обучения нормативам по огневой подготовке курсантов и слушателей образовательных

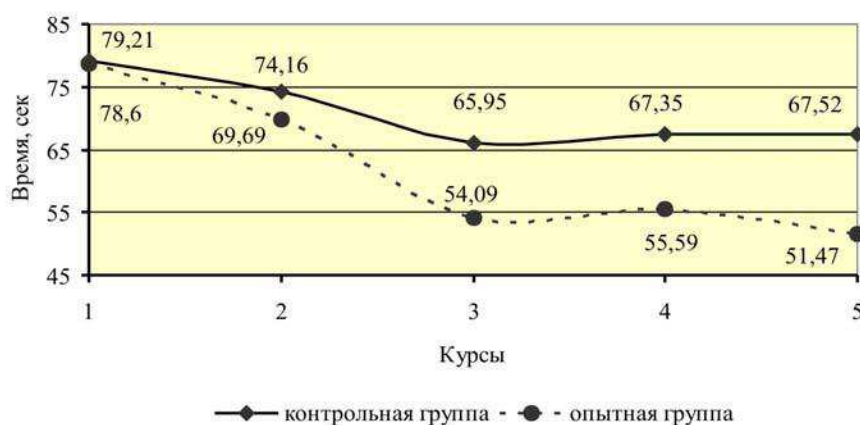

Рис. 1. Динамика суммарного времени выполнения нормативов курсантами опытных и контрольных групп по курсам обучения

учреждений МВД России не обеспечивает должного уровня их профессиональной подготовки для действий в реальных условиях.

Курсанты и слушатели опытных групп, прошедшие подготовку по разработанной нами программе с использованием метода поэтапного формирования технических действий по обращению с оружием и включением в учебный процесс различных методических приемов, направленных на развитие таких качеств, как чувство времени, быстрота, ловкость, координацион-

ные способности, внимание, значительно улучшили временной показатель выполнения нормативов по сравнению с контрольными группами.

В ходе исследования выявлено, что предложенная методика обеспечила подготовку курсантов и слушателей к действиям в реальных условиях, в то время как результаты контрольной группы, занимавшейся по стандартной программе, свидетельствуют о низкой эффективности традиционной методики подготовки.

УДК 796:378

Андрей Александрович ПУТИНЦЕВ,
преподаватель-методист отдела технических средств
обучения Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

Владимир Анатольевич ГЛУБОКИЙ,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной
подготовки Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск), кандидат педагоги-
ческих наук

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО ОБОСНОВАННЫХ МЕТОДИК ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ В ВУЗАХ МВД РОССИИ

TOPICALITY OF WORKING OUT SCIENTIFICALLY BASED METHODS OF SPORTSMEN' TRAINING IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

В статье раскрывается необходимость создания научно обоснованных методик подготовки спортсменов в условиях высшего образовательного учреждения, имеющего государственную аккредитацию.

The article considers the necessity of working out scientifically based methods of sportsmen' training in higher educational institutions having state license.

Ключевые слова: спартакиада, бегуны-стайеры, методика подготовки.

Keywords: sport or athletics meeting, long-distance runners, methods of training.

Одной из сторон профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел является выработка готовности к преследованию, единоборству, задержанию (нейтрализации) правонарушителей.

Формирование служебно-прикладных двигательных навыков и развитие физических качеств у сотрудников органов внутренних дел происходит на занятиях по физической подготовке и в процессе занятий служебно-прикладными видами спорта.

В ст. 29 Закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» указывается, что в организациях, где лица проходят специальную службу, развиваются соответствующие служебно-прикладные

виды спорта и ведется подготовка спортсменов. В данных организациях осуществляют учебно-тренировочный процесс, создают условия для занятий лиц, проходящих специальную службу, спортом на соответствующих объектах спорта, подготавливают спортсменов для участия во все-российских спортивных мероприятиях и в международных спортивных мероприятиях.¹

Считаем, что образовательные учреждения МВД России можно отнести к организациям, где лица проходят специальную службу, так как профессорско-преподавательский состав, курсанты (слушатели) согласно Закону РФ «О милиции» являются сотрудниками милиции.

Физическое воспитание курсантов и слушателей в образовательных учреждениях

МВД России регламентируется нормативно-правовыми актами Министерства образования Российской Федерации, приказами и инструкциями Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Так, на основании приказа Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию от 26 июля 1994 г. №777 в вузах МВД России может быть создано отделение спортивного совершенствования (ОСС). В учебные группы по видам спорта (системам физических упражнений) зачисляются студенты (курсанты) второго и старших курсов, показавшие хорошую общую физическую и спортивную подготовленность и желание углубленно заниматься одним из видов спорта, занятия по которым организованы в вузе.

Численный состав групп определяется приказом ректора (начальника) вуза по представлению кафедры с учетом спортивной квалификации, но не может превышать 15 человек.

Отдельные студенты (курсанты) спортивного отделения, имеющие высокую спортивную квалификацию, могут быть переведены на индивидуальный график занятий избранным видом спорта с выполнением в установленные сроки обязательных зачетных требований и тестов.

В отдельных случаях к занятиям в спортивном отделении могут быть допущены студенты (курсанты) 1-го курса, имеющие достаточную спортивную подготовленность в избранном виде спорта, но без освобождения от теоретических и методико-практических занятий.

Количество и спортивный профиль учебных групп ОСС определяются администрацией вуза и кафедрой физического воспитания (подготовки) с учетом материальных и штатных возможностей.³

Министерством внутренних дел ежегодно проводится спартакиада среди образовательных учреждений МВД России по служебно-прикладным видам спорта. В спартакиаде (в девяти видах спорта) участвуют сборные команды двадцати двух вузов МВД России. Спортсмены, занима-

ющиеся дзюдо, самбо, боксом, легкоатлетическим кроссом, могут участвовать и в соревнованиях более высокого уровня – чемпионатах и кубках России, международных соревнованиях.

Следовательно, подготовка команд в образовательных учреждениях МВД России по служебно-прикладным видам спорта должна иметь системный характер и вестись с учетом имеющихся условий.

Примером является методика подготовки бегунов, специализирующихся в беге на выносливость, разработанная в Сибирском юридическом институте МВД России (г. Красноярск), которая включает отбор, подготовку к соревнованиям, выступление в соревнованиях. При планировании учебно-тренировочных занятий учитывались условия обучения в вузе МВД России.

Методика подготовки бегунов-стайеров массовых спортивных разрядов разрабатывалась на протяжении нескольких лет. Мы начали работать над ней в 2006 г., окончательный вид она приобрела в 2009 г.

В ходе проделанной научной и учебно-методической работы нами решены следующие задачи:

- 1) изучены физиологические особенности механизмов энергообеспечения мышечной деятельности спортсменов, занимающихся бегом на выносливость;
- 2) проанализированы различные программы подготовки бегунов, специализирующихся в беге на средние или длинные дистанции;
- 3) разработана методика подготовки бегунов-стайеров массовых спортивных разрядов, включающая в себя отбор спортсменов, подготовку к соревнованиям, участие в соревнованиях;
- 4) доказана на практике эффективность методики подготовки бегунов-стайеров массовых разрядов в условиях вуза МВД России;
- 5) подготовлено и издано учебно-методическое пособие по организации и проведению тренировочных занятий бегунов-стайеров массовых разрядов в условиях вуза МВД России.

По разработанной нами методике были подготовлены четыре спортсмена 1 спортивного разряда, восемь – 2-го, двенадцать – 3-го. Если учесть, что все занимающиеся бегом на выносливость в Сибирском юридическом институте МВД России на начало подготовки не имели никаких разрядов, не занимались легкой атлетикой и приступили к систематическим тренировкам только в 16-17 лет, то этот показатель достаточно высок.

В 2009 г. команда СибЮИ МВД России на чемпионате среди образовательных учреждений МВД России по легкоатлетическому кроссу среди двадцати двух вузов заняла пятое место. По нашему мнению, это хороший результат. Так, команда института, не имея ни одного спортсмена уровня кандидата в мастера спорта, уступила только командам, имеющим в составе мастеров спорта или мастеров спорта международного класса.

Разработанная нами методика подготовки бегунов-стайеров не оказала отрицательного влияния на успеваемость по дисциплинам учебного плана высшего профессионального образования. Средний балл успеваемости у курсантов и слушателей, занимающихся в спортивной секции института, не снижался и составил 3,7 балла. Обучаемые оценивались по пятибалльной шкале.

Учебно-тренировочный процесс по подготовке бегунов-стайеров в вузе МВД России не является неизменным. Меняются правила соревнований, условия выполнения упражнений. Так, с 2008 г. в спартакиаду среди образовательных учреждений МВД России был включен летний служебный биатлон, а с 2009 г. в рамках спартакиады стали проводить лично-командный чемпионат по преодолению полосы препятствий со стрельбой. По нашему мнению, подготовка к участию в

соревнованиях по легкоатлетическому кроссу является базовой по отношению к подготовке к соревнованиям по летнему служебному биатлону или преодолению полосы препятствий со стрельбой.

Правила и условия выполнения упражнений прописаны в Регламенте проведения спартакиады МВД России среди образовательных учреждений по служебно-прикладным видам спорта, но по большинству видов спорта, культивируемых в системе МВД России, нет научно обоснованных методик тренировки спортсменов, подготовка не систематизирована и проводится по наитию тренеров-преподавателей кафедр физической подготовки. Если таковые методики и имеются, то они не учитывают специфику обучения курсантов (слушателей) в образовательных учреждениях МВД России. Учебно-тренировочный процесс, не учитывающий закономерности спортивной тренировки, не опирающийся на физиологию мышечной деятельности, может только навредить, не говоря уже о том, что при безграмотной и неправильной подготовке не будет высоких результатов.

В связи с этим разработка научно обоснованных методик, учитывающих условия обучения в вузах и позволяющих эффективно готовить квалифицированных спортсменов в учреждениях высшего профессионального образования, весьма актуальна.

1 О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. №329-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск. №4539 (08.12.07).

3 Об организации процесса физического воспитания в высших учебных заведениях : приказ Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию от 26 июля 1994 г. №777 (ред. от 26.12.2008) // СПС КонсультантПлюс.

УДК 378.4

Ольга Николаевна КРУГЛЯНИНА,
преподаватель-методист учебного отдела
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат социологических наук

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

UNIVERSITY MISSION: THE HISTORY OF DEVELOPMENT AND CURRENT APPROACHES TO THE TEACHING IN HIGHER SCHOOL

Статья посвящена анализу исторической роли университетов в деле просвещения народов, формирования культуры общества в процессе эволюции. Рассматриваются проблемы педагогической подготовки преподавателей в непедагогических вузах.

The article is devoted to the analysis of historical role of universities in the sphere of public education and forming of society culture in the process of evolution. The problems of teachers' training in non-pedagogical higher educational institutions are considered.

Ключевые слова: университет, просвещение, образовательная миссия, высшая школа, стандарты обучения, инновационные технологии образования, педагогическая деятельность, компетентность преподавателя, методы обучения, проблемное обучение.

Keywords: university, education, educational mission, higher educational institution, standards of teaching, innovative educational technologies, educational activity, teacher competence, problem teaching.

Известный французский мыслитель Ренан утверждал, что на свете существуют народы и государства двух порядков: у одних есть ученые, у других нет.¹

Первой формой государственного содействия науке стали академии, которые возникли в XVII-XVIII столетиях по всей Европе.

Однако наука зарождалась раньше, еще в античной культуре. Ее распространению способствовало сближение с преподаванием, с обучением. Начало этому процессу было положено в XI-XII вв. Именно тогда появились высшие школы, а затем и университеты.

Возникновение университетов в Европе начала XIII в. было обусловлено расцветом торговли, складыванием денежной экономики, ростом городов, совершенствованием сельскохозяйственного производства.

Этот процесс развивался в двух направлениях: одно из них – нацеленность на получение и тиражирование фундаментальных знаний; другое – стремление получить практическую высококлассную профессиональную подготовку.

Университеты, отвечая в каждом конкретном случае на естественно возникавшие запросы конкретного общества, смогли стать авангардом общественно-культурного прогресса, отражением меры цивилизованности народа, уровня его государственности.

Высокий уровень научного знания, сформировавшиеся научные школы, обеспечивавшие трансляцию и воспроизводство знаний и образованных людей, способных к новым открытиям, создали европейским университетам международный авторитет.

Однако в Средние века многие университеты Западной Европы превратились в центры схоластики и реакции: они противились реформам в образовании под влиянием религиозной идеологии.

Изначально свободное познание истины свободным сообществом профессоров и студентов становилось невозможным в условиях тотального контроля инквизиции.

И хотя формально университет в закрытом обществе сохранялся, деятельность его по большому счету превращалась в псевдодеятельность.

После нескольких исторических этапов формирования университетов начала складываться и теория университета. Факторами, способствовавшими теоретическим размышлениям о роли университета, были потребности развернувшейся промышленной революции, гражданского общества в образованных людях.

Два основных направления в теории университета отразили разные потребности социальной практики.

Первая тенденция в развитии университета была связана с образовательной миссией университета, обогащающей личность духовно и потому освобождающей ее творческие способности. Традиционно эта тенденция базировалась на книжной учености.

Монастыри знали книги уже с начала Средних веков. Но книга монастырская и книга университетская очень отличались друг от друга – первая являлась сокровищем, а вторая была инструментом познания. Книга университетская несла распространение письменной культуры и, в первую очередь, доказательство истины.

Десакрализация книги сопровождалась рационализацией методов интеллектуальной работы, главным достижением которой было создание теории «двойственной истины» – истины веры и истины разума, что позволило в конечном счете Р. Декарту (1596–1650) заложить теоретические принципы современного научного мышления.

В период зарождения университетов в европейском общественном сознании про-

исходили серьезные сдвиги – углубление человека в свой духовный мир, размышление о процессах изменения своих внутренних состояний. Важное место в культуре стали занимать вопросы сознания и самосознания.

Итак, средневековая европейская культура благодаря возникновению университетов, зарождению науки и книжной образованности приобретала новый облик, в котором значительной чертой стали интеллектуализм, рациональное сознание.

Но была и другая тенденция в развитии теории университета. Она связана с потребностями общества в большом количестве грамотных, хорошо образованных специалистов – теологах, юристах, врачах и т.д.

Первые университеты в Италии (Болонье) выросли из частных школ права. Возникновению университета в Париже способствовало превращение города в политический, экономический и культурный центр. Оксфорд в Англии имел определенное стратегическое и политическое значение. Это был город, где размещалась королевская администрация. Здесь был также церковный центр. На протяжении десяти лет Оксфордская школа права была единственной в Англии, которая привлекала иностранных студентов. Городом, в котором высшая медицинская школа приобрела статус университета в то же время, что и школа права в Оксфорде, был французский город Монпелье.

Новые университеты позднего средневековья – начала Нового времени – строились по парижскому образцу. Они стремились иметь четыре «классических факультета» – искусств, теологии, права, медицины.

Таким образом, в рамках первой тенденции разрабатываются идеалы классического универсального образования, в рамках второй – высшего профессионального.

Россия, будучи европейской страной по историческому происхождению, к XVIII в. отстала в социально-экономическом и

промышленном отношении от других стран континента. Царизм не был заинтересован в подлинном просвещении народа. Отсутствие гражданского общества, традиций письменного права также препятствовало оформлению разрозненного и немногочисленного опыта светской и духовной школы в систему просвещения. Кроме того, поскольку начальное и среднее образование в России находилось в зачаточном состоянии, отсутствовала собственная база для создания университетов.

Петр I пытался организовать первый университет. Он издал в 1724 г. указ с объяснением назначения академического университета для укрепления наук и распространения их в государстве.

Первый реально действовавший российский университет был открыт в правление Елизаветы Петровны (1709–1761) при активном участии выдающегося русского ученого М.В. Ломоносова (1711–1765).

Идейно и теоретически система русского просвещения сложилась при Екатерине II (1729–1796).

Более полная система просвещения начала формироваться при Александре I (1777–1825). Удачный пример Московского университета и появление молодых, получивших образование за границей аристократов влияли на изменение сознания правящей элиты. Однако десятилетия ушли на то, чтобы открыть дорогу другим университетам в России.

До конца XIX в. были открыты всего девять университетов – Московский (1755), Дерптский (Юрьевский – 1802), Казанский (1804), Харьковский (1804), Петербургский (1819), Университет Св. Владимира в Киеве (1833), Новороссийский университет в Одессе (1864), Варшавский (1869), Томский (1888) и еще три – в начале XX в.: Саратовский (1909), Ростовский (1915), Пермский (1916).

Сегодня человечество подошло к порогу глубочайших социальных перемен и творческого переустройства мира. На смену индустриальной цивилизации идет информационная эра. В процессе становления информационной цивилизации находят

отражение объективные мировые тенденции, обостряя ситуацию конфликта материальных и идеальных ценностей культуры.

Информационное общество представляет собой еще нереализованную на практике модель социокультурного развития. Оно определяется как особый тип общественного устройства, приоритеты которого направлены на информационное производство, а не на производство материальных ценностей.

В период сложных преобразований мира культуры возникает иллюзия: все, что не укладывается в рамки классического стиля, лишено смысла и формы. Однако сложный процесс трансформации культуры есть результат столкновения прошлого и будущего. Прошрое остается действенной силой, а настоящее подчиняется требованию будущего.

Неизбежное усложнение системы общественных отношений определило необходимость развития практик информационного обмена. Объективные тенденции развития мировой культуры обусловили развитие систем коммуникационного взаимодействия. Реализация позитивистских программ способствовала неуклонному росту образования, повышению уровня интеллектуального развития населения планеты. По оценкам Н. Винера, около 80% ученых, некогда живших в мире, принадлежали XX столетию.

Особенностью современного высшего образования стало формирование нескольких моделей просвещения.

Теологический подход к просвещению кардинально отличается от светского. Религиозное знание не претендует на то, чтобы быть знанием в научном смысле слова, оно неразрывно связано с верой, переживанием. В нем преобладает, по мысли Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, духовно-нравственное начало воспитания души человеческой над обучением как способом развития абстрактного, отвлеченного мышления, над обучением как накоплением всевозможной информации.

Для светского просвещения основаниями являются приоритет рационального действия, установка на личный успех и признание, тяга к благосостоянию и комфорту, достижение экономического благополучия.

Деятель просвещения предстает как посредник между информацией и абонентом, поэтому им является не интеллигент, а интеллектуал-профессионал, несущий гражданскую ответственность перед обществом.

Художественное просвещение идет по линии ценностной ориентации личности в мировом и отечественном художественном наследии, в современной художественной культуре, направления ее творческой активности в позитивное, созидательное русло.

Фольклорно-этнографическая модель просвещения имеет ярко выраженную духовно-нравственную, патриотическую направленность, опирается на распространение лучших образцов народного творчества, самобытных традиций, обрядов, ремесел. Но при этом элементы народной культуры возрождаются преимущественно не как органичный элемент жизненного уклада, а как вторичное, театрализованное, сценическое воплощение в форме народных праздников, гуляний, фестивалей.

Современная гуманистическая модель просвещения опирается на идеи, которые определяют цель просвещения как духовное строительство, нравственное совершенствование каждого человека как сознательного участника эволюционного процесса, творческой индивидуальности, представляющей собой особого рода микрокосм, в котором отражается макрокосм. Ведущая роль отводится искусству и естествознанию, изучению наследия классической культуры в ее полном объеме.

На страницах газеты Сибирского федерального университета «Сибирский форум» в мае 2010 г. состоялся разговор о мировых тенденциях развития современного образования, о судьбах российского образования, в частности о том, «в каком

фарватере движется Россия».

А.Бутенко – преподаватель СФУ, сфера профессиональных интересов которого – подготовка и осуществление системных изменений в области образования, считает, что «ключевой контекст развития мировых тенденций – это соперничество цивилизационных центров за лидерство». И образование, по его мнению, используется как инструмент усиления того или иного игрока.

Основное действие на этом поле игры, на взгляд В.Ефимова – начальника отдела стратегического развития СФУ, – Болонский процесс как фактор формирования для стран Европы общего рынка труда, дипломов, квалификаций. Для России участие в данном процессе имеет два характеризующих признака – с одной стороны, возможность интеграции в Европу, с другой – отчуждение в Европу и США человеческого капитала высочайшего интеллектуального качества и ослабление позиции самостоятельного геополитического развития.

О.Леонов – эксперт в области управления социальными процессами отметил еще одну мировую тенденцию – деглобализацию: «Глобализацией все страны наелись, особенно после того, как прокатился последний кризис. Болонская система как продукт глобализации вступает в противоречие с этой тенденцией. Может быть время задуматься: а вписываться ли нам в мировую систему?».

Каково же должно быть содержание высшего образования в России – вопрос российской образовательной стратегии в целом.

Специфика России в том, что у нас на рынке труда много декораций: декоративное право, которое сами правоохранительные органы нарушают, декоративное местное самоуправление, которым управляет Федерация, и декоративное образование, когда человек идет в вуз, но ничему там не научится (О.Леонов).

Там, где образование имеет нормальные связи с реальной сферой услуг и производства, образование есть. Необходи-

димо также наличие еще двух субъектов – крупных компаний и государства. Экономически обоснованные инновации подготавливают и реализуют на деньги корпораций, а университеты как центры подготовки поколений специалистов могут состояться, если будут запущены механизмы серьезных, масштабных государственных и корпоративных грантов (А.Бутенко).

Если же говорить конкретно о содержании образования, то в университетах должны быть специальные места, где формируется профессиональное мышление – мышление, способное создавать новые технологии. Когда студент находится в команде, которая такую технологию разрабатывает, он обучается. «Где в университетах развивается профессиональное мышление: инженерно-техническое, гуманитарное, естественнонаучное? Как студенты его видят? Через лекции, что ли? Нет, конечно. Это ключевой вопрос к содержанию образования» (В. Ефимов).

Современный этап развития системы высшего образования характеризуется разработкой новых содержательных стандартов обучения, отражающих наиболее значимые научные достижения. Новая научная парадигма основана на синтезе гуманитарного и естественнонаучного типов мышления, рационального научного познания и культурного контекста.

Она не может игнорировать следствия информационной революции, массового вхождения человека в Интернет. В связи с этим актуальной потребностью современной системы образования является разработка инновационных технологий обучения.

Под технологиями обучения понимается совокупность психолого-педагогических воздействий на личность, которые объединены общей методологической платформой.

Компетентность преподавателя предполагает достаточно высокий уровень развития теоретического и практического мышления, так как сегодня не только образование, но и множество альтернативных источников, часто антагонистичес-

ких по отношению к фундаментальному образованию, являются носителями информации.

Процесс потребления альтернативной информации создает для студента условия ее получения в удобном для себя режиме и темпе с ярко выраженной мотивацией – потребляется то, что интересно.

Долгое время традиционные методы обучения, основанные на преобладании лекционных занятий и транслировании научной информации, были достаточными, ни у кого не возникало сомнений в их целесообразности. Естественной считалась ситуация отсутствия у преподавателя вуза педагогической квалификации.

До сих пор во «Временных требованиях к основным образовательным программам послевузовского профессионального образования» психолого-педагогические дисциплины отнесены к категории факультативных (Инструктивное письмо «О порядке формирования основных образовательных программ послевузовского профессионального образования»)².

Никаких нормативных документов, ограничивающих преподавательскую деятельность при отсутствии первоначальной педагогической подготовки, не существует. Однако современное высшее образование представляет собой настолько сложный социальный институт, что без специальных педагогических знаний обходиться невозможно.

Преподавание любой дисциплины – настоящее искусство, требующее отличного владения не только содержанием предмета, но и всем технологическим комплексом приемов передачи знаний и организации педагогического процесса. Необходимо знать, что преподавать и как преподавать.

Ошибочное мнение, что молодой преподаватель самостоятельно «методом проб и ошибок» освоит педагогическое мастерство, наносит непоправимый вред нескольким поколениям студентов, обучающихся у такого преподавателя.

Преподаватель вуза должен быть специалистом в своей области, активно за-

ниматься исследовательской работой, систематически публиковаться в журналах, разрабатывать методику преподавания своей дисциплины, внедрять в практику свои научные результаты, постоянно докладывать о своей работе на различных форумах. При этом специалист, не предоставивший легитимного свидетельства о своей начальной педагогической подготовке, не должен даже допускаться к конкурсу на должность доцента.

Подготовленных преподавателей в вуз никто не пришлет, педагогические кадры готовит для себя сам вуз. Для этого необходимо располагать преподавательским корпусом высокого уровня.

С этой целью в Сибирском юридическом институте МВД России (г. Красноярск) функционирует школа педагогического мастерства.³ Обучение в школе проводится в соответствии с рабочей учебной программой школы педагогического мастерства, которая разработана с целью оказания помощи начинающим преподавателям в овладении профессиональными знаниями, умениями и навыками, а также для подготовки их к педагогической деятельности с учетом ее специфики в вузах МВД России.⁴

Целью данного курса является совершенствование подготовки будущего преподавателя высшей школы в областях:

- реализации профессиональных образовательных программ на уровне, отвечающем государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования;
- разработки и применения современных образовательных технологий, выбора оптимальной стратегии преподавания в зависимости от уровня подготовки обучающихся и целей обучения;
- обеспечения взаимосвязи научно-исследовательского и учебного процессов в высшей школе, возможностей использования результатов собственных научных исследований в качестве средства совершенствования образовательного процесса;
- формирования профессионального мышления, воспитания гражданственности, развития системы ценностей, смысловой и

мотивационной сфер личности, направленных на гуманизацию общества;

- проведения исследований частных и общих проблем преподавания.

Поиск ответа на традиционный дидактический вопрос «как учить» выводит нас на категорию методов обучения. Без методов невозможно достичь поставленной цели, наполнить обучение необходимым содержанием. Метод связывает запроектированную цель и конечный результат. Его роль в системе «цели – содержание – методы – формы – средства обучения» является определяющей.

Метод обучения – это упорядоченная деятельность педагога и обучающихся, направленная на достижение заданной цели обучения. Основные методы обучения, принятые в классической педагогике, приведены в таблицах 1, 2 и на рисунке 1.

В русле ассоциативно-рефлекторной концепции разработаны основы проблемного обучения. Они представляют собой совокупность взаимосвязанных методов и средств, обеспечивающих возможность творческого участия курсантов и слушателей в процессе усвоения новых знаний, формирования творческого мышления и познавательных интересов личности. Фундаментальные работы Т.В.Кудрявцева, А.М.Матюшина, М.И.Махмутова и других ученых, посвященные теории и практике проблемного обучения, появились в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Центральными категориями проблемного обучения являются проблемная ситуация, проблема и проблемная задача.

Проблемная ситуация представляет собой познавательную трудность, для преодоления которой курсанты (слушатели) и студенты должны приобрести новые знания или приложить интеллектуальные усилия. Проблемная ситуация, осознанная и принятая обучающимися к решению, перерастает в проблему. Проблема с указанием параметров и условий решения представляет собой проблемную задачу. Последняя отличается от проблемы тем, что в ней заведомо ограничено поле поиска решения.

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

Основные группы методов обучения	Основные подгруппы методов обучения	Отдельные методы обучения
1. Методы стимулирования и мотивации учения	1.1. Методы формирования мотивации интереса к учению	Познавательные игры, учебные дискуссии, методы эмоционального стимулирования и др.
	1.2. Методы формирования чувства долга и ответственности	Методы учебного поощрения, порицания, предъявления учебных требований и др.
2. Методы организации и осуществления учебных действий и операций	2.1. Перцептивные методы (передача и восприятие учебной информации посредством чувств):	
	словесные методы	лекция, рассказ, беседа и др.
	наглядные методы	методы иллюстраций, демонстраций, кинопоказа и др.
	аудиовизуальные методы	сочетание словесных и наглядных методов
	практические методы	методы упражнений, проведения опытов, выполнения трудовых заданий и др.
	2.2. Логические методы (организация и осуществление логических операций)	индуктивные, дедуктивные, метод аналогий и др.
	2.3. Гностические методы (организация и осуществление мыслительных операций)	Проблемно-поисковые (проблемное изложение, эвристический метод и др.), репродуктивные (инструктаж, иллюстрирование, объяснение, практическая тренировка и др.) методы
	2.4. Методы самостоятельного управления учебными действиями	Самостоятельная работа с книгой, приборами, объектами труда и др.
3. Методы контроля и самоконтроля	3.1. Методы контроля	Методы устного, письменного, лабораторного, машинного контроля. Методы самоконтроля.

Совокупность таких целенаправленно сконструированных задач и призвана обеспечить основные функции проблемного обучения: творческое овладение учебным материалом и усвоение опыта творческой деятельности.

Проблемное обучение предполагает строго продуманную систему проблемных ситуаций, проблем и задач, соответствующих познавательным возможностям курсантов и слушателей.

С этой целью предусматриваются различные уровни проблемности:

– первый уровень характеризуется тем, что преподаватель сам анализирует проблемную ситуацию, выявляет проблему, формулирует задачу и направляет курсантов и слушателей на самостоятельный поиск путей решения;

– второй уровень – педагог вместе с обучающимися анализирует ситуацию и подводит их к проблеме, а они самостоятельно формулируют проблемную задачу и решают ее;

– третий уровень (самый высокий) – до обучающихся доводится проблемная ситуация, а ее анализ, выявление пробле-

Таблица 2

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ И ИХ ФУНКЦИИ

	Метод обучения	Теоретическая оценка пригодности для выполнения функций				
		обучающей	развивающей	воспитывающей	побуждающей	контрольной
1.	Рассказ	+++++	+++++	+++++	+++++	++
2.	Беседа	+++++	+++++	+++++	+++++	++
3.	Лекция	+++++	+++++	+++++	+++++	+
4.	Дискуссия	+++	+++++	+++++	+++++	+++++
5.	Работа с книгой	+++++	+++++	+++++	+++++	+++++
6.	Демонстрация	+++++	+++++	+++++	+++++	++
7.	Иллюстрация	+++++	+++++	+++++	+++++	++
8.	Видеометод	++++	++++	+++++	+++	+++++
9.	Упражнения	+++++	+++++	+++++	+++++	+++++
10.	Лабораторный метод	+++++	+++++	+++++	+++++	+++
11.	Практический метод	+++++	+++++	+++++	+++++	+++
12.	Познавательная игра	++++	+++++	+++++	+++++	+++++
13.	Методы программированного обучения	+++++	+++	+++	+++++	+++++
14.	Обучающий контроль	++	++	++	+++++	+++++
15.	Ситуационный метод	++++	+++++	+++++	+++++	+++

Рис. 1. Классификация методов активного обучения

мы, формулировка задачи и выбор оптимального решения курсантами и слушателями осуществляются самостоятельно.

Основной целью проблемного обучения в вузе является активизация познавательной активности курсантов и слушателей. Создание проблемной ситуации в этом случае выступает в качестве способа достижения названной цели.

В результате в ходе познавательной деятельности курсант (слушатель) наталкивается, часто совсем неожиданно, на что-то непонятное и неизвестное. В таком случае процесс мышления начинается с анализа проблемной ситуации (возникшей трудности), из которого рождается формулирование учебной проблемы (задачи), подлежащей разрешению. Осознание проблемы означает, что удалось предварительно отделить известное от неизвестного. Установление связей, отношений между ними позволяет искать и находить пути решения учебной проблемы.

Важным признаком создания проблемной ситуации в обучении является возникновение трудности, преодолеть которую курсант (слушатель) может лишь собственной мыслительной деятельностью (активностью). При этом проблемная ситуация должна быть значимой для обучающегося и по возможности связанной с его интересами, предшествующим опытом и будущей профессиональной деятельностью.

Типы проблемных ситуаций, часто возникающих в процессе обучения, наиболее полно выделил Т.В.Кудрявцев. Проблемная ситуация возникает:

- когда обнаруживается несоответствие между имеющейся у обучающегося системой знаний и новыми требованиями (между старыми знаниями и новыми фактами, между знаниями более низкого и более высокого уровня, между житейскими и научными знаниями);

- при необходимости многообразного выбора из систем имеющихся знаний единственной необходимой системы, использование которой и может обеспечить правильное решение предложенной учебной проблемы;

- при столкновении с новыми практическими условиями использования уже имеющихся знаний, когда имеет место поиск путей применения знаний на практике;

- если имеется противоречие между теоретически возможным путем решения учебной проблемы и практической неосуществимостью или нецелесообразностью избранного способа, а также между практически достигнутым результатом выполнения задания и отсутствием теоретического обоснования его решения;

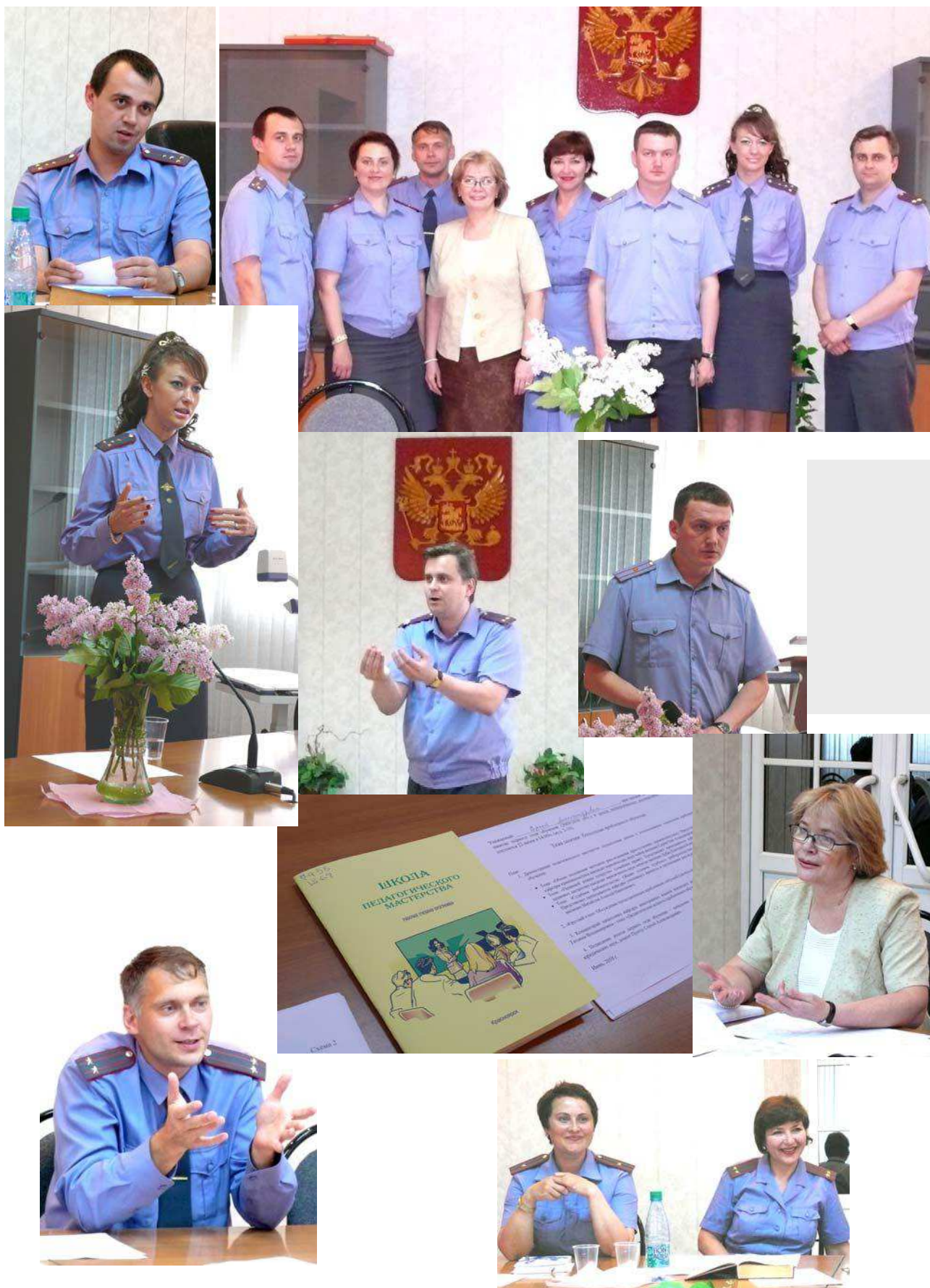
- при решении технических задач - когда между внешним видом схематических изображений и конструктивным оформлением технического устройства отсутствует прямое соответствие;

- если существует объективно заложенное в принципиальных схемах противоречие между статическим характером самих изображений и необходимостью прочитать в них динамические процессы.

Педагогическими условиями успешности проблемного обучения в вузе являются создание познавательных трудностей, соответствующих интеллектуальным способностям курсантов и слушателей; обеспечение их совокупностью знаний по предметному содержанию проблемной ситуации; формирование у обучающихся операционных умений в решении проблемных задач.

Вышеперечисленное составляет основные положения проблемного обучения, главное достоинство которого - развитие творческого потенциала курсантов и слушателей, проявляющегося в умении мыслить логически, научно, диалектически, способствующего переходу знаний в убеждения, формированию интереса к научному знанию, появлению чувства удовлетворения и уверенности в своих силах и способностях.

Именно методу проблемного обучения было посвящено итоговое занятие первого года обучения в школе педагогического мастерства 22 июня 2010 г. в Сибирском юридическом институте МВД России (г. Красноярск).

Слушатели первого года обучения в школе педагогического мастерства в 2009/10 учебном году – доцент кафедры криминалистики Олег Александрович Су-ров, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и организации расследования преступлений Алексей Николаевич Михайлов, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Екатерина Константиновна Дубец – поделились в ходе круглого стола результатами использования в педагогической деятельности метода проблемного обучения, а также обменялись с присутствовавшими на занятии преподавателями и сотрудниками института впечатлениями об обучении. С обеих сторон были высказаны пожелания успешной работы в данном направлении и мнение о перспективности использования метода проблемного обучения в преподавательской деятельности.

Необходимо понимать, какую бы модель просвещения ни реализовывали современные университеты, целью высшего образования сегодня должны стать вос-

производство и прогресс культуры во всем многообразии ее общечеловеческого и национального богатства. Нет и не может быть образования, которое не уходило бы корнями в национальную, этническую культуру. Но никогда не был и не будет образованным народ, не стремящийся овладеть всей суммой общечеловеческих ценностей, познать культуру других наций и народностей. Эффективной система образования станет лишь тогда, когда в обществе будет высок статус человека знающего, культурного, интеллигентного, просвещенного.

1 Ренан Ж.Э. Будущее науки // Жозеф Эрнест Ренан. Собр. соч. СПб., 1902-1903. Т.1-12.

2 Факторович А.А. Педагогическая деятельность преподавателя вуза в современных условиях // Педагогика. 2010. №5.

3 См.: Положение о школе педагогического мастерства : утверждено приказом начальника Сибирского юридического института МВД России от 28 марта 2008 г. №205.

4 Круглянина О.Н., Куприянчик Т.В., Пунтус С.А. Школа педагогического мастерства : рабочая учебная программа. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343

Наталья Алексеевна ШАБЕЛЬНИКОВА,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного
юридического института МВД России,
доктор исторических наук, профессор

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МИЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С СОЦИАЛЬНЫМИ ВИДАМИ ПРЕСТУПНОСТИ В 1920-е гг.

FAR-EAST MILITIA ACTIVITY IN THE FIGHTING SOCIAL CRIME IN 1920

В статье рассматривается процесс становления административно-правовой охраны общественного порядка на Дальнем Востоке в 1920-е гг. и роль милиции в ее обеспечении. На основе широкого круга источников анализируется исторический опыт деятельности дальневосточной милиции по борьбе с социальными видами преступности.

The process of development of administrative and legal protection of public order in Far-East in 1920-ies and the militia role in its providing are considered in the article. On the basis of wide range of sources the historical experience of the Far-Eastern militia in fighting social crimes is analyzed.

Ключевые слова: милиция, уголовный розыск, общественный порядок, Дальний Восток, контрабанда, конокрадство, хулиганство, наркопреступность, детская преступность.

Keywords: militia, crime detection, public order, Far-East, smuggling, horse-stealing, hooliganism, drug related crime, juvenile delinquency.

Одной из важнейших задач реформирования российского общества на современном этапе является укрепление органов милиции, реальное повышение их роли в осуществлении государственной власти, обеспечении общественного порядка и безопасности в регионах. Для успешного решения этой задачи необходимо в полной мере учитывать опыт деятельности милиции на различных истори-

ческих этапах развития страны. Было бы неправильно идеализировать, переоценивать роль и место органов милиции в государственной структуре общества. Но нельзя и недооценивать их деятельность, игнорировать многообразные уроки истории. В этих условиях исследование исторического опыта деятельности милиции по борьбе с социальной преступностью в 1920-е гг. имеет особую значимость.

Важнейшим направлением деятельности аппаратов милиции и уголовного розыска в 1920-е гг. был поиск различных методов борьбы с преступностью. Борьба милиции с преступностью складывалась из трех составляющих: 1) предупреждение готовящегося преступления; 2) пресечение начавшегося преступления; 3) раскрытие совершившегося преступления и задержание преступника. В 1920-е гг. эти задачи выполнялись путем систематического учета преступных элементов, розыска преступников и производства дознаний.

С укреплением аппаратов милиции и уголовного розыска на Дальнем Востоке была начата разработка организационных и профилактических мер по борьбе с такими специфическими для региона социальными преступлениями, как хулиганство, спиртоношество, притоносодержание, а также с детской преступностью.

Основным элементом хулиганства в подавляющем большинстве случаев является насилие как способ достижения преступной цели посредством безнравственного, циничного поведения, причинения физического и материального вреда. Для хулиганства характерна повышенная латентность: потерпевший не всегда обращается в правоохранительные органы и преступление оказывается скрытым. Механизм хулиганства связан, главным образом, с агрессивно-пренебрежительным отношением к личности.

Удельный вес хулиганства, по сравнению с другими видами преступлений, определяется закономерностями социального развития общества, а также связан со степенью активности правоохранительных органов, ведущих борьбу с этими преступлениями. В условиях современного общественного развития такой вид преступности, как хулиганство, занимает одно из ведущих мест в печальной статистике преступлений. Так, в 1989 г. в структуре насильственных преступлений хулиганство занимало первое место – 12,5%, умышленные убийства – 2,8%, тяжкие телесные повреждения – 3,8%.¹

Формы проявления хулиганских действий, имевшие место в 1920-е гг., исследователи подразделяют на ряд категорий²:

1) хулиганство традиционно-бытового характера, к которому следует отнести пьянство как антисоциальное явление и сельские праздники, в ходе которых имели место кулачные бои, драки, картежные игры, часто заканчивавшиеся поножовщиной, и др.;

2) уголовное хулиганство, неизбежно вытекающее из первого и превращающееся в драки и дебоши с оружием в руках, включая ранения и убийства, избиение женщин, изнасилование и т.д.;

3) хулиганство на почве национального антагонизма, случаи которого использовались для сведения личных счетов русского населения с представителями других народностей;

4) хулиганство, имеющее политический характер: оскорбление существующей власти и отдельных ее представителей.

Фактором, способствующим росту преступности в целом и хулиганства в частности, было большое количество безработных, – только в Приморском крае – 13000 человек.³ В городе Владивостоке Приморской губернии за 1925/26 отчетный год были привлечены к уголовной ответственности за пьянство 2327 человек, за хулиганство – 137, за хранение наркотических веществ – 435, за притоносодержание – 204, за проституцию – 37.⁴

Борьба с хулиганством была одним из важнейших направлений деятельности милиции. Велась она посредством практических мероприятий (проведения облав, обходов, выявления лиц без прописки и т.д.), мобилизации общественности на борьбу с хулиганством (выступления сотрудников милиции с докладами в трудовых коллективах, проведение показательных процессов над злостными хулиганами и пр.).

Право милиции привлекать граждан к борьбе с хулиганством нашло законодательное закрепление в декрете СНК РСФСР от 8 декабря 1926 г. «Об оказании

гражданами содействия милиции при задержании пьяных и хулиганов»⁵. Вскоре после издания этого документа стали создаваться дружины по борьбе с хулиганством.

Принципы построения и комплектования, задачи и порядок работы дружин определялись при активном участии партийных и комсомольских организаций Дальнего Востока. Так, 5 ноября 1926 г. на заседании клубной комиссии агитационно-пропагандистского отдела Далькрайкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос «О борьбе с хулиганством». В принятой резолюции комиссия указала на необходимость создания рабочих дружин по борьбе с хулиганством, в первую очередь в районах, наиболее неблагополучных в этом отношении.⁶ Аналогичный вопрос был рассмотрен Президиумом Никольск-Уссурийского райкома ВКП(б) 26 ноября 1926 г. В ходе обсуждения было принято решение об организации при клубах дружин по оказанию помощи милиции в борьбе с хулиганством.⁷

Газета «Забайкальский рабочий», орган Читинского окружкома ВКП(б) и окрисполкома, 17 октября 1926 г., признавая необходимость усиления борьбы с хулиганством и привлечения к ней широких слоев общественности, писала: «По примеру центра нам следует подумать и приступить к делу организации рабочих дружин по борьбе с хулиганством. Советские и профессиональные органы должны оказать всяческое содействие этому начинанию»⁸.

Дружины, как правило, организовывались по производственному принципу – на фабриках, заводах, железных дорогах и т.д., на добровольных началах и сосредотачивались при клубах предприятий. Во всех дружинах устанавливалось единое правило, по которому дружинники, допустившие нарушение дисциплины или иную провинность, исключались из ее состава. Общим для всех дружин являлось и то, что деятельность по борьбе с хулиганством они вели в тесном контакте с органами милиции. Работники милиции инструкти-

ровали дружинников, определяли им конкретные задачи, в случае необходимости приходили на помощь. Дружинники вместе с работниками милиции участвовали в оперативных действиях – облавах, поимке преступников, раскрывали точки самонаварения и шинкарства.⁹

Хотя правовой статус этих самостоятельных формирований не был определен, их деятельность проходила в непосредственном контакте с милицией. В статьях «Правды» положительно оценивалось возникновение дружин по борьбе с хулиганством и отмечалось, что «милиция во всех случаях приходила дружине на помощь. Поставые милиционеры, участковые надзиратели оказывали максимальное содействие членам дружины»¹⁰.

В середине 1920-х гг. на совещании административных работников при административном отделе Владивостокского окружного исполкома в качестве основных мер борьбы с хулиганством были предложены следующие¹¹:

- 1) предоставить должностным лицам (сотрудникам милиции) право привлекать граждан, дворников и ночных сторожей к содействию задержанию «сопротивляющихся хулиганов и пьяных»;
- 2) признать необходимым проведение ряда дел о хулиганах показательным процессом в рабочих районах;
- 3) признать недопустимым условно-досрочное освобождение в отношении лиц, осужденных за хулиганство;
- 4) поставить вопрос об ограничении продажи спиртных напитков в рабочих районах, театрах, клубах и в местах массовых народных гуляний; провести ограничительные мероприятия в отношении ношения при себе финских ножей, кинжалов, кастетов и др.;
- 5) принять меры к увеличению числа милицеевских постов и ночных обходов;
- 6) проводить разъяснительную работу в деревнях о вреде хулиганства, привлечь к этой работе «сельских исполнителей»;
- 7) судебный разбор по делам о хулиганстве проводить вне очереди и по возможности показательными процессами.

В докладе приморского краевого прокурора Нелидова о результатах поездки в округа в сентябре 1926 г. было высказано обращение к прокуратуре и суду о необходимости усиления мер по борьбе с хулиганством в городе и деревне.¹² Этот же вопрос поднимался на бюро Далькрайкома в январе 1929 г.¹³

Возрастание количества хулиганских действий было связано с общей социально-экономической обстановкой на Дальнем Востоке. Начавшаяся коллективизация в деревне не способствовала участию общественности в помощи сотрудникам милиции как представителям власти. Имели место случаи избиения сотрудников милиции и прочих должностных лиц. Несмотря на это, по данным ЦАУ НКВД, «судебными органами затягивался разбор дел по фактам хулиганства, отсутствовали показательные процессы на селе, большое количество людей, совершивших хулиганский поступок, по распоряжению Распрекомиссии получали досрочное освобождение (до 80% к общему числу подавших заявления)». Кроме того, органами милиции, главным образом в районах, из-за недостатка сотрудников на местах и отсутствия технических средств не всегда своевременно принимались меры к лицам, совершившим преступление.¹⁴

В связи с увеличением количества возбужденных уголовных дел по фактам хулиганства СНК РСФСР в октябре 1929 г. издал постановление «О мероприятиях по борьбе с хулиганством»¹⁵, которым предусматривалось некоторое упрощение порядка возбуждения и производства по делам о хулиганстве, а также усиление административной ответственности за этот вид правонарушений, что, в свою очередь, способствовало повышению эффективности наказания.

Перерастанию конфликта в преступление в значительной мере способствует употребление алкоголя. Среди причин, способствующих проявлениям хулиганских действий, на совещании административных работников при административном отделе Владивостокского окружного исполко-

ма (октябрь 1926 г.) называлось прежде всего пьянство: «... отношение крестьян к пьянке пассивное, пьянка покоится на их старом установленном принципе – “отцы пили и мы пьем”. Отрицательное отношение крестьян было только к случаям буйного пьянства. Борьба с пьянством ведется единичная, и крестьянские массы участия в этой борьбе не принимают». Кроме основной причины назывались и другие – «безделье и рационально не использованный досуг, особенно у молодежи», «учебой охвачено только 56% детей школьного возраста», «недостаточное внимание уделяется культурно-массовой работе», «отсутствует организованный надзор за порядком в местах публичного скопления».¹⁶

Для предупреждения самогонварения и пьянства принимались определенные меры. Министерством внутренних дел страны в течение нескольких месяцев 1922 г. разрабатывался законопроект о повышении наказаний за пьянство, тайное винокурение и контрабандный провоз маньчжурского спирта на территории Дальнего Востока.¹⁷ Кроме того, было принято решение в интересах Дальневосточной республики «признать необходимым и крайне целесообразным установление монополии государственного винокурения. До практического разрешения этого вопроса допустить в отдельных случаях и отдельных областях – Амурской и Приамурской – частное винокурение, но только на тех условиях, которые будут предложены Миннархозом и согласованы как с Минфином, так и с Нарконтролем. Что же касается ввоза из-за границы спирта, то это воспретить»¹⁸.

Однако директивное указание о запрещении ввоза спирта и спиртосодержащих веществ было трудноисполнимо. Еще в 1921 г. правительством ДВР были приняты меры по запрещению торговли спиртными напитками и винокурения, что привело к резкому усилению контрабандной торговли дешевым маньчжурским спиртом. В 1922–1923 хозяйственном году население Дальнего Востока численностью в 1800000 человек потребило 1200000

ведер контрабандного и 300000 ведер спирта отечественного производства.¹⁹

Необходимость борьбы с контрабандой алкоголя явилась основной причиной того, что продажа спиртных напитков на Дальнем Востоке была разрешена уже в 1922 г., за три года до разрешения ее на остальной территории страны. Эта же причина привела к установлению в Дальневосточном крае государственной винной монополии несколько иного порядка. Здесь был установлен пониженный акциз, а именно 15 копеек на градус, вместо 30 копеек в целом по стране. Была разрешена продажа населению спиртных напитков свыше 40 градусов. Практиковалась дифференцированная шкала продаж цен в регионах Дальнего Востока, тем самым делалась попытка, в зависимости от наплыва контрабандных спиртных напитков, сбить цены.

Одновременно с мероприятиями по борьбе с контрабандой спирта и спирто-содержащих веществ были предприняты меры и по борьбе с самогонварением. В сентябре 1922 г. Народный комиссариат юстиции и прокуратура республики издали циркуляр «Об усилении репрессий за незаконное приготовление и хранение спиртных напитков»²⁰. В октябре 1922 г. IV сессия ВЦИК приняла специальное постановление «Об изменениях и дополнениях к Уголовному кодексу РСФСР», на основании которого карательные меры, применявшиеся к самогонщикам, значительно увеличивались.²¹ 2 ноября 1923 г. постановлением Дальревкома была введена государственная спиртовая и винная монополия и организована сеть надзорных органов.²²

Постановлением СНК от 26 декабря 1922 г. были созданы необходимые предпосылки для материальной заинтересованности работников правоохранительных органов и населения в борьбе с самогонщиками. В частности, был установлен порядок распределения штрафных сумм, взыскиваемых в судебном и административном порядке за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напит-

ков, по которому 50% этих сумм предназначались для премирования работников милиции, 25% – для вознаграждения лиц, способствовавших обнаружению мест производства, хранения и сбыта самогона, и 25% передавались в доход местных исполкомов.²³

При выявлении и расследовании самогонварения на практике встречались значительные трудности, которые были обусловлены, с одной стороны, применением правонарушителями все более ухищренных способов самогонварения и действий по сокрытию следов преступления, а с другой – ошибками и просчетами, допускаемыми сотрудниками правоохранительных органов при выявлении и расследовании уголовно наказуемого самогонварения, что, в свою очередь, было результатом отсутствия глубоко разработанной частной методики расследования преступлений этого вида.

Основная трудность борьбы с самогонварением заключалась в том, что оно в силу своей специфики, как правило, не одноразовое действие. Структурными компонентами способа самогонварения, как и ряда других преступлений, были способы подготовки, совершения и сокрытия преступления. Самогонварение включало комплекс действий, начиная с создания резерва исходных продуктов, их хранения и переработки в специальных условиях и кончая реализацией полученных спиртных напитков. Обычно преступники принимали меры по сокрытию следов самогонварения, которое часто продолжалось в течение длительного времени и подчас представляло собой преступную деятельность, имеющую сложный характер.²⁴

В сельской местности самогон производили в больших количествах для собственного потребления и для продажи. В городах тайным винокурением занимался спекулятивно-торгашеский элемент. Среди выкурщиков самогонки 35% составляли торговцы, 60% – мелкие обыватели, 5% – рабочие и служащие.²⁵ Опасность тайного винокурения состояла не только в

том, что на почве пьянства увеличивалась преступность, но и в том, что на изготовление самогона переводились сотни, тысячи пудов хлеба.

В целом незаконное производство спиртных напитков, или тайное винокурение, не получило на Дальнем Востоке в 1920-е гг. широкого распространения. Этому препятствовали сравнительно быстрое восстановление местного спиртового хозяйства, осторожное применительно к региональным особенностям проведение государственной винной монополии. Кроме того, количество ввозимого контрабандным путем спирта и спиртосодержащих веществ делало тайное винокурение невыгодным. Тем не менее в середине 1920-х гг. незаконное производство спиртного имело место в Забайкальской и Амурской губерниях, причем исключительно в районах сельской местности, отдаленных от границы, куда не доходили ни контрабандный спирт, ни русская водка из магазинов государственной винной торговли. Поэтому здесь было развито так называемое шинкарничество, то есть тайная продажа спиртных напитков гражданам (без официального разрешения на торговлю спиртным).

Статистические данные свидетельствуют о том, что среди преступников громадный процент составляли алкоголики. Алкоголизм являлся одним из видов серьезных аномалий в Дальневосточном крае. Этому способствовали не только в значительных объемах развитое тайное винокурение и ввозимый контрабандным путем заграничный спирт, но и политика государства. Органы Центроспирта в целях предотвращения проникновения контрабандного продукта весьма низкого качества и ограничения шинкарничества развили сеть своих лавок гораздо шире, чем в центральных губерниях. На 1 января 1928 г. на территории Дальнего Востока в городах и сельских местностях действовали 1032 лавки Центроспирта.

Учитывая тот колоссальный вред, который оказывает спирт на организм человека, и те суммы, которые население

расходovalo на пьянство, обратим внимание на то обстоятельство, что алкоголизм являлся одной из причин развития преступности. Однако в целом такой вид преступности, как самогонование, по сравнению с РСФСР, был распространен на Дальнем Востоке меньше, так как в этом регионе был легко доступен готовый продукт – контрабандный спирт и имело место большое распространение винных лавок Центроспирта. Кроме того, взамен самогонования на Дальнем Востоке получило широкое распространение шинкарство, то есть беспатентная торговля спиртными напитками.

Стремление искоренить самогонование только путем проведения кампаний борьбы с ним привело к тому, что решение этой глубокой социальной проблемы растянулось на долгие годы. Принятые в начале 1920-х гг. меры по пресечению контрабанды спирта, усиление правовых санкций на тайное винокурение и борьба с пьянством ограничили их распространение, но в целом проблемы не решили.

Ситуация по росту социальных видов преступности осложнялась появлением многочисленных притонов, которые, в свою очередь, создали благоприятную почву для роста проституции.

Наибольшее развитие проституция приобрела в портовых городах. Улицу Пекинскую (Адмирала Фокина) во Владивостоке, особенно в начальной ее части, в простонародье называли улицей «красных фонарей» (как известно, во многих странах красный фонарь вывешивался над публичным домом). Подобного типа заведения были и на улицах Корейской (Пограничной), Семеновской, Фонтанной и во многих домах корейской слободки. «Спецконтингент» в них в основной массе был китайским. Особенно много было японских публичных домов. Однако, как свидетельствует история города, не они были первыми в городе Владивостоке. «Первопроходцами были нашенские, простые крестьянские бабы, согласные за небольшую плату, а иногда и стакан спиртного с закуской скрасить одиночество

солдат поста, матросов с кораблей, бросавших якорь в Золотом Роге и, наконец, местных обывателей, скучающих без женского внимания»²⁶.

Кроме общих факторов, способствующих росту проституции (статус женщины в обществе, уровень образования, экономическая ситуация в стране и другие), для Дальнего Востока были характерны особенности социально-демографического развития, а именно распределение численности лиц мужского и женского пола в составе населения. По данным Дальневосточного краевого статистического управления, в среднем на каждые 100 представителей мужского пола в середине 1920-х гг. приходились 88 женщин.²⁷ Количественное преобладание мужчин объяснялось многочисленностью военнотружущих и малосемейностью китайского населения. В среднем по Дальневосточному краю в конце 1920-х гг. 62,1% составляли мужчины и 37,9% – женщины.²⁸

Статистика соотношения мужского и женского населения в городах и сельской местности была различна. Так, в городах на 100 мужчин в среднем приходились 83 женщины, в сельской местности – 93. Для сравнения: в Псковской губернии на 100 мужчин приходились 131 женщина. По отдельным национальностям, проживающим на территории Дальнего Востока, соотношение между количеством мужчин и женщин оставалось одинаковым, за исключением китайцев, у которых на 100 мужчин приходились 5 женщин. Следовательно, на Дальнем Востоке соотношение между мужчинами и женщинами изменялось в сторону увеличения мужского населения за счет мужчин-иностранцев, особенно китайцев.²⁹

В центре России, где женщин было больше, чем мужчин, им в силу существующей безработицы приходилось добывать средства существования, продавая себя. Таким образом, проституцию в центре России создавало, главным образом, ПРЕДЛОЖЕНИЕ. На Дальнем Востоке, где женщин было меньше, чем мужчин, женщина «имела возможность устроить свою

судьбу, выйдя замуж, но это представляло меньше выгод, чем то, что давала «свободная жизнь»: материальную обеспеченность, ресторанную жизнь и т.д.». Следовательно, проституции на Дальнем Востоке способствовал СПРОС.

В начале 1923 г. при Дальздраве был образован краевой совет по борьбе с проституцией. В губерниях при губздравотделах были созданы губернские советы. При губсоветах действовали специальные консультации по борьбе с проституцией. В работе советы руководствовались циркуляром Наркомздрава «О мерах борьбы с проституцией» (декабрь 1922 г.) и Дальздравотдела от 27 октября 1923 г. В апреле 1923 г. краевым советом по борьбе с проституцией был предложен план борьбы с этим антисоциальным явлением. На губернские советы по борьбе с проституцией были возложены обязанности организации артелей женского труда (огороднические, пчеловодческие, швейные, прачечные и другие, наиболее применимые к местным условиям). Эту работу предполагалось организовать при поддержке и широком участии профсоюзов, партийных и хозяйственных органов. Губернским советам предлагалось обратить внимание на организацию в губернских городах Дальнего Востока общежитий для безработных и приезжающих в города женщин, для этого «испросив у местных горкомхозов надлежащие помещения и изыскав средства путем привлечения к этой работе хозорганов, профсоюзов и партийных организаций». Указывалось на необходимость «вести решительную борьбу с притонотендерами с применением всех средств административного и судебного воздействия»³⁰.

В мае 1923 г. краевой совет по борьбе с проституцией выдвинул через отдел управления Дальревкома вопрос о привлечении органов милиции к этой работе. Отдел управления предложил милиции организовать ведение секретной регистрации проститутток.³¹ В связи с этим Управлением милиции ДВО на места был направлен циркуляр, в котором разъясня-

лось, что введение данной меры вызвано необходимостью борьбы с проституцией как основным источником венерических заболеваний, выяснения причин, масштабов проституции и разработки методов борьбы с ней. Одновременно за женщинами, замеченными в занятии проституцией, устанавливался негласный надзор. Введение указанных мер обосновывалось тем, что «старые способы борьбы с проституцией, практиковавшиеся в дореволюционный период: облавы, задержания проституток, принудительное освидетельствование, выдача желтых билетов, как способы унижительные для человеческого достоинства, в нашей Рабоче-Крестьянской Республике терпимы быть не могут»³².

В 1925–1926 гг. на Дальнем Востоке было 236 публичных домов, причем в Забайкалье – 55, на Амуре – 56, в Приморье – 125. В центральной же России, по данным НКВД, за один квартал раскрывались 240 притонов, в среднем на каждую губернию приходилось около 7. В год обнаруживались 37–38 притонов. Эти данные достаточно определенно свидетельствуют о том, что притоносодержание на Дальнем Востоке было развито в большей степени, чем в центре России.³³

Содержателями публичных домов являлись как мужчины, так и женщины. Соотношение их по губерниям далеко не равномерное. Так, в Забайкалье в год при обнаружении 55 публичных домов были привлечены к ответственности за их содержание 57 женщин, на Амуре при обнаружении 56 притонов привлечены к ответственности 22 женщины и в Приморье на 125 публичных домов – только две женщины. Эти данные говорят о том, что не во всех случаях публичные дома содержали женщины. На Амуре и в Приморье, как правило, хозяином публичного дома был китаец «ходя». Всего на Дальнем Востоке за год при обнаружении 236 публичных домов были привлечены к ответственности 81 женщина, в то время как в центральной России за один квартал в места заключения за притоносодержание попадали 110 женщин, что

примерно составляло на 240 обнаруженных притонов – 230 привлеченных женщин.³⁴

Органы милиции в 1920-е гг. интенсивно вели борьбу с проституцией «исключительно по линии раскрытия и привлечения к ответственности притоносодержателей»³⁵. Однако, несмотря на рапорта в центр о «полной ликвидации притонов разврата» и о «возможности изжить эти негативные явления в жизни советского общества с помощью партийных и общественных организаций»³⁶, такое социальное явление, как проституция, оставалось проблемой.

Сложные условия восстановительного периода способствовали распространению специфического вида преступности – преступности несовершеннолетних. Началу законодательства в этой области положил декрет СНК РСФСР от 14 (27) января 1918 г. «Об учреждении комиссии о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях»³⁷, которым провозглашалось создание комиссий по делам несовершеннолетних, определялись их задачи и функции. Главной особенностью этого и последующих правовых актов государства об охране детства и о борьбе с правонарушениями несовершеннолетних явилось, прежде всего, то, что они определили принципиально новый подход к несовершеннолетним правонарушителям, сущность которого заключалась в применении к ним не судебных мер принуждения, а мер воспитательного, педагогического характера.

Годы восстановительного периода совпали с новыми испытаниями для государства. Засуха 1921 г., затем неурожай в ряде регионов страны в 1922–1924 гг. породили массовый голод, привели к большой миграции населения, в том числе и детей. Насколько велика была эта беда, свидетельствует следующий факт: в июле 1921 г. газета «Правда» писала: «Засуха такова, что в ряде губерний хлеба совершенно пропали, травы выгорели. Голод охватил около 25 миллионов населения»³⁸. Многие дети оставались сиротами

вследствие высокой смертности населения и продолжающейся гражданской войны.

В этих условиях правительство приняло дополнительные меры по борьбе с детской беспризорностью и преступностью. По решению ВЦИК была создана Особая полномочная комиссия по улучшению жизни детей и для организации борьбы с детской беспризорностью, положение о которой и ее состав были утверждены 10 февраля 1921 г. Инициатором создания комиссии и ее председателем был Ф.Э.Дзержинский.³⁹

Нарком народного просвещения А.Луначарский, оценивая ситуацию, сложившуюся с детской беспризорностью и преступностью, писал: «Громадная часть населения российского народа усохнет и превратится в чужеродный нарост, если мы не обратим на него внимание... Не общество оберегать от малолетнего преступника, а ребенка от преступления...». В 1923 г. и особенно в 1924 г. был отмечен значительный рост беспризорности. Явление это можно было сравнить с национальным бедствием. По данным официальной статистики, в стране насчитывалось более семи миллионов детей и подростков, лишенных родительского внимания и заботы. Из них около 180 тысяч были судимы и числились как уголовные преступники.⁴⁰ В 1923–1924 гг. значительный рост беспризорности был отмечен и в Приморье. На городских улицах и барахолках стайками и в одиночку слонялись голодные, замученные дети, становясь легкой добычей для контрабандистов, домушников и прочих преступников.⁴¹

На Дальнем Востоке детская беспризорность также была прямо связана с детской преступностью. Так, в августе-декабре 1923 г. общее количество беспризорных детей составило 117 человек (100 мальчиков и 17 девочек), из них 33 ребенка совершили преступления. За апрель-июнь 1924 г. по Амурской губернии несовершеннолетними были совершены 44 преступления, по Приморской – 39.⁴²

В целях борьбы с детской беспризорностью, бродяжничеством и преступностью среди несовершеннолетних в начале

1923 г. на Дальнем Востоке была образована Центральная комиссия по борьбе с детской беспризорностью и преступностью. В губернских городах и уездах были созданы соответствующие губернские и уездные комиссии (губкомнес). Было принято решение всемерно содействовать отделу охраны материнства и младенчества, а также отделу социального воспитания в деле открытия новых домов ребенка, яслей, детских домов, детских садов и площадок.⁴³

В состав губернских комиссий входили представители губернского отдела народного образования, губернского здравоохранения, губернского суда. Такой же состав имели уездные комиссии. Комиссиям были приданы судебные функции. В их распоряжении имелись приемники-распределители, трудовые колонии, детские дома для беспризорных детей. На основе использования опыта детских трудовых колоний в 1920-е гг. на Дальнем Востоке в системе НКВД стали создаваться новые учреждения – трудовые дома, которые также сыграли определенную роль в перевоспитании подростков.

Таким образом, если в дореволюционный период на Дальнем Востоке в основном преобладали имущественные и хозяйственные виды преступлений (кражи, растраты), а также опасные виды преступлений, совершаемые преступниками-рецидивистами: налеты, похищения людей с целью выкупа и другие, то в 1920-е гг. с обострением социально-экономической и политической ситуации в стране и в Дальневосточном регионе получили распространение такие виды преступлений, как хулиганство, спиртоношество, притоносохранение, а также детская преступность.

Организация деятельности милиции по борьбе с социальными видами преступности проходила в тесном взаимодействии с таможенными органами и ОГПУ. Были созданы и начали работу центральные и местные органы в виде комитетов по борьбе с преступностью при губернских прокуратурах, дальневосточное областное совещание, советы по борьбе с проституцией

и детской преступностью. В практику работы милиции и уголовного розыска в 1920-е гг., наряду с применением чрезвычайных мер, внедрялись новые оперативные средства и методы борьбы с преступностью: создание конных резервов и ударных оперативных групп, углубление специализации работы сотрудников уголовного розыска по отдельным видам преступлений.

1 Захаревский В.И. Характеристика и методы разрешения следственных ситуаций по делам о хулиганстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С.135.

2 Хориноев Г.Н. Организация и деятельность рабоче-крестьянской милиции Бурятской АССР в период построения социализма (1917-1937 гг.) : дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 1985. С.152-153.

3 Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф.П. 61. Оп. 1. Д. 93. Л. 93.

4 ГАПК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

5 Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1926. №88, ст.640.

6 ГАПК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 495.

7 ГАПК. Ф.П. 80. Оп. 1. Д. 2. Л. 259.

8 Шеронов В.С. Партийное руководство формированием и укреплением советской милиции на Дальнем Востоке в годы социалистического строительства (ноябрь 1922-1936 гг.). На материалах Хабаровского, Приморского краев, Амурской и Читинской областей : дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 1985. С.152-153.

9 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 83. Д. 23. Л. 21.

10 Правда. 1926. 28 сентября.

11 ГАПК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

12 ГАПК. Ф.П. 67. Оп. 1. Д. 1 (а). Л. 135.

13 ГАПК. Ф.П. 67. Д. 211(6). Оп. 1. Л. 72.

14 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 37. Л. 86 (об.).

15 СУ РСФСР. 1929. №77, ст. 581.

16 ГАПК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

17 Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 53. Л. 243.

18 ГАХК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 68. Л. 27.

19 Амурская правда. 1923. 7 декабря.

20 Власть Советов. 1922. №7-9. С. 75.

21 Известия ВЦИК. 1922. 23 ноября.

22 Дальневосточный путь. 1924. 17 июля.

23 Веднота. 1922. 27 декабря.

24 Головин Ю.И. Методика расследования самогонварения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 43.

25 Там же.

26 Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты : учебное пособие. Владивосток, 1998. С. 208.

27 Статистический бюллетень. Дальневосточное краевое статистическое управление. 1925. №14-15. С. 26.

28 Пикалова Ю. Проблема зависимости демографического состава населения Дальнего Востока от развития социальной сферы (1926-1930 гг.) // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории : материалы международной конференции. Хабаровск: ХГПУ, 1997. С. 235-238.

29 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 66. Д. 39. Л. 161.

30 Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.Р. 2422. Оп. 1. Д. 1439. Л. 13.

31 РГИА ДВ. Ф.Р. 2422. Оп. 1. Д. 1439. Л. 8.

32 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 83. Д. 2. Л. 36.

33 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 66. Д. 39. Л. 162.

34 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 66. Д. 39. Л. 163.

35 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 55. Д. 50. Л. 11.

36 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 55. Д. 50. Л. 11, 13.

37 СУ РСФСР. 1918. №16. С. 127.

38 Правда. 1921. 17 июля.

39 Советская милиция. 1980. №11. С. 6.

40 Ходасевич А.П. Отблеск истории. Книга очерков о дальневосточной милиции. Хабаровск, 1993. С. 94.

41 Дунец Т.М. Историческая справка о состоянии преступности в 1923-1924 гг. Музей УВД Приморского края. С.14.

42 РГИА ДВ. Ф.Р. 2422. Оп. 1. Д. 1423. Л. 7.

43 РГИА ДВ. Ф.Р. 2422. Оп. 1. Д. 1439. Л. 13.

УДК 323

Ольга Викторовна КОНОВАЛОВА,
профессор кафедры социально-экономических наук
и информатики Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
доктор исторических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

THE PECULIARITIES OF TERRORISM IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECTS

В статье рассматриваются теоретические и исторические аспекты изучения терроризма. Автор предлагает определение понятий «терроризм» и «идеология терроризма», анализирует этапы развития терроризма, особенности его в России, специфику терроризма на современном этапе.

The article considers theoretical and historical aspects of studying terrorism. The author proposes the definition of such concepts as «terrorism» and «the ideology of terrorism», examines the stages of terrorism development, its peculiarities in Russia and specific character of terrorism in up-to-date situation.

Ключевые слова: терроризм, идеология терроризма, этапы развития терроризма.
Keywords: terrorism, ideology of terrorism, stages of terrorism development.

На рубеже XX–XXI вв. человечество столкнулось с новой мировой проблемой – распространением терроризма. Каковы причины и корни этого явления? Какие факторы необходимо учитывать для успешного решения этой проблемы, приобретающей на современном этапе глобальный характер, затрагивающей национальные интересы ведущих держав мира, в том числе и России?

Современный терроризм – сложное явление, в котором тесным образом переплелись пространственно-временные, социально-экономические, политические, идеологические, психологические процессы.

Единого определения понятия «терроризм» нет. Это связано с тем, что терроризм имеет специфику во времени и пространстве. Между терроризмом античности, Средних веков, Нового и Новейшего времени больше различий, чем сходства. То, что подходит под это определение в одном государстве или группе государств с общей национальной культурой,

неприемлемо для других. Как отмечает один из известных современных исследователей терроризма У.Лакер, «общая теория a priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений». Терроризм проявляется в различных странах и национальных культурах, обусловлен культурными традициями, социальной структурой и многими другими факторами.¹ Терроризм не однороден и многозначен, в условиях глобализации он приобретает новые черты. Его пытаются использовать одни государства против других. Исходя из соображений политической выгоды различают «хороший» терроризм и «плохой», выгодный или невыгодный.

Неотъемлемым свойством терроризма является применение насилия со стороны организованных групп с целью воздействия на власть и общество для осуществления своего идеала – наиболее приемлемой модели общественного, политического устройства. Терроризм выступает в качестве

политической тактики экстремистских групп религиозного, лево- или праворадикального толка, стремящихся через систематическое применение насилия инициировать те или иные процессы, добиться прекращения определенной политики.

На наш взгляд, терроризм – явление историческое, в своем развитии он прошел ряд этапов. В античные и средневековые времена терроризм не носил, как правило, систематического характера, не нуждался в идеологическом оправдании, примитивны были орудия убийства. Основными мотивами совершения политических убийств являлись устранение политических противников, религиозные и этнические разногласия. В период трансформации традиционного общества в индустриальное в эпоху модерна происходила важная структурная перестановка социально-политических групп у власти, одновременно шел процесс «эмансипации» сознания от религиозных установок. Появлялись теории, пытавшиеся обосновать право на насилие исходя из рационалистических принципов, при этом религиозные заповеди – «не убий» и др. отодвигались на второй план. Например, весьма революционный характер имела теория общественного договора, которая в своих крайних интерпретациях обосновывала право народа на насильственное свержение власти, если последняя не выполняет общественный договор.

Разрушение традиционного общества и формирование индустриального происходили весьма болезненно, сопровождалось выбросом огромного количества негативной, разрушительной энергии. Именно на этом этапе терроризм приобретает новые черты – системность, неразрывную связь с радикальными идеологиями, организационные структуры, новые технические возможности и, благодаря средствам массовой информации, усиление пропагандистского эффекта. Публичность террористического акта становится неотъемлемым атрибутом в стратегии терроризма.² Как правило, нарастание терроризма было связано с углублением революционного

кризиса либо являлось его продолжением.

Как отмечают исследователи, возникновение терроризма в России в 1860–1880-е гг. шло параллельно с подобными процессами в Европе. Однако терроризм в нашей стране носил весьма самобытный характер, а «размах, организация и успех террористической борьбы русских революционеров сделали их образцом для террористов во многих уголках земного шара»³.

Терроризм, что называется, «передавался» по наследству от одного поколения российских революционеров к другому. Несмотря на разрушительные последствия террористической тактики для самих революционных организаций – разгром «Народной воли» после царевубийства 1 марта 1881 г., терроризм, как птица Феникс, снова возрождался из пепла и собирал под свои флаги новых сторонников. На смену народовольческому террору пришел эсеровский террор. Хотя Боевой организацией партии социалистов-революционеров не удалось совершить террористический акт в отношении монарха, но от рук террористов погибли два министра внутренних дел – Д.С.Сипягин, В.К.Плеве, Великий князь Сергей Александрович и другие виднейшие деятели царской России.

Причины «живучести» терроризма в российском освободительном движении неразрывно связаны с общей социально-политической и экономической ситуацией в стране, психологической атмосферой в обществе и интеллигентских кругах. Правящая элита царской России, с одной стороны, оказалась не способна кардинально изменить социально-экономический курс и в качестве приоритетных рассматривать интересы основной массы народа, с другой – не нашла адекватной политической и правовой формы для аккумуляции политической энергии активных социальных групп общества. В силу этого террористическая борьба с самодержавным режимом, организационно и теоретически оформленная партией социалистов-революционеров, была представлена идеологами

партии как реакция зарождавшегося гражданского общества на произвол власти и бесправие народа. Не случайно ведущим теоретическим лейтмотивом, оправдывающим террор, являлась идея о том, что «террористические акты сделались необходимыми в качестве самозащиты, в качестве оружия необходимой самообороны, без которой разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым»⁴.

Важную роль в совершении террористических актов играет теоретическое, идейное оправдание и обоснование террора – идеология терроризма. Вопрос о нравственном оправдании политических убийств идеолог эсеровского терроризма В.М.Чернов в начале XX в. решал следующим образом. Право применять насилие, по его мнению, возникает тогда, когда одна из политических сторон отказывается признавать права и свободы личности, демократические принципы и претендует на монополию власти и диктат, а значит, ставит себя вне нравственного закона. В этом случае для нравственной личности возникает обязанность «восстановить нарушенное право человеческого убеждения и человеческой совести, не останавливаясь, если этого нельзя избежать, перед средствами, присущими войне».⁵

Другой составной частью оправдания терроризма является обоснование выбора объекта уничтожения и выработка мотивов оправдания исполнителей. Как правило, стремясь к дестабилизации политической обстановки, террористы направляют террор против представителей власти, элиты, администрации, известных общественных деятелей. Для оправдания исполнителей теракта в глазах общественности они стремятся всячески дискредитировать власть и обвинить предполагаемый объект уничтожения во всех смертных грехах. Масло в огонь в конкретной ситуации подливает власть, если она применяет необоснованное насилие. В этих случаях террористы получают возможность обосновывать совершение террористичес-

ких актов своеобразным «правом необходимой обороны против неправомерных действий государственных служащих»⁶.

Наконец, важное место в этике терроризма отводится ореолизации – героизации террористов, восхищению их поступками, преклонению перед ними, прославлению их «подвига». Это важная часть «террористического воспитания», которая, с одной стороны, способствует формированию убеждения в правомерности террора, оправдывает существование террористической организации, с другой – позволяет «черпать» из народа последователей и сторонников террора, привлекать новых членов. Большой общественный резонанс получала ореолизация террора в русской литературе и живописи. Многие отечественные писатели (Л.Н.Толстой, Г.И.Успенский, И.А.Тургенев), живописцы (В.И.Якоби, И.Е.Репин, В.Е.Маковский) сочувствовали террористам, посвящали им произведения и полотна. Как подчеркивает Н.Д.Литвинов, «литературно-художественная ореализация революционного террора... не только оправдывала террористов в глазах населения, но и способствовала вовлечению в террор других лиц, особенно из числа молодежи»⁷.

Появление терроризма в России объяснялось, как верно полагает О.В.Будницкий, не только тем, что «он оказывался временами единственно возможным средством борьбы революционной интеллигенции за осуществление своих целей». Террор являлся наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил революционеров, создавал «силу из бессилия».

Широкому размаху террористической борьбы в начале XX в. способствовали одобрение и моральная поддержка со стороны русского общества. Общественность конца XIX – начала XX вв. относилась с пониманием к экстремистам и даже помогала им и сотрудничала с ними. Верно было замечено, что если за терроризмом стоит реальная проблема, то некоторая часть общества, чувствительная к этой проблеме, будет сочувствовать если не

методам террористов, то целям или идеям, которые они защищают. Без поддержки общества террористические движения угасают. Разрешение острых проблем снимает раскол в обществе и лишает террористические движения необходимой социальной базы.⁸

Стремясь выполнить миссию перед народом, террористы сознательно отдавали на алтарь прогресса, как они думали, свою жизнь. Сакральный характер эсеровского террора усматривают в готовности боевиков сознательно принести себя в жертву для того, чтобы покарать виновных в унижении народа и предотвратить еще большее зло. Как отмечал идеолог эсеровского террора В.М.Чернов, для свершения террористических актов террористы шли прямо «в львиную пасть», рискуя быть схваченными и повешенными прежде, чем им удастся просто увидеть тех людей, «за которыми они должны следовать зловещей черной тенью, призраком возмездия». Многие из них, подобно Е.С.Созонову, были убеждены, что они могут взять жизнь другого человека «лишь отдавши свою».⁹ Так, С.В.Балмашев не сделал попытки скрыться после убийства министра внутренних дел Д.С.Сипягина, принеся, таким образом, в жертву и себя самого.

Однако ситуация изменилась в период революции 1905–1907 гг., когда террор пошел «в низы» и приобрел массовый характер. На смену «разборчивым убийцам», задававшимся вопросами о целесообразности насилия, личной ответственности, жертве и искуплении, пришли люди, стрелявшие без особых раздумий и в тех, кто подвернулся под руку невовремя.¹⁰ Именно тогда, по мнению П.Б.Струве, произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек»¹¹.

Красный и белый террор, государственный террор большевиков имели генетическую связь с террором дореволюционным и являлись закономерными этапами в развитии терроризма в России. Причины массовой жестокости и насилия, которые в широких масштабах проявились в период революции и гражданской войны, репрессий в годы сталинского режима, следует искать в особенностях российс-

кой истории. Как отмечал В.М.Чернов, большевизм лишь «концентрировал в себе известную сторону охлократических тенденций революции»¹². Однако государственный террор, организованный большевиками, упрочение советской власти привели к тому, что «терроризм как системное социально-политическое явление практически исчезло из политической жизни нашей страны»¹³.

В современный переходный период исторического развития Россия столкнулась с серьезной проблемой распространения терроризма. Этому способствовали ослабление государства и мер противодействия терроризму, обострение социальных, национальных и других конфликтов в условиях падения жизненного уровня населения, вмешательства во внутренние дела России ряда иностранных государств.

Современный политический терроризм в России характеризуется появлением не только особого типа террориста-фанатика, убежденного в непререкаемой истинности религиозно-национальной идеи, безжалостного и жестокого, готового к любым жертвам, но и террориста-убийцы, работающего по найму. Политический терроризм в современной России приобретает явно криминальный характер и посредством активных связей с международными террористическими организациями выходит на международный уровень, активно используя достижения научно-технического прогресса в плане совершенствования технических средств борьбы и использования современных систем связи, коммуникаций.

Однако сводить проблему мирового терроризма только к криминальным аспектам нельзя. Современная экономическая мощь западной цивилизации основана в том числе на сложившемся и подкрепленном военном и политическом господстве западных государств, механизме неэквивалентного обмена между индустриальными и аграрно-сырьевыми странами. Опираясь на мощный экономический потенциал, индустриально развитые страны навязывают кабальные условия на мировом рынке путем завышения цен на промышленную продукцию и занижения их на топливно-

сырьевые ресурсы. Использование механизма неэквивалентного обмена на мировом рынке позволяет ведущим промышленным странам получать значительную прибыль и переносить остроту социально-экономических проблем из своих стран в слаборазвитые страны. Высокий уровень доходов на душу населения в западных странах, своеобразный «социал-капитализм» в экономическом развитии является прочной основой для развития политической демократии.

Индустриальные страны богатеют, страны третьего мира беднеют. Все это порождает обратную реакцию – протест, несогласие людей в слаборазвитых странах с диктатом сильных индустриальных держав. Отсутствие демократических механизмов разрешения противоречия на международной арене – благоприятная почва для развития международного терроризма, который в этих условиях, по мнению исследователя И.М.Ильинского, можно рассматривать как ответную реакцию «слабых» на террор (диктат) «сильных». ¹³

В условиях отсутствия реальной возможности выступать в качестве равноправных субъектов экономических, международных отношений наряду с западными странами страны Азии, Ближнего и Среднего Востока становятся поставщиками террористов международного масштаба, пользующихся активной социальной поддержкой в своих странах.

На наш взгляд, для того чтобы борьба с международным терроризмом была эффективна, необходимо не только бороться с организациями террористов, но и «выбить» социальную и идеологическую почву у них из-под ног. Это возможно только в случае кардинального изменения подходов к мировой политике стран Запада и США: ее демократизация, укрепление роли ООН в разрешении международных конфликтов, создание механизма политического и правового равенства всех стран – участников международных отношений.

Особую роль в создании нового порядка на международной арене должна сыграть Россия. Эта роль обусловлена ее геополитическим положением «между Западом и Востоком». Поддерживая Запад и опираясь на Восток, не вступая в «горячие» военные конфликты, России предстоит пройти между Сциллой западных амбиций и Харибдой восточной непримиримости и попытаться вывести мир на новые рубежи мировой стабильности. Другой альтернативы нет.

1 The Terrorism Reader: A Historical Anthology / ed. by Walter Laqueur. Temple University Press. Philadelphia, 1983. P.183. Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. №5.

2 Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930s // The Terrorism Reader. P.229. Цит. по: Будницкий О.В. Указ. соч.

3 Будницкий О.В. Указ. соч.

4 Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С.196.

5 Чернов В.М. Н.К. Михайловский как этический мыслитель // Заветы. 1914. №5. С.38-39.

6 Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ) : монография / под ред. С.Е.Вицина. М.-Воронеж, 1999. С.189.

7 Там же. С.198.

8 Яковенко И.Г. Об актуальном в противодействии идеологии терроризма // Право и безопасность. 2008. №2 (27).

9 Чернов В. Оба хуже // МИСИ. Архив ПСР. 1037.

10 Будницкий О.В. Указ. соч.

11 Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. Кн.10. Цит. по: История терроризма в России / сост. О.В.Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С.516.

12 Чернов В.М. Аккорды и диссонансы революции // Революционная Россия. 1927. №62. С.10-13.

13 Противодействие терроризму в Российской Федерации и личная безопасность граждан: вопросы и ответы. М., 2008. С.6.

14 Ильинский И.М. О терроре и терроризме // Между будущим и прошлым. М., 2006. С. 239, 242.

УДК 343

Владимир Ефимович ШИНКЕВИЧ,
начальник организационно-научного
и редакционно-издательского отдела
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
доктор социологических наук, доцент

К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

TO THE PROBLEM OF COMPREHENSION OF CORRUPTION AS SOCIAL-LEGAL PHENOMENON

Статья посвящена осмыслению коррупции как социального явления в условиях российской действительности. Обращено внимание на сложность выделения коррупционного поведения, отграничения благодарности от корысти. Выделены некоторые особенности антикоррупционного поведения, подчеркнута значимость культуры и воспитания как факторов профилактики коррупции.

The article is devoted to understanding corruption as social phenomenon in the terms of Russia's reality. The attention is paid to the difficulty of allocation of corrupt behavior and distinction of gratitude from greedy. The author defines some peculiarities of anti-corrupt behavior, underlines the significance of culture and upbringing as factors of corruption prevention.

Ключевые слова: коррупция, взятка, мздоимство, подкуп, благодарность, бюрократия, волокита..

Keywords: corruption, bribe, bribery, graft, gratitude, bureaucracy, red tape.

Человечество за период своего существования достигло многого, оно в своем развитии никогда не стояло на месте. Даже в самые сложные и трудные годы люди приносили новшества в организацию бытия, открывали неведомые закономерности проявления природных и общественных явлений, довольно успешно овладевали и внедряли новые технологии в различные сферы жизнедеятельности. Человек научился летать как птица, лучше, чем птица, плавать как рыба, лучше, чем рыба. Он вышел за пределы земли, достиг наивысших горных вершин и глубин мирового океана. К сожалению, он до сих пор не научился жить по-человечески – порождает социальные конфликты, уничтожает среду своего обитания, живет чаще всего днем сегодняшним. Государственные мужи постоянно совершен-

ствуют законодательство, принимают многочисленные нормативные документы, а негативные социальные явления, противоречащие провозглашаемому уровню культуры поведения и общественного общежития, остаются. Вместе с тем ценность человеческого сообщества заключается в его имманентности, в том, что оно способно не только порождать социальные болезни, но и осознать свои проблемы, находить основные причины социальной дисгармонии и болезней, определять и реализовывать оптимальные формы своего существования и развития.

Общественно-политические процессы в нашем обществе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., связанные с распадом Советского Союза, создали почву для проявления и широкого распространения такого негативного явления, как коррупция.

Проявлению данного негативного явления способствовали: во-первых, быстротечный процесс распада СССР и системы хозяйствования; во-вторых, принятие многочисленных неоправданных и поспешных решений по разгосударствлению многих секторов общественного производства; в-третьих, ослабление контроля за перераспределением средств и основных фондов; в-четвертых, открывшаяся для ряда «деловых людей» перспектива быстрого, неадекватно затратам, обогащения без особого напряжения за счет приобретения (а то и просто присвоения) у государства по остаточному принципу движимого и недвижимого имущества; в-пятых, возрастание роли чиновников в обеспечении «решения» проблем возрождающейся предпринимательской деятельности; в-шестых, резкое различие в оплате труда государственных чиновников и получении прибыли «молодыми» предпринимателями; в-седьмых, увеличение значимости фактора времени во вложении денежных средств и приобретении имущества, организации собственного дела; в-восьмых, перекося в структурировании населения по материальному признаку; в-девятых, открывшаяся безнаказанная возможность использования должностными лицами потенциалов политической, экономической, интеллектуальной, профессиональной, референтной власти в собственных интересах, превращение власти в предмет предпринимательской деятельности; в-десятых, возросшие необходимость и востребованность знаний нормативных документов для реализации потребностей в условиях предоставленных государством различных свобод и правовая безграмотность большинства населения; в-одиннадцатых, падение авторитета правоохранительных органов, вымывание кадрового потенциала, ослабление отбора и увеличение правоохранительных органов за счет привлечения непрофессионалов, а также другие факторы.

Коррупция, равно как терроризм, организованная преступность, наркотики, пьянство, тунеядство, проституция, – сложные социальные явления, вокруг которых сло-

жились множество мифов, сделаны масса популистских заявлений, предпринимались многочисленные попытки профилактики и противодействия, решительного и жесткого искоренения. Однако, принимая изощренные завуалированные формы, она продолжала находить «живительную почву», то «расцветая» с благословения власти, то на время отступая под воздействием жестких мер политических режимов, оставляющих право «разрешать» обирать и грабить собственный народ только за собой. С этим явлением знакомы и развитые общества, и общества, влачащие жалкое существование. Наиболее уродливые формы и масштабы коррупция принимает в обществах, где институты власти либо чрезмерно бюрократизированы, либо не способны организовать общественную жизнь на основе норм права. Потому явление коррупции, ее предметное поле нуждается в объективном (насколько это возможно) исследовании, в выработке рекомендаций, тактик, стратегий противодействия адекватно переживаемому периоду. Нельзя как опускаться до варварских методов борьбы, так и пассивно перед необходимостью противодействия коррупции. Сегодня, говорится в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран.¹ Именно поэтому она представляет реальную угрозу существованию цивилизованного современного государства.

Вместе с тем коррупция как социальное явление имеет и свою историю. Отдельные, если можно так их обозначить, коррупционные проявления сопровождают человечество с древнейших времен. Так, наказание за взяточничество (подкуп) предусматривалось уже Законами Хаммурапи (четыре тысячи лет назад).² Зародилось это явление одновременно с государством как формой организации общественной жизни, с появлением бюрократии, а «расцветать» начало в эпоху упадка античности, когда появились такие государственные

чиновники, о которых говорили: «Он приехал бедным в богатую провинцию, а уехал богатым из бедной провинции». В это время в римском праве появился специальный термин «*corruptire*», который был синонимом слов «портить», «подкупать» и служил для обозначения любых должностных злоупотреблений.³

Российские источники упоминали издომство еще в XIII в. Попытки законодательного ограничения коррупции известны со времени Ивана III. Первой такой попыткой можно считать Белозерскую уставную грамоту, которая установила твердые кормы для наместников и их аппарата. Судебником Великого князя Ивана Васильевича впервые были официально запрещены взятки – посулы – и зафиксирован размер судебных пошлин. Можно предположить, что явление «кормы» породило само государство, «сбрасывая» с себя проблему обеспечения достойного содержания государственного чиновничества, в особенности той его части, которой было дозволено от имени государства осуществлять функции администрирования: разрешать, обеспечивать, распределять, контролировать, распорядиться, надзирать. В политике, в сфере государственного управления гораздо раньше, чем в экономической сфере, начали проявляться законы рынка, коммерции. Есть спрос на политические (управленческие) услуги, есть и предложение. Не случайно и сегодня (по результатам опроса, проведенного среди студентов вузов г. Красноярска) от 15 до 20% респондентов определяют коррупцию как средство компенсации чиновнику за предоставленные дополнительные услуги (протекцию, сопровождение принятия решения, устранение бюрократических барьеров, чиновничье послабление при рассмотрении документов и заявлений и т.п.).

Источником коррупции является ее двуединая природа. С одной стороны, стремление чиновника «эффективно по отношению к себе» распорядиться предоставленными обществом и государством полномочиями, с другой – стремление

просителя решить его проблемы в его интересах. Другими словами, «в коррупцию всегда вовлечены две стороны: тот, кто подкупает, и тот, кто, будучи подкуплен, действует вразрез со своим служебным положением»⁴. Как следствие нередко обе стороны имеют некую выгоду от общения и не стремятся подвергать огласке факт оказания (получения) услуг подобным образом. На первом месте для просителя стоит проблема решения вопроса любым способом, а не средства его решения. Коррупция не может развиваться сама по себе. Ее источник – стремление нуждающихся решить свои проблемы любым путем, в том числе и незаконным. Хотя, несомненно, ее архитектор и строитель – недобросовестный чиновник, стремящийся извлечь дополнительное вознаграждение за исполнение своих же служебных обязанностей, как правило, не требующее дополнительных ни физических, ни интеллектуальных усилий. Просящий человек для такого чиновника не является ценностью как личность, он лишь источник возможного дополнительного дохода, получения в собственное или коллективное пользование дополнительных благ и услуг.

Для понимания явления коррупции в современной России, безусловно, важно определить сущность процесса трансформации, происходящего в стране. Выстраивая линию общественного развития, власть пытается определить «основные звенья цепи», «потянув» за которые, кажется, можно решить проблемы, тормозящие развитие общества, не дающие достичь «светлого и счастливого» будущего. Иногда эти «звенья» определяются удачно, иногда последствия запрограммированной деятельности приносят разочарования и новые проблемы, для преодоления которых требуются громадные и экономические, и моральные усилия. Плачевные итоги реализации программ и проектов генерируются не только властью центральной, но и чрезмерной ретивостью, поспешностью власти местной, региональной. Когда-то подобное явление было обозначено

как «перегибы на местах». Это было хорошим аргументом при определении виновных – «стрелочников». Их головы «летели», а «машинисты (локомотивы)» продолжали генерировать новые идеи, по уровню утопичности равнозначные прежним. Современный период не исключение.

Центральная власть объявила священную войну коррупции. На местах, воспринимая категорию «коррупция» прежде всего как понятие негативного наполнения, откликнулись многочисленными планами, программами, научными исследованиями различных уровней, форумами. Для обмена опытом стали приглашать специалистов из других регионов, стран ближнего и дальнего зарубежья. «Специалисты» по борьбе с коррупцией, как теоретики, так и практики, стали у организаторов данных совещаний, сборов, конференций и съездов одной из востребованных категорий участников.

Однако практика организации работы по противодействию коррупции как противоправному поведению, на наш взгляд, требует четкого ее отграничения от других девиантных проявлений, схожих по природе и мотивации действий.

Юридическая наука совместно с другими отраслями знаний исследует природу взятки, мздоимства, подкупа, мошенничества, злоупотребления служебным положением, волокиты, бюрократии. Находит ли место в этом скорбном ряду коррупция как самостоятельный вид противоправного поведения, или это обобщенное понятие незаконных действий/бездействий определенной категории должностных лиц? А возможно, оно применимо ко всем должностным лицам, готовым оказать содействие в реализации просьб нуждающегося только за определенные услуги или вознаграждение, при этом такие просьбы могут находиться в правовом поле или вне его. Оказываемые же должностным лицом возмездные «услуги» всегда непосредственно связаны с исполнением им служебных обязанностей и зачастую не требуют дополнительных физических, интеллектуальных, нравственных усилий

субъекта власти. Более того, просьбы, лежащие в правовом поле, предполагают положительную реакцию должностного лица как исполнение им функциональных обязанностей. Однако безвозмездное исполнение этих обязанностей игнорируется. Как в рамках этого события оценить факты «улучшения исполнения своих обязанностей» должностным лицом, продвижение им просьбы или сопровождение ее при условии получения дополнительной платы от просителя? Коррупция это, или незаконное предпринимательство, или злоупотребление, или еще что-то?

Человеку известно чувство выражения и принятия благодарности. Очень часто в знак признательности за полученные бескорыстные услуги от чиновника, врача, педагога, представителя власти, другого должностного лица мы стараемся отблагодарить их; возможно, и другая сторона предполагает эту благодарность и с признанием принимает не только слова благодарности. Отличительная черта данного события не в содержании известного изречения литературного героя: «Сначала деньги, а потом стулья!», а совсем наоборот: «Сначала стулья, а потом деньги!». Как правило, эта благодарность не представляет собой пакет с денежными знаками. Чаще – это подарок или готовность исполнить просьбы «благодетеля», предоставить какие-то услуги. Подарок может быть незначительным по цене и стоимости, но может представлять и большую ценность как в денежном, так и в моральном эквиваленте. Факт принятия заведомо дорогого подарка должностным лицом есть коррупция или это нормальные партнерские товарищеские взаимоотношения? Где та грань, когда принятие благодарности допустимо, где – нежелательно, недопустимо? Как оценить роль в профилактике коррупции магазинов, их отделов, функционирующих под вывесками «Деловые подарки» и размещающихся вблизи мест расположения административных зданий? В этом ключе вопросов, требующих пояснения, существует масса.

Рассмотрим далее некоторые и другие варианты.

Например, попытка физического или юридического должностного лица/органа придать законность своим действиям через принятие необоснованных нормативных законодательных актов, способных, по определению Президента Российской Федерации Д.А.Медведева, «кошмарить» какой-либо вид деятельности. Чаще всего это касается мелкого и среднего бизнеса, не способного заблаговременно «повлиять» на разрабатываемые и принимаемые властью законы, постановления, решения и т.п., «задобрить» должностное лицо. Его возможности ограничены и финансово, и политически, и организационно, являются следствием не столько комплексного реформирования какой-то определенной сферы общественной деятельности или реализации стратегической комплексной программы. Очень часто это есть следствие неудачных попыток власти «латания дыр» в бюджете, просчетов управленческой деятельности, поддержания сомнительных начинаний, популизма. Обоснованно ли относить к коррупции такие технологии «кошмаривания», как заведомо предвзятое отношение к клиенту, облаченное в «законное» требование, отказ в совете, в отдельных случаях – в помощи в возвращении деяний клиента в правовое поле? Возможно и обратное деяние – оказание просящему услуги (помощи, освобождения или упрощения) чиновником, другим должностным лицом в исполнение своих обязанностей или неисполнение таковых вообще.

Как оценить бездействие чиновника, любого должностного лица в ответ на законные просьбы ходатаев, умышленное забюрокративание отношений? Это стремление, «искусство» и умение найти аргументы в объяснение своего бездействия и отказа клиенту? Это низкий профессионализм, бездушие, формализм, или обозначенные выше действия попадают под определение коррупции? Моральны ли наши обвинения подобных чиновников в коррупции, или это лишь навешивание очередной разновидности ярлыков?

Средства массовой информации, правоохранительная практика в последнее десятилетие представляют общественности не единичные примеры финансового стовора как производителей продукции, так и ее реализаторов. От стовора страдают не руководители бизнес-структур, а прежде всего потребители продукции на конечном этапе ее движения. А это в основном рядовые граждане, приобретающие продукцию в малых объемах для удовлетворения своих текущих, раннесрочных потребностей. Можно ли оценить подобные действия бизнес-чиновников как коррупцию, или это стовор как разновидность противоправного деяния? Однако и здесь четко прослеживается значимость решения должностных лиц, организаторов деятельности экономических систем.

Можно ли оценить как коррупцию ситуацию, когда должностное лицо принимает противоправное решение (иногда решение, морально не приемлемое для общественного мнения), из которого извлекает выгоду некоторая вторая сторона (например, фирма, обеспечивающая себе благодаря этому решению получение государственного заказа вопреки установленной процедуре), а само должностное лицо получает незаконное вознаграждение от этой стороны? Характерные признаки данной ситуации: принимается решение, нарушающее закон или неписанные общественные нормы; обе стороны действуют по обоюдному согласию; обе стороны получают незаконные выгоды и преимущества; обе стороны стараются скрыть свои действия.

Думается, под определение коррупции подпадает и такое явление в общественной жизни, как кумовство, семейственность, когда любовь должностного лица, находящегося на государственной службе, превращает его администрацию в некое подобие «семейного совета», вытесняет с ключевых постов «чужих» работников, расчищая путь «своим».⁵

В конце мая 2009 г. во многих центральных средствах массовой информации прошла информация о предоставлении за

вознаграждение личным водителем королевы Великобритании не свойственных, в соответствии с должностными обязанностями, услуг якобы крупным бизнесменам-арабам, которые на поверку оказались журналистами. Есть ли в действиях водителя признаки коррупции? Ведь он за вознаграждение лишь оказал услуги, не свойственные для его должностных полномочий, проявил безответственность по отношению к обеспечению безопасности монаршего семейства. Вместе с тем возможность предоставления водителем данных услуг, конечно, связана с его должностью. Не будь он водителем королевы, не смог бы из своей должности извлечь коммерческую выгоду.

Необходимо отметить, что сегодня существуют множество определений коррупции, чаще всего они сводятся к злоупотреблению публичной властью ради частной выгоды. Аналогичное определение дано и в документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1979 г.: «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения». В отечественной научной литературе коррупция определяется как «использование государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемого ими положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ как в личных, так и групповых целях»⁶.

В общественном сознании также нет четкого определения коррупции как явления: во-первых, коррупция как некая организация общественной жизни, система взаимоотношений, когда все кому-то что-то должны, когда любое передвижение по социальной лестнице предполагает «благодарность» тех, от кого зависят подготовка, продвижение и принятие решения; во-вторых, коррупция как средство зарабатывания денег, поддержания жиз-

недеятельности; в-третьих, коррупция как получение дополнительной материальной выгоды (взяточничество) чиновниками независимо от их принадлежности к государственному, коммерческому или общественным организациям за оказание каких-либо как законных, так и противоправных услуг; в-четвертых, коррупция как незаконное использование должностных полномочий, направленное на получение материальной, духовной, социальной и иной выгоды за счет использования возможностей других лиц, попадающих в любую форму вынужденной зависимости от должностного лица; в-пятых, коррупция как средство решения человеком проблем за относительно короткое время, по сравнению с существующими практикой, процедурой, регламентом.

Разнообразны оценки коррупции с точки зрения ее «живучести» и «полезности-пагубности» в обществе. Кто-то в ней видит благо, дающее возможность быстро и «надежно» решать свои проблемы в «кабинетах и коридорах» бюрократической системы. Кто-то настаивает на том, что коррупция разлагает, деградирует общественные отношения, способствует масштабному разочарованию в идее справедливости.

Опасность – в масштабе и уровне коррупции. Особую опасность приобретает «низовая» коррупция, основанная на получении дополнительной материальной или другой выгоды непосредственно от простых людей, ищущих пути решения проблем. Коррупция на этом уровне разрушает отношение «душевного родства» и взаимоуважение между простыми людьми, вынужденными постоянно взаимодействовать между собой для решения бытовых, медицинских, образовательных, досуговых вопросов и проблем. Не менее опасна и «высшая» коррупция, захватывающая взаимоотношения функционеров на различных эшелонах политической, финансовой, коммерческой власти. Данный вид коррупции формирует систему беззакония, правового нигилизма, способствует негативной структурализации социума – резкому расслоению общества по материальному

признаку, росту и распространению преступности в обществе, рационализирует культуру общения, попирает нравственные принципы совместного общежития. Нередко «высшая» коррупция приобретает признаки системности, когда все кому-то что-то должны как для сохранения имеющегося статуса, так и для его повышения. Как правило, нижестоящие структуры обязаны вносить «дань» для «обеспечения запросов» вышестоящих, а любое передвижение по служебной лестнице, занятие, как говорится в народе, «хлебного места» предусматривает определенный материальный взнос с претендента.

Следовательно, по нашему мнению, под коррупцией необходимо понимать все незаконные деяния официальных лиц, как юридических, так и физических, по отношению к гражданам и организациям, преследование этими лицами цели получения необоснованной выгоды с использованием служебного положения. Это, прежде всего, отношение, в котором одна из сторон непременно является представителем власти. Ему противостоит субъект, заинтересованный в получении неких услуг (благ и т.д.), значит, это отношение обмена. Более того, необходимо признать, что коррупция – явление, не только подпадающее под понятие уголовно наказуемого деяния, но это и все то, что хотя и не подпадает под статьи УК РФ, но по своей сути со стороны власти ни морально, ни нравственно. Остап Бендер знал массу вполне законных способов отъема денежных знаков, но был ли нравственен хотя бы один из них? Да и товарищ Корейко Александр Иванович расстался со своими «кровными» в известном произведении Ильфа и Петрова далеко не из моральных побуждений товарища Бендера.

Президент Российской Федерации Д.А.Медведев в интервью программе «Время» 15 апреля 2009 г. отметил, что за 2008 г. в России совершены 40 тысяч преступлений, связанных с нарушением должностных полномочий, 12 тысяч – факты взяточничества. Наиболее опасно для общества то, что люди, сколотившие пер-

вичный капитал, стараются войти во власть. Как показывает практика, чем выше уровень власти, тем сложнее бороться с коррупцией. Зарождаясь внизу, коррупция распространяется вверх. Следовательно, сегодня наиболее актуальна задача обеспечения препятствия коррупции на низовом уровне.

Это возможно только при использовании опыта и возможностей реализации технологий социальной мобилизации. Мобилизация на борьбу с коррупцией как интегральная основа объединения усилий общества на реализацию общественно значимых проблем подразумевает комплекс мер. Это не только ужесточение законодательства в отношении преступлений коррупционной направленности (именно это направление сегодня активно прорабатывается и нормативно закрепляется), но и четкое отграничение данного вида преступлений от других правонарушений, разработка и реализация обществом системы антикоррупционного образования, формирование антикоррупционной культуры населения. Значимое место занимают обеспечение государственными и общественными институтами социальной защищенности граждан, обеспечение доступности предоставляемых государством социальных льгот и гарантий, формирование ответственности политической интеллигенции, служащих административных аппаратов за уровень и качество исполнения своих должностных обязанностей. Сегодня необходимо сформировать обязательную систему правового образования населения, изучения трудового, гражданского законодательства. Очень часто на низовом уровне отсутствие элементарных правовых знаний приводит к тому, что гражданами манипулируют, вымогают услуги или деньги там, где этого можно было избежать без всяких последствий. В случае невозможности по ряду финансовых затруднений в настоящее время создания подобной сети правового образования необходимо отработать систему доступных как в материальном, так и в географическом плане для граждан экстренных правовых консультаций.

К сожалению, и сегодня само государство, его институты управления генерируют иногда предпосылки проявления коррупции как средства обеспечения навязываемых необоснованных обязательств, показателей, обозначенных органами управления, вышестоящими инстанциями.

Опыт предыдущего столетия показал: дефицит товара есть тогда, когда предложение отстает от спроса либо когда население опасается за свое будущее и стремится все иметь одновременно и сегодня, и сейчас, и в прок. Возможно, устранив дефицит бескорыстного внимания чиновников, очереди за всевозможными справками, льготами, сделав данную работу прозрачной, упростив всевозможные процедуры поиска и согласования, общество забудет о коррупции на низовом уровне, снизив административные барьеры для бизнеса, устранив основу коррупции на среднем и высшем уровнях.⁷

Еще одним из важнейших условий профилактики коррупции как социального явления является необходимость осоз-

нания современным человеком того, что с коррупцией можно справиться только сообща; бороться необходимо начиная с себя, уничтожая психологию раба и формируя культуру добросовестного исполнения профессиональных обязанностей и высокую гражданскую позицию.

1 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (31 октября 2003 г.).

2 URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/84.htm>.

3 URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/110/1011032/1011032a1.htm>.

4 Болва Н.В. Противодействие коррупции: проблемы и перспективы // Меры по преодолению коррупции на основе опыта федерального правительства Канады : международная конференция, 20-21 апреля 2009 г. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009. С.62.

5 См.: Неделин П. Президент кланового хозяйства // Версия. 2008. 1-7 декабря. С. 12-13.

6 URL: <http://www.narcom.ru/ideas/socio/84.htm>.

7 Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kreml.org/othent/207973731>.

УДК 342.5

Ольга Александровна ВОРОБЬЁВА,
доцент кафедры правоведения юридического факультета
Тольяттинского государственного университета,
кандидат педагогических наук

О ПОНЯТИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

ON THE CONCEPT OF THE PUBLIC POWER

В статье проанализированы различные точки зрения на понятия «власть», «публичная власть». Дано определение публичной власти в России. Рассмотрены ресурсы публичной власти.

The various points of view on the concept «power» and «the public power» are analyzed in the article. Definition of public power in Russia is made. Resources of the public power are considered.

Ключевые слова: власть, публичная власть, органы государственной власти, местное самоуправление.

Keywords: power, public power, public authorities, local government.

Российская Федерация переживает эпоху масштабных перемен в экономической, политической и социальной сферах. Существенные изменения коснулись и сферы публичной власти. С 2000 г. российским государством проводится политика построения «вертикали власти». Введен новый порядок назначения глав регионов. Изменения затронули все ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Только с начала 2009 г. внесены ряд изменений в федеральные конституционные законы «О Правительстве Российской Федерации», «О Конституционном Суде Российской Федерации», изменен порядок формирования Совета Федерации, существенно «подкорректирован» статус муниципальных органов. Очевидно, законодательство, регламентирующее деятельность органов власти, весьма динамично. В связи с этим главное – не забывать о назначении власти. Как известно, Конституция РФ заложила антропоцентрическую модель российского государства, назначение которого состоит в соблюдении и защите прав и свобод граждан.

Конституцией РФ определены важнейшие принципы организации публичной власти. В соответствии со ст. 3 Основного Закона, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Конституция РФ провозглашает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Также Основным Законом закреплен принцип разделения властей (ст. 10), определены органы государственной власти в Российской Федерации и ее субъектах (ст. 11), конституционные основы местного самоуправления (ст. 12, гл. 8), сферы ведения Российской Федерации и ее субъектов и др.

В то же время существуют ряд проблем в сфере организации публичной власти: незавершенность процесса разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов; наличие противоречий между федеральным и региональным законодательством; несовершенство федерального законодательства, регламентирующего организацию и деятельность публичной власти; коллизии полномочий федеральных министерств и ведомств; неопределенность правовой природы ряда федеральных органов; низкий уровень народного представительства во власти; негативное отношение большинства граждан к органам власти и многое другое.

Публичной власти посвящены немало работ, начиная с трудов ученых-мыслителей античности и заканчивая современными исследованиями, однако ее можно смело отнести к числу «вечных» тем. Исторический опыт и современные реалии свидетельствуют о перманентном развитии представлений о публичной власти. В основном материал, изложенный в литературе, носит общий характер, однако требуется учитывать современные реалии при исследовании обозначенной проблематики.

Современный период развития России характеризуется модернизацией общественной жизни, которая затрагивает основные сферы – экономическую, культурно-духовную, политическую. Важным фактором осуществления экономических и политических преобразований на данном этапе развития общества является публичная власть.

Проблемы организации и деятельности публичной власти стали ключевыми на многих научных, научно-практических конференциях. Категория «публичная власть» все чаще употребляется и в законотворческой сфере. Расширение сферы использования данной категории непосредственно связано и с возрождением деления права на публичное и частное, в связи с чем публичная власть предстает в качестве объекта регулирования публичного права. Тем не менее полноценные закон-

ченные научные исследования категории публичной власти в науке отсутствуют. Можно констатировать, что в отечественном обществоведении образовался значительный разрыв между значимостью, широким употреблением и степенью научного осмысления данной категории. Имевший место исследовательский вакуум в определенной мере продолжает существовать, в результате чего категория «публичная власть» все еще не стала предметом всестороннего научного анализа, хотя с понятием «публичная власть» неразрывно связаны практически все фундаментальные явления политико-правовой жизни современного общества и государства.

Интерпретация понятия «публичная власть» невозможна без общей интерпретации понятия «власть».

Как отмечают многие ученые, в том числе Е.В. Колесников и Н.М. Селезнева, «проблематику власти можно отнести к числу “вечных вопросов”, она привлекала внимание мыслителей и политиков с давних времен»¹. В ряду выдающихся умов человечества, занимавшихся проблемами власти, – Платон, Аристотель, Т. Гоббс и Дж. Локк, Н. Макиавелли и Ш. Монтескье и многие другие.²

В русском языке слово «власть» является однокоренным со словом «владеть», которое имеет значение «собственник», «хозяин», «обладающий собственностью»³.

В советский период можно было выделить три основных направления в исследовании власти. Авторы первого направления рассматривали власть как волевое социальное отношение, характер которого обусловлен доминирующей волей одной из сторон данного взаимодействия (М.И. Байтин⁴, Н.М. Кейзеров⁵, Е.М. Пеньков⁶).

Второе направление определяет власть как необходимую функцию любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной деятельности. К числу сторонников данного подхода можно отнести Г.Н. Манова⁷, В.С. Шевцова⁸, Ю.А. Тихомирова⁹, И.Е. Фарбера¹⁰.

Авторы третьего направления определяют власть как способность индивида, группы либо всего общества подчинять своей воле поведение и деятельность людей. Данной точки зрения придерживается Ф.М.Бурлацкий¹¹.

Большой интерес представляют и работы известного в России политолога В.Ф.Халипова, выдвинувшего концепцию кратологии – науки о власти (можно назвать две работы: «Власть. Основы кратологии» и «Введение в науку о власти»). Кроме того, нельзя не отметить и такую работу В.Ф.Халипова, как «Энциклопедия власти», изданную в 2005 г., в которой содержится развернутая характеристика многих аспектов теории и практики власти, а также представлены терминотека и подборка извлечений из работ наиболее видных мыслителей по проблемам власти.¹²

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день насчитываются более 300 определенных власти.¹³ В частности, в своих главных значениях власть – это:

- 1) способность, право и возможность тех или иных лиц, органов, учреждений, систем распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность конкретных людей, их общностей и институтов с помощью различных средств – права, авторитета, воли, принуждения;

- 2) государственное, общественное, политическое, экономическое, духовное и иное господство над людьми;

- 3) система соответствующих государственных или иных управленческих органов;

- 4) лица, органы, учреждения, облеченные соответствующими государственными, административными и иными полномочиями;

- 5) единолично распоряжающийся судьбами и жизнями многих людей монарх, диктатор, полководец и т.д.;

- 6) наконец, вообще государство, преобладающее влияние, способность подчинять себе в жизни, живой природе.¹⁴

По утверждению политолога А.Н. Медушевского, власть может быть определена как такая форма организации обществен-

ных отношений, которая при определенных условиях позволяет одному социальному элементу влиять на поведение другого.¹⁵

А.В.Соловьев рассматривает власть по природе и происхождению как явление социальное. Складываясь и существуя в различных областях человеческой жизни, она способна проявляться в различных сферах общественной жизни и в разных формах: то в качестве морального авторитета, то в виде экономического или информационного господства, то в форме государственного принуждения и т.д., при этом власть может быть различной и по объему (семейная, международная и др.), и по объекту (личная, партийная, общественная и т.д.), и по характеру применения (демократическая, бюрократическая, деспотическая и т.д.), и по другим признакам.¹⁶

С точки зрения Р.Т.Мухаева, власть – это особый вид общественных отношений, присущий всем этапам развития человечества и выражающий объективную потребность людей в саморегуляции и организации.¹⁷

Власть как правовая категория – это сформированное социальной средой средство организующего, регулирующего и контролирующего воздействия, обеспечивающее функционирование данной социальной среды.¹⁸

В правовой теории и юридической практике власть выступает в различных ипостасях: как способ формирования органов государства (например, принцип разделения властей); как форма осуществления политической деятельности (например, правотворчество); как критерий для разграничения методов правового регулирования (например, публично-правовой, частноправовой).¹⁹

Трактовка власти как социального отношения проявляется в возможности и праве одного индивида или группы принимать решения, приобретающие обязательный характер для другого индивида или группы, то есть это отношение «управления-исполнения» (более жесткая форма – «командование-подчинение»).²⁰

Таким образом, исследователи сходятся в одном мнении: власть начинается там, где возникает подчинение.

По классификации, введенной М.Вебером, власть может быть:

- традиционной, то есть использовать механизмы, традиции и ритуалы, которые очень медленно изменяются в течение времени или вообще остаются постоянными;

- харизматической, то есть реализовываться за счет наличия особой связи между руководителем и его последователями, когда первый чувствует себя призванным для осуществления определенной цели, а последние убеждены в наличии у него исключительных качеств, способности преодолеть любые трудности, предвидеть на много лет вперед;

- легальной, то есть опираться на законы, правила, нормы; управление здесь обусловлено знанием и четким соблюдением норм, регламентирующих властную деятельность, их активным использованием для достижения поставленных целей.²¹

В правовой структуре власти выделяются четыре основных элемента: носитель власти (активный субъект), подвластный (пассивный субъект), ресурсы власти (методы и средства властного воздействия) и организационные рамки отправления власти уполномоченными органами и лицами (правила процедуры).²²

Для осмысления природы власти важным является вопрос о ресурсах власти. Ресурсы – это совокупность методов и средств, использование которых обеспечивает, поддерживает и реализует власть. По определению современного американского политолога М.Роджера, ресурс – это «атрибут, обстоятельство или благо, обладание которым повышает способность его обладателя оказывать влияние на других индивидов»²³.

Как отмечает Н.И.Глазунова, в арсенале ресурсов власти могут быть: принуждение, насилие, убеждение, поощрение, право, традиции, страх, мифы и другие методы и средства воздействия; ресурсы экономические, финансовые, людские, информационные, идеологические; ресур-

сы природные и благоприобретенные – все объективно существующие и субъективные факторы, определяющие возможность и способность властвовать, оказывать управляющее воздействие на общество, общественные процессы и отношения.²⁴

В арсенале важнейших ресурсов публичной власти – право, дающее возможность нормативно-регулирующего управляющего воздействия, знания, компетентность, определяющие способность лиц, облеченных соответствующими властными полномочиями, такие методы и средства воздействия, как поощрение и наказание, стимулирование и принуждение, страх и убеждение и т.д.

Публичность как важный аспект рассмотрения власти представляет отдельный интерес. Первые попытки разобраться в парадоксах и механизмах публичной власти были предприняты еще в древний период политической истории – в Греции, Индии и Китае.

В лексико-фразеологических источниках термин «публичный» (от лат. «publicum») определяют как «государство, общество, община» либо как «правовые нормы, регулирующие деятельность в отношениях между гражданами».²⁵

В советский период были выработаны несколько подходов к определению публичной власти. Сторонники первого подхода отождествляли публичную власть с общественной. В частности, Л.А.Григорян писал: «Термин “публичная власть” означает всего лишь “общественная власть”. А общественная власть существует в любом обществе»²⁶. Л.И. Каск утверждал, что «“публичной властью” являлась и вся власть в родовом обществе. Равным образом можно называть власть при государственной организации “общественной властью”»²⁷.

Другие авторы придерживались точки зрения, что публичную власть нельзя отождествлять с общественной, публичная власть является синонимом государственной и политической власти. Например, И.М.Степанов писал: «Публичная, то есть политически организованная власть, есть власть господствующего класса...»²⁸.

Несколько иное мнение имеет Т.Н.Семенов. Публичную власть она понимает как «не всякую существующую в обществе власть, а только такую, которая охватывает всех его членов, власть в пределах всего социального организма в целом»²⁹.

В советских периодических изданиях можно было встретить высказывание о том, что публичный характер власти означает руководство общими делами общества. Такие подходы ближе к современному пониманию сущности публичной власти, однако они не вписывались в существующие идеологические догмы, и к тому же данные точки зрения не были достаточно аргументированы и подверглись критике.

В настоящее время термин «публичная власть» получил достаточно широкое распространение как в периодической печати, учебной, монографической литературе, так и в официальных документах. После принятия Конституции РФ термин «публичная власть» стал употребляться в качестве родового, обобщающего понятия, объединяющего государственную власть Российской Федерации, государственную власть субъектов Российской Федерации и местное самоуправление.

Фактически сложилась своеобразная формула: «публичная власть = государственная власть + местное самоуправление»²⁹. Примером тому может служить постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 1997 г. №1-П по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике», в котором отмечается, что публичная власть осуществляется посредством не только органов государства, но и «местного самоуправления и его органов, не входящих в систему органов государственной власти».

На сегодняшний день имеются достаточное количество трудов, посвященных исследованию отдельных видов и форм публичной власти; работ же, в которых публичная власть рассматривалась бы комплексно, в качестве целостной системы, практически нет. Можно выделить лишь

две работы монографического характера – А.А.Югова³⁰ и В.Е.Чиркина³¹, в которых освещаются преимущественно конституционно-правовые аспекты ее организации и деятельности.

Отметим, что, несмотря на имеющуюся тенденцию по размытию границ политологии и теории государства и права, достаточно отчетливо просматривается разобщенность проводимых в рамках данных наук исследований власти. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Р.А. Хомелева, «сложилась своего рода теоретическая дисперсия, которая является, скорее всего, следствием методологической и концептуальной разобщенности исследований феномена власти»³².

Кратологический словарь В.Ф.Халипова определяет публичную власть как «открытую народу и его суждению, общественную по характеру власть, вовлекающую в управление широкие слои населения»³³.

Нетрудно увидеть, что данное определение строится в немалой степени на этимологии и семантике слов «публичный» и «публика».

Согласно словарю В.И.Даля, «публичный» – это всенародный, оглашенный, явный, известный, а «публика» – это общество, народ, люди.³⁴

Данный подход действительно уже достаточно приближает к атрибутам власти, имеющей публичный характер, но явно оставляет в стороне субъектную сторону соответствующей власти, а без этого довольно трудно согласиться с тем, что, например, сегодняшняя семейная жизнь вовсе закрыта от общественных суждений.

Исходя из «коллективистской» трактовки власти, В.Е.Чиркин подчеркивает, что «именно в территориальном публичном коллективе возникает и существует публичная (а не личная, частная корпоративная или корпоративная общественная) власть. Такая власть неразрывно связана с территориальным публичным коллективом. Поэтому... неверно говорить о публичной власти в религиозных объединениях и даже в общественных организациях»³⁵.

В.Е.Чиркин обосновывает свою точку зрения тем, что территориальные публичные коллективы среди множества различных видов коллективов играют особую роль. К территориальным публичным коллективам относятся само общество в государственных границах страны, народ субъекта Федерации, муниципального образования, который представлен на выборах, референдумах, сельских сходах корпусом избирателей. Именно эти лица избирают представительные органы, выборных должностных лиц, решают вопросы, вынесенные на референдум, совершают другие действия, имеющие важнейшее публичное значение.³⁶

А.А.Югов считает, что публичная власть «есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел»³⁷. Он дает следующие характеристики публичной власти. «Публичная власть – это всякая политическая власть, осуществляемая гражданами в коллективных формах. ...Публичная власть – это особая и самостоятельная власть, не совпадающая по своему содержанию и объему с властью государственной. ...В известном смысле публичная власть, когда мы понимаем ее как власть народа в целом, есть высшая форма власти»³⁸.

Существует современная трактовка определения публичной власти в качестве «универсальной, суверенной, формирующей органы социального управления и создающей специальные средства воздействия (армия, полиция, суд) сила»³⁹.

А.Н.Верещак под публичной властью понимает важнейший компонент формирующегося в нашей стране гражданского общества, объединяющий как элементы государственно-властной деятельности, так и внутренне присущие любому демократически развитому обществу свойства негосударственного характера (морально-этические, партийно-политические и иные) и опирающийся при реализации своих решений не столько на средства принуждения, сколько на существующие в данном обществе морально-этические ценности и приоритеты.⁴⁰

На основе анализа работ ученых можно сделать вывод, что исследования власти отличает наличие множества мнений, концепций, что обуславливается сложностью и многогранностью данного феномена. Публичная власть призвана реализовывать именно публичные интересы общества. Она выступает как обобщающая, когнитивная и социально-нормативная категория, отражающая ее отличие от власти личной, индивидуальной, корпоративной.

1 Колесников Е.В., Селезнева Н.М. Статус суда в Российской Федерации: конституционные вопросы. Саратов, 2008. С. 12.

2 Глазунова Н.И. Система государственного управления : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С.146.

3 Верещак А.Н. Публичная власть как элемент формирования гражданского общества // Проблемы эффективности публичной власти в Российской Федерации : сборник материалов учебной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2003. С.161-162.

4 Байтин М.И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972. С.116.

5 Глазунова Н.И. Указ. соч. С.146.

6 Пеньков Е.М. Методологические проблемы социального регулирования // Исторический материализм и актуальные проблемы современности. М., 1980. С.99.

7 Манов Г.Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории и государства. М., 1993. С.42.

8 Шевцов В.С. Государственный суверенитет и политическая организация советского общества. М., 1971.

9 Тихомиров Ю.А. Управление делами общества. М., 1984. С. 57.

10 Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Гл.V. Саратов, 1967.

11 Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. М., 1970.

12 Желтов В.В. Теория власти : учебное пособие. М. : Флинта: МПСИ, 2008. С.12-13.

13 Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов. М., 2001. С. 84.

14 Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М., 2005. С.12-13.

15 Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты : курс лекций. М., 2002. С.167.

16 Соловьев А.И. Указ. соч. С. 84.

17 Мухаев Р.Т. Политология. 2-е изд. М., 2003. С.71.

18 Гражданин, закон и публичная власть. М., 2005. С.12.

19 Там же.

20 Современный политологический словарь / В.И. Даниленко. М., 2000. С.137-139.

21 Демидов А.И., Долгов В.М., Малько А.В. Политология : учебник. М., 2004. С.144.

22 Гражданин, закон и публичная власть. С.12.

23 Мухаев Р.Т. Указ. соч. С.71.

24 Глазунова Н.И. Указ. соч. С.146.

25 Краткий словарь современных понятий и терминов. М.: «Республика». 2000. С.454.

26 Григорян Л.А. Народовластие в СССР. М., 1972. С.16-21.

27 Каск Л.И. О признаках государства // Правоведение. 1963. №1. С. 27.

28 Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления. М., 1973. С.84.

29 Семенова Т.Н. Государство и государственная власть в классово-антагонистическом обществе // Философские науки. 1978. №6. С.14.

30 Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург, 1999.

31 Чиркин В.Е. Публичная власть. М., 2005.

32 Хомелева Р.А. К построению онтологической концепции власти: теоретико-методологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. Вып. I. С.14.

33 Халипов В.Ф. Власть. Кратологический словарь. М., 1997. С. 322.

34 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978. Т.3. С.535.

35 Чиркин В.Е. Указ. соч.

36 Там же.

37 Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург, 1999. С.12.

38 Там же. С.52-53.

39 Гражданское общество: истоки и современность : под ред. проф. И.И.Кальнова. СПб., 2000. С.10.

40 Верещака А.Н. Указ. соч. С.161-162.

УДК 101.1:304.3:316.47

Николай Николаевич НАГОРНЫЙ,
старший преподаватель кафедры философии
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат философских наук

Любовь Александровна НАГОРНАЯ,
доцент кафедры философии Института фундамен-
тальной подготовки Сибирского федерального уни-
верситета (г. Красноярск), кандидат философских
наук

ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕГУМАНИЗМА В ОТНОШЕНИИ ИСКАЛЧЕННОЙ ТЕЛЕСНОСТИ ДРУГОГО В ЗАПАДНОМ ОБЩЕСТВЕ XX В.

DISPLAYS OF DEHUMANISM RELATING TO THE DEFECTIVE EXALTED BODY OF THE OTHER MAN IN THE 20TH CENTURY

В статье рассматриваются причины и особенности агрессивного отношения западного общества к искалченной телесности Другого в XX в. Авторы считают, что национал-социалистическая идеология объявила полноценную телесность многих Других неполноценной – искалченной. Показано, что преодолеть глубокий нравственный кризис европейское общество смогло только после юридического закрепления гуманистических ценностей. Отмечается, что на сегодняшний день в мире разрешены далеко не все противоречия между различными культурами.

The article analyses reasons and peculiarities of western society aggressive attitude to the defective exalted body of the other man in the 20th century. The authors suppose that the full-bodied exalted body of many other people was declared defective by nationalistic socialism. It is shown that European society could overcome deep moral crisis after legal recognition of humanism values. It is stated that there are still many contradictions among different cultures.

Ключевые слова: телесность, искалченная телесность, гуманизм, дегуманизм, евгеника, генетика, национал-социализм, право, культурное разнообразие, диалог.

Keywords: exalted body, defective exalted body, humanism, dehumanism, eugenics, genetics, nationalistic socialism, law, cultural variety, dialogue.

Сознательное лишение жизни другого человека, нанесение вреда его психическому и/или физическому здоровью – это преступление против телесности Другого. Уже до нанесения разрушительного удара по другому человеку в сознании агрессора создан образ обесцененной телесности предполагаемой жертвы. Под телесностью понимается одухотворенное тело, особый феномен, занимающий пространство между душой и телом (просто тело – это, прежде всего, физический объект, не несущий субъективности, ду-

ховности).¹ Можно сказать, что термин «телесность» преодолевает противопоставление между телесно-физическими и интеллектуальными, духовными качествами человека, между «человеком телесным» и «человеком духовным». В.А. Подорога оперирует таким понятием, как искалченное тело, – в самом широком смысле тело страдающее, то есть испытывающее состояние физического и психического ущерба, «неполноценности», «недостатка» или «неполноты». ² В настоящей статье применяется термин «искалченная телесность»,

под которым мы понимаем любые случаи физического и/или психического нарушения развития, требующие создания специальных условий для получения образования, трудовой деятельности, ряда аспектов жизнедеятельности (синонимы: ограниченные возможности развития, инвалидность и др.).

Агрессивные действия в отношении телесности Другого по тем или иным причинам происходили на протяжении всей истории развития человечества. Однако наиболее массового и изощренного характера подобные преступления достигли в первой половине XX в., которая прошла под знаком Первой и Второй мировых войн. В указанный период были уничтожены, ранены, подвергнуты гонениям, пыткам и т.д. десятки миллионов людей. На протяжении многих лет в ряде европейских стран и в США в обязательном порядке уничтожались или подвергались стерилизации люди с ограниченными возможностями развития. Телесность таких людей идеологи нового режима априори считали неполноценной, вредной и не имеющей право на существование. Предпосылки для столь масштабной гуманистической катастрофы возникли еще в XIX в. (философия Ф. Ницше, появление генетики, евгеники и др.). Многие мыслители (в частности, швейцарский историк и философ Я. Буркхардт, К. Маркс, французский анархист П.Ж. Прудон, Л.Н. Толстой, О. Шпенглер и др.) в том или ином виде предвидели вырождение культуры XX в., предсказывая возможность наступления эпохи варварства. К сожалению, опасения ряда величайших умов второй половины XIX – начала XX вв. в полной мере оправдались.

Один из показателей, определяющий уровень развития в обществе концепции гуманизма, – отношение данного общества к людям с ограниченными возможностями развития. В обществе с высоким уровнем гуманизма развита система помощи людям с искаленной телесностью, ведется работа по совершенствованию условий социализации таких людей; если человек по тем или иным причинам приобретает инвалидность, то общество стремится создать

ему по возможности оптимальные условия для адаптации к новому состоянию.

К началу XX в. в большинстве западноевропейских стран (в том числе в Германии) уже была создана система специального образования, охватывающая обучение трех категорий детей с ограниченными возможностями развития – с нарушением слуха, зрения, интеллекта; также планировалось охватить системой специального образования детей с некоторыми другими нарушениями развития; продолжали разрабатываться и апробироваться новые, более эффективные методики обучения детей с ограниченными возможностями развития. Но с началом Первой мировой войны в развитии системы специального образования был сделан огромный шаг назад. В период между окончанием Первой и началом Второй мировых войн большинство европейских стран значительно снизили активность в деле организации образования лиц с ограниченными возможностями развития. Во многом это явилось следствием тенденции дегуманизации европейского общества того времени: соображения гуманистического характера из общественного сознания вытеснялись рассуждениями о вреде, который приносят обществу люди с искаленной телесностью. Данные рассуждения опирались на выводы евгеники и генетики, в соответствии с которыми люди с ограниченными возможностями развития стали восприниматься как субъекты, несущие поврежденные гены в человеческую популяцию.

Термин «евгеника» впервые применил в 1883 г. английский антрополог, психолог, «отец биометрии» Ф. Гальтон. Под евгеникой ее основоположник понимал «изучение подлежащих общественному контролю влияний, которые могут улучшить или ухудшить как физические, так и умственные качества грядущих поколений». В начале XIX в. французский зоолог Ж.Б. Ламарк в своей эволюционной теории (предложенной, соответственно, еще до эволюционной теории Ч. Дарвина) выдвинул принцип «наследования приобретенных признаков» применительно к животным и растениям. С утверждением в 20-х гг.

XX в. хромосомной теории наследственности стало несомненно, что у всех исследованных к тому времени живых существ принципиально схожий генетический аппарат, следовательно, все вытекающие из генетических опытов выводы должны быть справедливы и для человека. Подтверждающие это факты все чаще описывались в научной литературе того времени на основании изучения родословных в семьях, где наблюдались какие-нибудь физические или умственные отклонения, передающиеся из поколения в поколение.

Примерно в 20-х гг. XX в. в евгенику были включены две якобы научно доказанные концепции: идея о наследовании приобретенных признаков детьми от родителей и расизм. Согласно первой концепции уровень умственного развития, образ жизни и мышления, привычки и нормы поведения непосредственно передаются по наследству от родителей потомкам. В рамках второй концепции утверждалось, что среди многих рас, образующих человечество, существуют очень значительные различия не только во внешнем облике, но и во врожденных умственных и нравственных качествах. Одни расы от природы высоко одарены, из них наиболее ценна по своим наследственным свойствам североевропейская («арийская») раса, представленная преимущественно германцами и англосаксами. Ряд других рас в этом отношении значительно хуже, а некоторые низшие расы генетически совсем ущербны – это негры, негроиды, цыгане, евреи и славяне.³

Таким образом, первая концепция обесценивала искалеченную телесность Другого. Вторая же концепция обесценивала полноценную телесность Другого, рассматривая ее как неполноценную, по сути, искалеченную. Отсюда – снятие внутреннего запрета на уничтожение, повреждение, унижение всех «искалеченных» телесностей Других, оправдание подобных действий в отношении «неполноценных», убежденность в том, что подобные меры необходимы. Именно на основе подобных «научных открытий» в некоторых странах, в первую очередь в

США и Германии, наиболее реакционные представители правящих кругов добились принятия ряда антигуманных законов (в частности, законов о принудительной стерилизации инвалидов, которые были приняты в США, Канаде, Дании, Швейцарии, позже – в Германии).

Наибольший «вклад» в практическую реализацию идей евгеники внесли страны, в которых к власти пришел фашизм, особенно Германия. Геополитические и экономические интересы национал-социалисты прикрывали идеологией необходимости уничтожения социально бесполезных, неполноценных людей и строительства лучшей жизни для представителей «высшей» расы. В категорию «неполноценных» были включены как люди с ограниченными возможностями развития, так и целые народы (по мнению немецких расистов, цыгане и евреи подлежали полному истреблению, представители других «низших» рас могли быть сохранены как бесправные, подчиняющиеся господствующим «высшим» расам, неквалифицированные работники, которых при необходимости также можно было убивать).⁴

По своей жестокости взгляды фашистов на «искалеченную» (на самом деле неугодную правящим силам) телесность Другого можно сравнить с отношением к «искалеченной» телесности Другого в эпоху позднего средневековья. Как известно, тогда борьба церкви с зарождавшимися новыми веяниями в общественных взглядах вылилась в инквизицию, в физическое уничтожение представителей прогрессивных сил. В этот же период начались так называемые процессы над ведьмами. Специальная булла (послание) папы Иннокентия VIII (XV в.) обязывала судить людей, «находящихся во власти дьявола». Изданная в 1487 г. инструкция «Молот ведьм» (как узнавать ведьм и одержимых дьяволом) привела к тому, что по всей Европе запылали костры, в которые бросали стариков, женщин и детей, поведение которых было ненормальным вследствие истерии или душевных болезней.

И все-таки повредить, уничтожить телесность Другого – это психологически тяжелое, разрушительное для телесности

самого агрессора действие. Национал-социалисты стали активно вести идеологическую проработку своего народа через основные институты социализации – образование, СМИ. В школах Германии уже в 1933 г. преподносили учащимся идеи расовой биологии, расовой гигиены, воспитывалась убежденность в бесполезности и ненужности аномальных членов общества, формировалось представление о том, что общество, опекая аномальных, заботясь о них и расходуя на них средства, ущемляет тем самым остальных своих членов. Тщательно готовились кадры профессиональных убийц, огромное внимание уделялось их психологической подготовке, формированию внутренней готовности убивать, спокойного отношения к боли и страданию, которые испытывает телесность Другого. В частности, были четко разработаны правила поведения солдат вермахта на оккупированной земле. Например, в одном из пунктов «Памятки немецкого солдата» было записано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек»⁵. Таким образом, немецкий солдат, превратившись в живое оружие, должен был на время забыть о том, что у него есть светлая сторона души, обращенная к Богу, совести. Может ли человек, сознательно убивающий и калечащий беззащитных людей, пусть и во имя «высокой цели», впоследствии быть по-настоящему счастлив и сделать счастливой свою семью? Сможет ли его телесность вновь стать полной – ведь он «поработал над собой» таким образом, чтобы его душа обратилась к злу, а дух сумел воспринять полноценную телесность Другого как искаленную, лишенную ценности и подлежащую уничтожению? Не обратит ли он однажды разрушительную силу жестокости, возвращенную в своей душе, на самых близких ему людей и самого себя? Многочисленные факты из жизни солдат, которым приходилось убивать, свидетель-

ствуют о том, что им чрезвычайно трудно вернуться к нормальной жизни. По сути, причиняя боль и страдание телесности Другого, рана и уничтожая телесность Другого, пусть и воспринимаемую как заведомо искаленную и не имеющую ценности, человек тем самым наносит удар по собственной телесности. Телесность убийцы – это есть, безусловно, искаленная телесность.

Как известно, количество жертв фашистской Германии исчисляется десятками миллионов людей...

С 1933 г. (после прихода А. Гитлера к власти) в Германии началось планомерное и последовательное уничтожение людей, попавших при «новом порядке» в категорию социально бесполезных – глупо, умственно отсталых, тяжелых инвалидов, стариков-инвалидов, лиц, страдающих туберкулезом, эпилепсией и т.д. Глухие, психически больные, лица с асоциальным поведением и некоторые другие категории первое время в большинстве своем подвергались принудительной стерилизации (общее число людей с теми или иными нарушениями развития, подвергшихся стерилизации за годы существования третьего рейха, составило более 300000 человек). С появлением газовых камер таких лиц, вместо проведения стерилизации, чаще всего стали умерщвлять. Закрывались школы для детей с ограниченными возможностями развития, в первую очередь школы для детей с нарушением интеллекта (вспомогательные школы), исчезали, превращаясь в госпитали и санатории для немецкой армии, больницы, приюты, убежища, клиники, обслуживающие различные категории людей с инвалидностью. Гонениям и преследованиям подвергались специалисты-дефектологи. Историки специальной педагогики свидетельствуют, что в послевоенной Германии систему специального образования и специальную педагогику пришлось возрождать с нулевой отметки.⁶

В 1933 г. произошло еще одно событие, имевшее ужасающие последствия для многих стран и самой Германии: в г. Дахау под Мюнхеном с целью изоляции и репрессирования «неудобных» нацистскому

режиму был создан первый немецко-фашистский концентрационный лагерь, ставший прототипом всех остальных лагерей, которые стали появляться в Германии того времени один за другим.

До начала открытых боевых действий в немецко-фашистские концлагеря (Дахау, Бухенвальде, Заксенхаузен и др.) помещались немецкие антифашисты, в первую очередь коммунисты, а также лица, преследовавшиеся по расовым или религиозным мотивам. Они содержались в нечеловеческих условиях, подвергались непрерывным пыткам и унижениям (на них отрабатывалась система наказаний и другие формы физических и психологических издевательств), изнурительному труду, нередко бессмысленному.

В ряде лагерей, в частности в Дахау, над заключенными проводились бесчеловечные медицинские эксперименты. Например, опыты по разработке методов борьбы с гипотермией, в которых часть испытуемых были в буквальном смысле заморожены, с гипоксией – когда испытуемые гибли в высотных самолетах из-за отсутствия кислорода, испытания отравленных ядом пуль, заражение смертельно опасными инфекционными заболеваниями и испытания различных лекарств от этих заболеваний, опыты по разработке методов увеличения числа случаев многоплодной беременности с помощью гормональной стимуляции овуляции и др.⁷

Подобные опыты ученые-медики проводили, сведя в своем сознании значимость телесности Другого Человека до значимости организма лабораторной мыши и искалечив тем самым свою собственную телесность. Ученый, который ради научных достижений пожертвовал здоровьем и жизнями людей, – это «неправильный» ученый. И неполноценный человек... Даже если его исследования внесли ощутимый вклад в развитие науки, в итоге это имеет положительное значение для человечества в целом, но никогда для самого ученого, так как его телесность повреждена, и никакие деньги и слава не помогут ему достичь гармонии, внутреннего спокойствия, безмятежности и самоуважения... Кроме того, сознательно или бес-

сознательно такого человека до конца жизни будет мучить страх возмездия за совершенные деяния.

В 1938–1939 гг. система немецко-фашистских концлагерей была распространена на оккупированные страны и превратилась в инструмент беспощадных репрессий и политики геноцида в отношении населения этих стран. В годы Второй мировой войны (1939–1945) немецкими захватчиками были созданы огромное количество новых концлагерей, особенно на территории Польши (Освенцим, Майданек, Трешлинка и др.). Эти концлагеря оснащались газовыми камерами и крематориями, позволявшими проводить невиданное по масштабам массовое уничтожение людей. Особенно много людей были истреблены в Освенциме – около 4 миллионов.

Всего в годы правления третьего рейха в более чем 14000 фашистских лагерей, тюрем, гетто содержались свыше 20 миллионов человек из 30 стран мира, 12 миллионов не дожили до освобождения, среди них – около 2 миллионов детей...⁸

Советский Союз за годы войны с фашистской Германией потерял более 20 миллионов человеческих жизней. Во время Великой Отечественной войны на территории СССР также были созданы немецко-фашистские концлагеря, гетто, во многих из которых в той или иной степени применялись заранее отработанные методики массового уничтожения людей. Нападая на СССР, руководство фашистской Германии ставило перед собой цель максимально его ослабить, истребив как можно больше советских людей, также объявленных «неполноценными».

Между тем «научные» основы национал-социалистической идеологии уже с начала 1930-х гг. почти полностью были опровергнуты новыми открытиями в области генетики (и этого не могли не знать, например, врачи, проводившие бесчеловечные эксперименты над узниками концлагерей).

В научной литературе появились данные, свидетельствующие о несостоятельности приемов изучения наследственности, которыми пользовались разработчики

евгеники – Гальтон, Пирсон и др. В частности, стало известно о точечном характере наследования различных моногенных (вызываемых мутацией лишь одного гена) врожденных уродств и других врожденных патологий человека, притом таких, проявление которых не зависит от внешних условий развития ребенка, например карликовость (хондродистрофия), кровоточивость (гемофилия), глухонмота, цветовая слепота (дальтонизм), шестипалость и другие. Ученые-генетики пришли к пониманию того, что причины наследственных нарушений развития очень разнообразны. Чтобы понять природу того или иного врожденного заболевания, необходимо выяснить, доминантен или рецессивен изучаемый дефект, обязан ли он мутации гена, локализованного в половой хромосоме или в аутосоме, носит моногенный или полигенный характер и т.д. Особенно очевидна несостоятельность евгенических положений стала, когда генетики доказали, что многие наследственные особенности человека, в первую очередь те, что касаются его умственных способностей, не моногенны, а полигенны, то есть определяются взаимодействием нескольких генов, причем проявление этих генов в фенотипе в очень большой степени зависит от условий, в которых рос, развивался и воспитывался ребенок.⁹

В целом к началу 1930-х гг. справедливость принципа «наследования приобретенных признаков» была убедительно опровергнута точными опытами, проведенными генетиками разных стран на различных растениях и животных. В соответствии с этим лишилась научной поддержки и идея о наследовании приобретенных признаков детьми от родителей в человеческой популяции.

Таким образом, ученые получили научные подтверждения того факта, что, несмотря ни на какие радикальные меры, определенный процент людей с ограниченными возможностями развития в человеческом обществе в естественных условиях воспроизводства будет присутствовать всегда. Изменить эту закономерность может, пожалуй, только искусственное вмешательство в генофонд человеческой популяции.

В это же время нарастала критика расизма. Говорилось, что, если и есть небольшие расхождения между средними показателями коэффициента интеллекта представителей трех больших рас (европеоидной, монголоидной и негроидной), то они весьма невелики и во многом определяются условиями жизни тестируемых людей. Отмечалось, что во всех расах появляются выдающиеся по своим способностям личности и число таких личностей возрастает по мере улучшения условий жизни данной расы.

И все-таки, несмотря на научное опровержение, ранее принятые антигуманные законы в ряде стран еще какое-то время действовали. Немецкие фашисты продолжали уничтожать «неполноценных» людей вплоть до конца Второй мировой войны, нарушая всевозможные нормы морали и нравственности и доводя тем самым человечество до всеобщей гуманитарной катастрофы, от которой оно вряд ли когда-нибудь до конца оправится.

Отголоски страшных идей фашизма периодически раздаются в виде антигуманных высказываний, действий в отношении людей с ограниченными возможностями развития, людей другой национальности и др.

Вместе с тем Вторая мировая война, несомненно, способствовала пересмотру обществом отношения к телесности другого человека, в том числе и к искаленной телесности Другого. Судьба десятков миллионов психически и физически искаленных людей привлекла пристальное внимание мыслителей к проблеме искащенной телесности. Философы, психологи, педагоги, врачи и др. в той или иной мере задались вопросами: какова возможность выживания после тяжелейшей душевной травмы; как пользоваться искаленным телом; почему все-таки выживают и продолжают жить те, кто должен был умереть, кто не должен был выжить; каковы возможности организма в экстремальной ситуации.¹⁰ Несмотря на цели первых исследований в этом направлении (в частности, В.А.Подорога отмечает, что единственной целью этих исследований было создание боевого протезированного тела), в итоге они способствовали лучше-

му пониманию сути искаленной телесности Другого, обнаружению тесной взаимосвязи между телом и психикой человека, поиску методов адаптации искаленных людей к новому состоянию.

Например, М. Мерло-Понти, анализируя истории раненых солдат (в первую очередь, солдата Шнейдера), пришел к выводу, что «внутренние образы тела, несмотря на физический ущерб, недостаточную ориентацию в пространстве, "слабость" или потерю важнейших сенсорно-моторных качеств и многих других жизненно важных функций, способны воссоздавать целостные единства физического и психического бытия. Внутреннее телесное эго человека неуничтожимо, следовательно, способы его репрезентации также постоянны»¹¹. Эти и подобные рассуждения ученого во многом отталкивались от наблюдений за таким феноменом, как фантомный орган (оторванная часть тела, ставшая обрубком, сохраняет для искаленного полное присутствие в его теле, он продолжает ее чувствовать благодаря целостному гештальту. В гештальтпсихологии «гештальт» – целостное образование, обладающее целостным качеством формы, несводимым к свойствам входящих в его состав частей). Можно сказать, что М. Мерло-Понти приблизился к пониманию того, что человек с искаленной телесностью потенциально способен преодолеть свою неполноценность/неполноту, стремясь к балансу всех своих составляющих частей и тяготея к целостному себе.

В последующие после окончания Второй мировой войны десятилетия многие мыслители обратили внимание на образ выжившего. Больше всего вопросов вызвал образ выжившего в концлагере. Телесность каждого бывшего узника концлагеря, безусловно, была жестоко искалена, даже если его тело и не имело явных признаков повреждения. Необходимо было понять, как вообще возможно было выжить в таких условиях? Можно ли после ужасов концлагеря жить, даже если ты выжил? Ж.-Ф. Лиотар предположил, что выживание возможно лишь благодаря бессознательному аффекту, шоку, который уже состоялся в своем действии, но не был

пережит, а только сокрыт. Но он присутствует в настоящем, в любом сейчас, придавая каждому сейчас дополнительное измерение – возможность возврата непережитого¹² («вытесненного». – В.А. Подорога).

Исследователи обратили внимание на закономерность того, что значительное количество бывших заключенных концлагерей так и не смогли вернуться к нормальной жизни. В частности, В.А. Подорога отмечает, что «тот, кто выжил, не обязательно способен жить "после", он может быть и тем выжившим, который уже мертв, опустошен и парализован, являет собой полное отсутствие воли к жизни»¹³. Очевидно, что у таких людей по тем или иным причинам не срабатывают компенсаторные механизмы.

Вместе с тем дальнейшая судьба ряда бывших узников концлагерей показала, что они смогли преодолеть свою неполноценность и в той или иной степени вернуться к себе полноценным. Как им это удалось? Анализ успешного опыта преодоления посттравматического синдрома бывшими заключенными концлагерей показал, что многие из них в первую очередь пытались восстановить свою жизнь исходя из того, что было до, стирая после как свидетельство чудовищного провала в собственной жизни. Из до/прежде/тогда (долагерной жизни) люди выстраивали свою старую идентичность, на которую и пытались опереться, чтобы уничтожить «после». И это было не просто вытеснение – это был полный запрет, налагаемый на то прошлое, которое переживалось как неслыханная для индивида утрата человеческих качеств. Вытеснив травматическое переживание – выйдя из «после» и закрепившись в «сейчас», человек нередко начинал испытывать чувство возвышенного по отношению к тому, что было в концлагере. И только теперь он был в силах завершить событие повторным его переживанием и выйти из него.¹⁴ Возвышенное – «чувство, которое будто бы сначала повергает в ужас и боль, но затем примиряет со свершившимся и даже эстетизирует объект страха»¹⁵. Быть возвышенным – это «пережить то, что не может

быть пережито, но переживается, и тем самым должно быть забыто»¹⁶.

В целом, пройдя через ужасы концлагерей и геноцида, человечество по-новому стало смотреть на различия между людьми, на их индивидуальность и самобытность. Тот, кто до был физически и психически здоров, после имеет искаленную телесность, но пытается жить дальше. Разве он не достоин уважения и поддержки? Пришло понимание того, что присущее отдельным индивидуальным и групповым сознаниям неадекватное отношение к искащенной телесности Другого, к людям другой национальности и т.д. необходимо сдерживать и преодолевать. Только в этом случае человечество сможет надеяться на дальнейшее прогрессивное развитие и предотвращение третьей мировой войны.

Изменения, произошедшие в общественном сознании, нашли внешнее выражение в нормах права, что закономерно для западного (индивидуалистического) общества, для которого право – оптимальный «инструмент» регуляции отношений людей.¹⁷

С целью объединения межгосударственных усилий по поддержанию и укреплению мира, безопасности и развития сотрудничества в 1945 г. была учреждена Организация Объединенных Наций (ООН), бурными темпами стала развиваться система международного права. Устав ООН, Всеобщая Декларация прав человека ООН (1948) юридически закрепили права каждого человека на жизнь, свободу, достоинство, образование, трудоустройство, медицинское обслуживание вне зависимости от национальности, пола, возраста, физического и умственного состояния. Последующие международные нормативно-правовые акты по правам человека (в частности, общеевропейское соглашение «О защите прав человека» (1950), Декларация о правах инвалидов (1975), Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971), Конвенция о правах ребенка (1989), а также отдельные статьи Европейской социальной хартии (1961), Декларации социального прогресса и развития (1969) и др.) разрабатывались на основе Всеобщей Декларации прав человека, отражая ее основные идеи и принципы.

Фашистская Германия позволила себе невиданные по жестокости и масштабам разрушительные действия в отношении телесности Другого. Общественная реакция на преступления нацистов выразилась и в ряде нормативно-правовых документов, непосредственно запрещающих повторение подобного. Так, Женевские конвенции (1945–1949) осудили и запретили «повсеместно и в любое время убийства, пытки, нанесения увечий и телесные наказания»¹⁸. Нюрнбергский этический кодекс (1947) регламентировал правила проведения медико-биологических экспериментов на человеке и др.

Несколько лет назад (2007) нами были выявлены основные закономерности взаимоотношения общества и людей с ограниченными возможностями развития. В частности, мы пришли к выводу, что критерии нарушенного/ненарушенного развития в различных культурах отличаются друг от друга, во многом определяясь неспособностью/способностью личности усваивать и воспроизводить социальный опыт данного общества общепринятым для него способом. Чем больше в обществе распространена идея неравенства наций, отдельных пластов (страт) общества (то есть насколько одна часть общества считает возможным ущемлять другую часть общества, преследуя свои интересы), тем хуже подавляющая часть общества относится к людям с ограниченными возможностями развития. При наличии кризисных явлений в обществе увеличивается количество агрессивных высказываний и действий со стороны общества по отношению к людям с ограниченными возможностями развития.¹⁹ Но закономерно и то, что сам по себе отказ от гуманистических ценностей, поощрение властью бесчеловечного отношения к отдельным социальным группам, в том числе и к людям с ограниченными возможностями развития, рано или поздно приводит общество к критической стадии развития, сопровождающейся распадом устойчивой взаимосвязи его основных элементов. Если нравственное разложение общества продолжается, это приводит к его гибели.

Западное общество послевоенных лет остро нуждалось в возрождении гуманистических идеалов. А так как для западного общества характерен «приоритет норм права над всеми другими социальными нормами и институтами»²⁰, то юридическое закрепление гуманистических ценностей являлось для него единственным шансом преодолеть глубокий кризис всех своих сторон, и в первую очередь кризис духовной сферы. Законом признанная равноправной с полноценной телесностью искалеченная телесность с течением времени стала восприниматься общественным сознанием, воспринимать саму себя и, по сути, стала полноценной.

Но европейскому обществу так и не удалось окончательно справиться с гуманистической катастрофой, настигшей его в первой половине XX в. Человечество по-прежнему имеет огромное количество проблем, связанных с конфликтами во взаимоотношениях различных субкультур, типов общества, конфессий, идеологий, государств, наций, поколений и т.д. К сожалению, идея, что когда-нибудь человеческое общество действительно будет являться совокупностью множества равноправных культур, взаимодействующих между собой посредством диалога, в настоящее время представляется утопичной..

1 Леви Т.С. От составителя // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П.Зинченко, Т.С.Леви. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. С.7.

2 Подорога В.А. Полное и рассеченное // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. С. 109.

3 Гершензон С.М., Бужиевская Т.И. Евгеника: 100 лет спустя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethology.ru/library/?id=248>.

4 Там же.

5 Лагеря смерти и жестокость фашистских захватчиков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1941-1945.net.ru>.

6 Назарова Н.М. О двух концепциях социальной реабилитации человека с ограниченными возможностями // Проблемы диагностики, коррекции, валеологии в специальном (коррекционном) образовании : сборник статей научно-практической конференции. Красноярск, 1997. С.104.

7 Тищенко П.Д. Биоэтика, биополитика и идентичность (анализ современных медицинских структур «заботы о себе») // Этика науки / под ред. В.Н. Игнатъева. М.: ИФРАН, 2007. С.127-128.

8 Особый день [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazetavyborg.ru>.

9 Гершензон С.М., Бужиевская Т.И. Указ. соч.

10 Подорога, В.А. Указ. соч. С.110.

11 Там же.

12 Там же. С.114-115.

13 Там же. С.115.

14 Там же. С.118-119.

15 Там же. С.119.

16 Там же. С.115.

17 Чуринов Н.М. Совершенная личность и личность свободная // Теория и история. 2005. №1; Его же. Совершенство и свобода. Красноярск: Редакционно-издательский отдел СибГАУ, 2003.

18 Специальная педагогика: учебное пособие для вузов / Л.И.Аксенова [и др.] ; под ред. Н.М.Назаровой. М.: «Академия», 2000. С.107.

19 Потылицына Л.А. Особенности процесса социализации людей с ограниченными возможностями развития (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2007.

20 Чуринов Н.М. Совершенная личность и личность свободная. С.38.

РЕПОРТАЖ С НАУЧНОГО ФОРУМА

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ ТЕРРОРИЗМА
И ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ:
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

PREVENTION OF SPREADING TERRORISM
AND EXTREMISM IDEAS AMONG YOUTH:
SOCIAL-LEGAL AND EDUCATIONAL ASPECTS

Семинар в рамках конгрессной части 6-го специализированного форума
«Современные системы безопасности – Антитеррор»
(г. Красноярск, 26–28 мая 2010 г.)

УДК 343.84:343.974

Дмитрий Дмитриевич НЕВИРКО,
заместитель начальника Сибирского юридического
института МВД России по научной работе
(г. Красноярск), доктор социологических наук,
профессор

Александр Сергеевич СЕРГИЕНКО,
старший научный сотрудник организационно-
научного и редакционно-издательского отдела
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат психологических наук

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ ТЕРРОРИЗМА
И ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ: ПО ИТОГАМ СЕМИНАРА

PREVENTION OF SPREADING TERRORISM AND EXTREMISM IDEAS
AMONG YOUTH: SOCIAL-LEGAL AND EDUCATIONAL ASPECTS:
ON THE RESULTS OF THE SEMINAR

В статье рассмотрены основные итоги семинара, проведенного Сибирским юридическим институтом МВД России совместно с антитеррористической комиссией Красноярского края в рамках конгрессной части шестого специализированного форума «Современные системы безопасности – Антитеррор» (26–28 мая 2010 г.), раскрыты социально-правовой и воспитательный аспекты предупреждения распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде в современных условиях.

The main results of the seminar which was held at the Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia in cooperation with the Antiterrorist Commission of Krasnoyarsk Territory in the frame of the congress part of the sixth specialized forum «Modern security systems – Anti-terror» (Krasnoyarsk, 26–28 May 2010) are considered in the article; the social-legal and educational aspects of preventing spreading terrorism and extremism ideas among youth today are revealed.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, молодежная среда, национальная безопасность России.

Keywords: terrorism, extremism, youth, national security of Russia.

Терроризм представляет собой одну из опаснейших глобальных проблем современности, серьезную угрозу безопасности всего мира. К сожалению, Россия оказалась в числе стран, столкнувшихся с наиболее агрессивными его проявлениями.

Стержень терроризма – это его идеология, которая оправдывает террористическую деятельность, подменяя признанные в обществе ценностные ориентации, понятия справедливости и чести.

Одним из приоритетных направлений научной деятельности Сибирского юридического института МВД России в последние годы является теоретическое изучение проблем борьбы с терроризмом, в том числе противодействие распространению идей терроризма в молодежной среде. Однако противостоять угрозе терроризма и экстремизма возможно только объединив усилия ученых, сотрудников правоохранительных органов и общества в целом.

В рамках конгрессной части шестого специализированного форума «Современные системы безопасности – Антитеррор» (26–28 мая 2010 г.), прошедшего в МВДЦ «Сибирь», Сибирским юридическим институтом МВД России совместно с антитеррористической комиссией Красноярского края был организован и проведен семинар «Предупреждение распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде: социально-правовой и воспитательный аспекты».

В семинаре приняли участие представители Национального антитеррористического комитета (г. Москва), Шанхайской организации сотрудничества, региональных антитеррористических комиссий, представители администрации губернатора Красноярского края и администрации г. Красноярска, сотрудники Сибирского управления внутренних дел на транспорте МВД России, Главного управления внутренних дел по Красноярскому краю, представители Управления федеральной миграционной службы России по Красноярскому краю, сотрудники вузов г. Красноярска, учителя и работники образовательных учреждений г. Красноярска, специалисты Сибирского юридического института МВД России.

Семинар открыл Герой Советского Союза генерал-майор в отставке (Группа «А» КГВ СССР (1977–1988 гг.), Главное управление охраны РФ (1992–1995 гг.) Г.Н.Зайцев с докладом, посвященным анализу современного состояния проблемы предупреждения распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде. В докладе были приведены ряд примеров, характеризующих особенности современного терроризма, а также обозначена необходимость комплексного решения данной проблемы.

Центральный вопрос семинара был освещен в докладе доктора социологических наук, профессора Д.Д.Невирко, в котором он изложил результаты исследования, проведенного авторским коллективом Сибирского юридического института МВД России и посвященного проблеме предупреждения распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде.

Проблема противодействия экстремизму является одной из основных социально-политических проблем как в современной России, так и во всем мире и исследуется в различных областях знания: в праве – с целью определения понятия «экстремистская деятельность»; в психологии – для выявления причин и признаков экстремистского поведения; в социальной философии и социологии – для понимания сущности общественного явления экстремизма.

В самом общем смысле под экстремизмом понимают приверженность крайним взглядам.

Несмотря на то что в последние годы властями России были предприняты ряд правовых и организационных мер, направленных на противодействие экстремизму (например, принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», внесены соответствующие изменения и дополнения в УК РФ и КоАП РФ, в МВД России создан Департамент по борьбе с экстремизмом и т.п.), количество преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистско-националистических побуждений, не сокращается.

В настоящее время противодействие экстремизму как идеологии нетерпимости, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности российского общества. Современный российский экстремизм, составными элементами которого выступают нетерпимость, ксенофобия, национализм и фашизм, отрицая этническое и религиозное многообразие, составляющее важнейший фактор исторического развития России, угрожает безопасности общества (безопасному сосуществованию наций и социальных групп) и государства, нарушает права человека, препятствует достижению гражданского согласия, подрывает устойчивость демократического и правового государства.

По мнению докладчика, современный российский экстремизм имеет ряд характерных черт: активное участие молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в организованных массовых экстремистских акциях и их объединение в неформальные молодежные организации экстремистско-националистической направленности; расширение географии экстремистской угрозы в Российской Федерации и увеличение количества национальностей, социальных групп, молодежных субкультур и т.п. – жертв экстремизма; серийный, жестокий, изощренно профессиональный, издевательский характер убийств граждан другой национальности или вероисповедания, совершаемых экстремистскими группами; использование огнестрельного и других видов оружия для достижения своих целей, в том числе для совершения террористических актов.

Среди основных причин, порождающих и способствующих росту экстремизма в Российской Федерации, Д.Д.Невирко отметил распространение в средствах массовой информации экстремистских материалов (например, националистических выступлений в прессе, по телевидению, экстремистских публикаций, фото- и видеоматериалов в Интернете и т.п.), влияние существенных негативных тенденций в сфере правоохранительного противодействия экстремистской преступности, отсутствие необходимой профилактики в данной сфере.

Докладчик обратил внимание участников семинара на то, что появление экстремизма обусловлено наличием ряда экономических, социально-политических и идеологических факторов, тесно взаимодействующих между собой. Предпосылки, формирующие экстремистское поведение, можно объединить в две группы: индивидуальные (определенные психологические особенности людей, склонных к экстремистским формам поведения) и общие (социально-политическая ситуация в обществе).

Для создания эффективной системы мер противодействия распространению идей терроризма и экстремизма в молодежной

среде необходимо формирование действенной системы недопущения любых экстремистских проявлений в обществе (в том числе и идеологических) при одновременном формировании альтернативной толерантной общественной идеологии, поскольку отсутствие в государстве какой-либо общепризнанной идеологической концепции, разделяемой подавляющим большинством населения, является одним из ведущих факторов, способствующих возникновению экстремизма.

В разработке мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма требуется комплексный подход, соединяющий меры регулирующего, запретительного и профилактического характера. Как показывает анализ международного и национального опыта противодействия терроризму и экстремизму, наиболее эффективными мерами в этой области являются активизация деятельности различных органов и служб и повсеместное осуществление разъяснительной и профилактической работы по устранению причин и условий для формирования идеологической платформы терроризма и экстремизма.

Решающее значение должно отводиться грамотной и своевременной профилактической работе, в которой правоохранительным органам большую помощь могут оказать педагогические коллективы школ, техникумов, колледжей и вузов, работники органов местного самоуправления, представители общественных объединений (спортивных секций, традиционных религиозных конфессий и т.д.).

В числе общих рекомендаций по противодействию распространению идей терроризма и экстремизма в молодежной среде докладчик отметил необходимость оздоровления обстановки в сфере социализации подрастающего поколения, поскольку социальную базу экстремизма составляют, главным образом, неблагополучные лица; проведения активной пропаганды идей расовой, религиозной, национальной и иной терпимости, так как отсутствие жизненного опыта и четкой позиции у молодежи активно используется лицами и организациями экстремистского толка; прове-

дения систематического социологического мониторинга распространенности экстремистских настроений среди различных слоев населения, включая подростковый и молодежный, и факторов, способствующих данным явлениям, на основе создания системы комплексного мониторинга и анализа всех проявлений идеологии терроризма как на федеральном, так и на региональном уровнях, включая отслеживание устремлений зарубежных и внутренних экстремистских, крайне националистических и террористических организаций.

В завершение доклада Д.Д. Невирко сформулировал ряд частных рекомендаций органам государственной власти Красноярского края, территориальным подразделениям федеральных органов исполнительной власти в Красноярском крае, территориальным подразделениям Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ в Красноярском крае, Министерству образования и науки Красноярского края, высшим учебным заведениям, средним специальным образовательным учреждениям, средним общеобразовательным учреждениям.

Проблеме противодействия молодежному экстремизму и терроризму в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. было посвящено выступление О.В. Коноваловой, профессора кафедры социально-экономических наук и информатики Сибирского юридического института МВД России, доктора исторических наук, доцента.

Этические аспекты в исследовании проблем терроризма были рассмотрены в докладе Е.Н. Викторук, заведующей кафедрой философии Сибирского государственного технологического университета, доктора философских наук, профессора. Анализируя модель рефлексизирующего субъекта, разработанную В.А. Лефевром, докладчик отметила, что, опираясь на «математическую честность» выводов В.А. Лефевра, можно рассмотреть тайные механизмы «души террориста». Чтобы сделать такие выводы из формул, надо глубоко доверять не фактам, а самим формулам, поскольку этический аспект проблемы терроризма достаточно сложен и противоречив, ведь террорист – «злодей» для одной стороны и «герой» для другой.

Необходимо ясное понимание существования в мире двух различных этических систем. Это необходимо политику, принимающему решения, для правильного прогноза реакции общества с другой этической системой на его позицию и его действия. В.А. Лефевр объясняет и доказывает, что «зеркальная модель» видения «Другого» таким же, как «Я», приводит к серьезным ошибкам при принятии стратегических решений.

Социальный аспект предупреждения распространения идей терроризма и экстремизма был отражен в докладах В.Е. Шинкевича, начальника организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России, доктора социологических наук, доцента, «Экстремизм как отражение эмоциональной неустойчивости и нереализованных ожиданий в условиях современного общества» и Н.Н. Нагорного, старшего преподавателя кафедры философии Сибирского юридического института МВД России, кандидата философских наук, «О социальном аспекте противодействия распространению идей терроризма и экстремизма в молодежной среде».

Экстремизм во всех его проявлениях может получить достаточно массовую базу для вербовки многочисленных сторонников в условиях идеологической дезинтеграции, потери значительной частью населения идеологических ориентиров, формирования на этой основе социальной отчужденности.

Эмоциональность, легковерность и психологическая неустойчивость молодых людей умело используются политическими элитами в борьбе за власть. Наиболее ярко это проявляется в период социальных катаклизмов. Основными причинами этого выступают: наличие традиционных межэтнических противоречий, слабо проявляющихся, когда многонациональное государство находится в стабильном состоянии, и резко обостряющихся в условиях кризиса, что очень отчетливо наблюдалось в период распада Советского Союза; социальные и экономические потрясения,

вызываемые постоянной реформистской деятельностью, осуществляемой органами государственной власти и порождающей нестабильность гражданского общества; кризис института семьи и семейного воспитания; кризис системы образования; коммерциализация средств массовой информации и художественной литературы, приводящая к подмене нравственных и культурных ценностей.

Опытот предупреждения распространения идей молодежного терроризма и экстремизма в ЗАТО г. Зеленогорске с участниками семинара поделился А.В.Тимошенко, глава закрытого административно-территориального образования г. Зеленогорска.

Один из основных вопросов доклада был посвящен формированию у учащихся навыков антитеррористической защиты (опыт работы в МОУ «Гимназия №164»).

Докладчик отметил, что зональной рабочей группой антитеррористической комиссии Красноярского края по ЗАТО г. Зеленогорску опыт антитеррористического обучения старшеклассников «Школы личной и коллективной безопасности» МОУ «Гимназия №164» одобрен и руководителям общеобразовательных учреждений рекомендовано проведение занятий по антитеррористическому обучению учащихся старших классов, студентов.

Еще одним важным направлением деятельности по предупреждению распространения идей терроризма и экстремизма в ЗАТО г. Зеленогорске является работа спортивно-технического центра «Витязь».

А.В.Тимошенко подчеркнул, что СТЦ «Витязь» стал визитной карточкой города, признан лучшим патриотическим объединением Красноярского края (2008–2009 гг.). Такое общественное признание СТЦ «Витязь» получил вполне заслуженно. За 10 лет существования зеленогорских «витязей» хорошо узнали не только в Красноярском крае, но и в России.

СТЦ «Витязь» предоставил возможность семьям, имеющим школьников, и особенно воспитывающихся в неполных семьях, привлечь детей к занятиям в военно-пат-

риотических объединениях. Поэтому на первый план выступают задачи формирования у воспитанников понятий «Родина», «патриот», «защитник Отечества», «российские Вооруженные Силы», воспитания любви к Родине и уважения к людям, которые ее защищали и защищают. Именно в этом заключается миссия данного учреждения.

В филиале государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф.Решетнева» в г. Зеленогорске со студентами также проводится работа, направленная на укрепление духовного, морального, культурного единства. В лекционные курсы по социально-гуманитарным, естественно-научным дисциплинам включены различные виды занятий и заданий, раскрывающие социальные и политические проблемы, особенности развития современного общества. Во внеучебное время студенты привлекаются к посещению выставок, концертов, к участию в общероссийской акции «Весенняя неделя добра», акциях милосердия. Для студентов организуются встречи с поэтами, интересными людьми города.

В работе, направленной на достижение межэтнического и межрелигиозного согласия и толерантности, коллектив преподавателей, кураторов, ответственных за работу по воспитанию студентов, ставит перед собой задачу поддержания в студенческой среде критического отношения к проявлениям шовинизма и национального эгоизма, овладения знаниями социальной психологии для восприятия особенностей культуры и быта представителей других национальностей посредством лекций, бесед, дискуссий, семинаров.

Положительный опыт ЗАТО г. Зеленогорска по предупреждению распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде вызвал большой интерес у участников семинара.

Роль администрации губернатора Красноярского края и администрации г. Красноярска отражена в докладах Р.Д.Цокаева, консультанта Управления обществен-

ных связей губернатора Красноярского края, «Профилактика молодежного экстремизма в национальной среде Красноярского края» и Д.А. Антонова, заместителя руководителя Департамента социальной политики администрации г. Красноярска, кандидата философских наук, «Роль социальной политики муниципалитета в профилактике распространения деструктивных идей».

В Красноярском крае постоянно проживают представители 137 национальностей, осуществляют деятельность 291 религиозная организация, доминирующей из которых является Русская православная церковь, отметила в докладе, посвященном анализу состояния и обзору мер по предупреждению экстремистских проявлений на территории Красноярского края, заместитель начальника оперативно-розыскной части уголовного розыска №2 ГУВД по Красноярскому краю С.А. Есина.

С целью отслеживания межнациональной и межконфессиональной ситуации на территории края сотрудниками Центра «Э» ГУВД по Красноярскому краю регулярно проводятся встречи с представителями религиозных организаций.

Сотрудниками криминальной милиции ГУВД по краю и органами внутренних дел в 2010 г. проведены около 50 встреч с членами и руководителями национально-культурных и религиозных организаций. Кроме того, подразделениями ГУВД совместно с сотрудниками территориальных отделов УФС России по Красноярскому краю в феврале 2010 г. проведены 23 оперативно-профилактических мероприятия по выявлению нарушений миграционного законодательства гражданами, прибывающими на территорию края из стран ближнего и дальнего зарубежья. В результате проведенных мероприятий к административной ответственности привлечены 60 иностранных граждан, помещены в спецприемник – 7, подвергнуты выдворению – 15.

Тесное сотрудничество ГУВД по Красноярскому краю, органов государственной власти Красноярского края с главами конфессий, руководителями национально-куль-

турных автономий позволяет своевременно предупреждать межнациональные и межконфессиональные конфликты.

Можно отметить, что в целом усилия правоохранительных органов, органов местного самоуправления и других институтов власти в сфере противодействия экстремизму на территории края имеют положительный вектор, позволяют сохранять политическую, экономическую, этноконфессиональную и миграционную стабильность.

Наибольшую активность в первом квартале 2010 г. проявляли региональные отделения общественно-политических организаций и объединений: КПРФ – 17 публичных акций и «Другая Россия» – 4, ЛДПР и Красноярское региональное общество движения автомобилистов (КРОДА) провели по одной акции.

На постоянной основе осуществляется комплекс оперативно-профилактических мероприятий, направленных на выявление лиц, планирующих выезд в столичный регион для участия в противоправных протестных акциях. По состоянию на 1 апреля 2010 г. на сторожевом контроле по базам данных ПТК «Розыск-магистраль» Сибирского УВД на транспорте с пометкой «экстремизм» состояли 257 лидеров и активных членов радикальных общественно-политических объединений.

В целях противодействия распространению идей терроризма и экстремизма организовано, при взаимодействии с прокуратурой края, регулярное проведение проверок организаций, распространяющих печатные издания и предметы культовой атрибутики. Всего осуществлены свыше 40 проверок книжных магазинов и типографий, в результате которых изъяты и направлены в г. Санкт-Петербург для проведения лингвистического исследования 2 книжных издания, задокументированы 2 факта реализации литературы экстремистского содержания. Материалы проверок направлены в прокуратуру.

В рамках поставленных задач организовано взаимодействие с наиболее крупным провайдером – ЗАО «Интертакс», в постоянном режиме осуществляется мони-

торинг Интернета и средств массовой информации в целях профилактики и пресечения распространения публикаций и материалов экстремистского характера.

В результате проведенных оперативно-технических мероприятий у пользователей локальных сетей в течение 2009 г. и 3 месяцев 2010 г. выявлены 91 электронный файл интересующей категории, в настоящее время доступ к ним ограничен.

С целью оценки изъятых материалов на предмет наличия в них признаков проявления экстремизма отлажено взаимодействие с ЭКЦ при ГУВД по Красноярскому краю, практикуется проведение исследований в данной области с привлечением специалистов Сибирского федерального университета и Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева.

Несмотря на успехи, отмеченные в деятельности по предупреждению распространения молодежного экстремизма, имеются и еще не решенные задачи. Так, остается неурегулированным вопрос контроля и привлечения к ответственности лиц и организаций за размещение экстремистских материалов на сайтах в Интернете. Согласно ст. 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» запрещается использование сетей общего пользования для осуществления экстремистской деятельности, однако Интернет в законодательном порядке к средствам массовой информации не отнесен.

Не проработан вопрос о возможности идентификации содержания публикаций, изданий, информационных файлов и т.д., внесенных в федеральный список экстремистских материалов, что дает возможность их распространения под другими наименованиями и порождает юридические казусы при решении вопросов о привлечении виновных к установленной законом ответственности.

Работа, проводимая в данном направлении, постоянно контролируется руководством ГУВД по Красноярскому краю.

Юридический аспект предупреждения распространения идей терроризма и экстремизма в молодежной среде был рассмотрен в докладах В.И.Эфтора, старшего прокурора отдела прокуратуры Красноярского края по надзору за соблюдением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях, «Профилактика преступлений террористической и экстремистской направленности в молодежной среде средствами прокурорского надзора» и Е.Ю.Чумаровой, доцента кафедры административного права и управления в ОВД Сибирского юридического института МВД России, кандидата юридических наук, доцента, «Административно-правовые средства противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в молодежной среде».

Е.Ю.Чумарова отметила, что в Российской Федерации действуют более 300 разрозненных, порой противоречивых по идеологическим позициям молодежных экстремистских организаций со строгой дисциплиной и иерархией.

Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, описанная в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», к сожалению, мало способствует борьбе с деликвентным поведением подростков вследствие отсутствия законодательно закрепленного механизма организации взаимодействия между различными субъектами профилактики, что существенно затрудняет их совместную деятельность и противоречит системному характеру их объединения.

Кроме того, по мнению докладчика, подобная система должна опираться на принцип непрерывности профилактического процесса. Это подразумевает, что к числу объектов профилактики следует относить тех, кто сам нарушает нормы права, и тех, кто создает угрозу или условия их нарушения. Только в этом случае данная система будет способна обеспечить учет всех возможных профилактических состояний объекта. К числу субъектов, осущес-

ствляющих профилактическую деятельность, помимо органов, предусмотренных Федеральным законом от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», должны относиться также и учреждения, осуществляющие уголовно-правовую и уголовно-исполнительную профилактику.

Докладчик отметила, что на федеральном уровне провозглашено существование еще одной «профилактической системы» – общегосударственной системы противодействия терроризму, которая, в отличие от упомянутой системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, призвана решать более глобальные задачи.

Е.Ю.Чумарова предложила формулировку данной дефиниции, отличную от определения, приведенного в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной 5 октября 2009 г. По ее мнению, общегосударственная система противодействия терроризму представляет собой совокупность государственных органов и иных субъектов, которые в рамках полномочий, установленных законами и изданными на их основе нормативными правовыми актами, противопоставят террористическим угрозам: разрабатывают и реализуют комплекс мер по профилактике терроризма, выявлению и пресечению террористической деятельности, раскрытию и расследованию преступлений террористической направленности, привлечению виновных лиц к юридической ответственности, а также минимизации и ликвидации возможных последствий террористических актов.

Анализируя сформированную общегосударственную систему противодействия распространению идей терроризма и экстремизма, докладчик отметила ее недостаточную проработанность и необходимость дальнейшей оптимизации. На федеральном уровне должна быть разработана Концепция противодействия распространению идей терроризма и экстремизма, в которой особое внимание следует уделить профилактике данного негативного явления именно в молодежной среде.

Уголовно-правовые средства противодействия распространению идей терроризма и экстремизма в молодежной среде были подробно рассмотрены в докладе С.А.Ступиной, доцента кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, кандидата юридических наук, доцента.

Докладчик подчеркнула, что идеология экстремизма и терроризма в первую очередь проявляется в следующих преступлениях, предусмотренных соответствующими уголовно-правовыми нормами:

- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ);
- заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ);
- организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ);
- организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ);
- организация объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ).

Рассматриваемые общественно опасные посягательства, по мнению докладчика, условно могут быть названы преступлениями информационно-идеологического экстремизма и терроризма. Суть этих преступлений – в информационном воздействии на адресата. В рамках анализируемой группы преступлений идеология экстремизма и терроризма формализуется в информационном воздействии на субъектов правоотношений. Именно поэтому рассматриваемые преступления по законодательной конструкции относятся к разряду формальных, за пределами которых остаются конкретные общественно опасные последствия, не поддающиеся материальной уголовно-правовой оценке.

Сложности борьбы с распространением идей экстремизма и терроризма в

молодежной среде связаны, в частности, с недостатками законодательства.

Так, возникают сложности при квалификации в тех случаях, когда деятельность общественного или религиозного объединения сопряжена с совершением преступления экстремистской направленности.

Есть аналогичные проблемные моменты и в отношении нормы о террористической организации, которая в сопоставлении с другими положениями уголовного закона в состоянии породить правоприменительную коллизию.

Кроме того, общественная опасность идеологии экстремизма и терроризма проявляется и в тех фактических деяниях, которые до сих пор не получили юридическую оценку и, следовательно, нормативное закрепление в уголовном законодательстве.

Без комплексного подхода, отметила С.А.Ступина в завершение доклада, любой закон, пусть даже самый совершенный, не принесет желаемой отдачи. Значит, для противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде в дополнение к законодательству, создающему необходимую базу для этого противодействия, необходимо совершенствовать уголовное законодательство, а также нужны продуманный уголовно-процессуальный механизм его применения, научная организация оперативно-розыскной деятельности, высокий профессионализм людей, занимающихся этой работой.

Особенностям уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности был посвящен доклад Е.А.Димитровой, старшего преподавателя кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, кандидата юридических наук, доцента.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности докладчик охарактеризовала как одно из самых распространенных явлений, направленных на проникновение в массы идей экстремизма и терроризма. УК РФ содержит две нормы, предусматривающие

ответственность за подобного рода деятельность: ст. 205.2 (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма) и ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности).

Вместе с тем это достаточно распространенное явление весьма редко находит отражение в возбужденных уголовных делах, так как имеются ряд серьезных недостатков в конструкции составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 502.2 и 280 УК РФ. В ходе выступления Е.А.Димитрова привела ряд конкретных противоречий, иллюстрирующих данную проблему, и наметила пути их решения.

Отдельные положительные примеры зарубежного опыта в вопросах противодействия распространению идей экстремизма в молодежной среде были рассмотрены в докладе Р.С.Савенкова, адъюнкта факультета подготовки научно-педагогических кадров Сибирского юридического института МВД России.

Проведенный анализ деятельности органов государственной власти некоторых зарубежных государств позволил докладчику сделать вывод о том, что для успешного решения проблемы неформальных экстремистских объединений молодежи в России необходимы дальнейшие теоретические и практические исследования, которые надо осуществлять систематически в рамках цельной государственной программы при отслеживании динамики ситуации. Зарубежный опыт может быть заимствован при разработке программ и методов работы в данном направлении в нашей стране. Конечно, имеется в виду не прямой перенос, а использование соответствующих наработок с учетом специфики социально-экономической, политической и социокультурной ситуации в современной России.

Анализу общих и специально-криминологических мер предупреждения молодежного экстремизма и терроризма был посвящен доклад П.В.Тепляшина, докторанта факультета по подготовке научно-пе-

дагогических кадров Сибирского юридического института МВД России, кандидата юридических наук, доцента.

По мнению докладчика, в рамках общесоциальной криминологической профилактики молодежного терроризма и экстремизма:

1) правоохранительным органам необходимо осуществлять разъяснительно-пропагандистскую работу среди населения по поводу спекулятивного характера ссылок террористов и экстремистских объединений на их религиозное оправдание;

2) государство должно пресекать деятельность нетрадиционных деструктивных религиозных сект и объединений, а также

3) обеспечить возможность конструктивного взаимодействия различных религиозных конфессий, направленного на достижение межэтнического и межрелигиозного согласия и толерантности.

Докладчик считает, что на общесоциальном уровне правоохранительными органами должны приниматься следующие меры:

1) усиление пропагандистской работы среди населения, разъяснение сути анти-террористических идей, совершенствование форм и методов антиэкстремистской пропаганды;

2) способствование активному поддержанию деятелями культуры традиций миротворчества и народной дипломатии, обычаев и традиций мирососедства и взаимопонимания, принятие деятельного участия в урегулировании и предотвращении социальных, межэтнических, меж- и внутриконфессиональных конфликтов в регионах.

Специально-криминологические меры противодействия идеологии молодежного терроризма и экстремизма должны строиться на концепции «коллективной оборонительной безопасности», суть которой сводится, с одной стороны, к первоочередной защите от источника угрозы, а лишь затем к воздействию на сам источник, с другой – к преодолению рассогласованности между правоохранительными, государственными и общественными интересами. Правоохранительные органы в сис-

те мер предупреждения идеологии молодежного терроризма и экстремизма должны выступать субъектами социального обслуживания населения.

Особое внимание, по мнению докладчика, следует обратить на взаимодействие правоохранительных органов со средствами массовой информации. Так, правоохранительные органы не заинтересованы информировать СМИ в полном объеме о всех криминальных происшествиях и их содержании. Соответственно, СМИ нередко искажают конкретные факты, занимаются «додумыванием» относительно криминальных случаев, в результате страдает достоверность транслируемого и публикуемого материала. Нередко вред в подобных случаях причиняется общественной безопасности, поскольку, с одной стороны, состояние защищенности гражданина «подмывается» слухами и сплетнями, с другой – теряется бдительность и ориентиры на безопасные условия существования. При этом следует иметь в виду, что использование средств массовой информации выступает квалифицирующим признаком таких преступлений, как публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности или публичное оправдание терроризма.

Психологический аспект проблемы противодействия молодежному экстремизму был рассмотрен в докладах В.С. Нургалева, заведующего кафедрой психологии профессиональной деятельности и педагогики Сибирского государственного технологического университета, доктора психологических наук, профессора, и А.С. Сергиенко, старшего научного сотрудника организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России, кандидата психологических наук.

В.С. Нургалев сформулировал основные принципы построения безопасного психологического пространства личности: обеспечение синхронности в становлении внешнего и внутреннего пространств жизнедеятельности личности, обеспечение понимания человеком единства мира во всем его многообразии; обеспечение

своевременного перехода от прямой связи к обратной в становлении психологического пространства личности. Докладчик предложил рассматривать построение безопасного психологического пространства личности как один из факторов формирования исследуемого поведения личности. Также он обратил внимание на очевидность проблемы, связанной с тем, что в процессе социализации личности необходимо обеспечить формирование не столько соответствующего поведения личности, сколько ее культуры как поведенческого концепта (основы), который обеспечивает жесткие рамки нормы реакции личности на распространение идей терроризма и экстремизма.

В продолжение затронутой проблемы А.С.Сергиенко отметил, что в контексте построения системы формирования психологического неприятия молодежью идей терроризма и экстремизма целесообразно адаптировать психолого-педагогический аспект такой деятельности под особенности учебного процесса школ, вузов, средних специальных образовательных учреждений. Соответственно, педагогический процесс следует понимать как целостный процесс формирования социально значимых личностных доминант путем обеспечения единства обучения и воспитания.

Личностная активность разворачивается в трех сферах: эмотивно-аксиологичес-

кой, когнитивной и поведенческой. Экстремистский тип личности со специфическим мироощущением порождает экстремистское мышление, которое, в свою очередь, формирует конкретные модели поведения.

Одновременный учет формирования индивидуально-личностных качеств в перечисленных сферах деятельности позволит разработать всесторонний комплекс мер противодействия распространению идей экстремизма, направленный на воспитание толерантности молодежи. Под целью воспитания толерантности докладчик предложил понимать формирование в подрастающем поколении потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей мышления и поведения.

Выступления завершились дискуссией, были приняты рекомендации семинара.

В заключение можно отметить, что семинар показал глубину и сложность проблемы распространения идей молодежного терроризма и экстремизма. Залог успеха в противодействии таким негативным процессам, по мнению участников форума, заключается прежде всего в консолидации всех сил современного общества.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 351.746.2

Владимир Александрович ЧЕРКОВ,
заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности Луганского
государственного университета внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко, МВД Украины,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМНОМ ВЛИЯНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

TO THE ISSUE OF INTERRELATIONSHIP AND MUTUAL INFLUENCE OF OPERATIVE-DETECTIVE AND CRIMINAL-PROCEDURAL LEGAL RELATIONSHIP

В статье рассматривается вопрос функционирования, взаимосвязи и взаимного влияния уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных правоотношений. Исследуются сущность и особенности возникновения, развития и прекращения таких правоотношений в процессе осуществления уголовного судопроизводства.

The article is devoted to the issue of functioning, interrelationship and mutual influence of criminal legal, criminal-procedural and operative-detective legal relationships. The author studies the essence, development and suspension of such legal relationships in the process of criminal proceeding.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, правоотношения, взаимосвязь.

Keywords: operative-detective activity, criminal-procedural activity, legal relationship, interrelationship.

В оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) применение норм уголовного закона происходит при оценке первичной информации (сигнала) о готовящемся или совершенном преступлении, то есть еще до принятия решения о заведении оперативно-розыскного дела.

При заведении оперативно-розыскного дела вся работа по нему, а именно проведение полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), направлена на документирование преступной деятельности конкретного лица (группы), на получение оперативной информации,

которая в установленном уголовно-процессуальным законом порядке может быть использована в качестве доказательства в уголовном деле.

Как правило, уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные правоотношения прекращают существование после вступления в законную силу приговора суда, в котором решается вопрос о виновности либо невиновности лица. Истечение развития уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных отношений, приводящее к их прекращению в связи со вступлением в законную силу обвинительного приговора, создает юридический факт для реализации установленных уголовно-правовых отношений. Однако этот факт, в свою очередь, не исключает вновь возникновения как оперативно-розыскных, так и уголовно-процессуальных отношений и после вступления приговора суда в законную силу. Например, оперативно-розыскных – при уклонении осужденного от отбывтия уголовного наказания и, соответственно, возникновения необходимости розыска данного лица (п. 1 ч. 1 ст. 6 Закона Украины об ОРД); уголовно-процессуальных – в связи с пересмотром приговора суда в порядке апелляционного, кассационного либо исключительного производства.

Оперативно-розыскные отношения при реализации норм уголовного права могут прекратить существование после закрытия оперативно-розыскного дела, например со вступлением в законную силу приговора суда, постановления или определения суда (п. 2 ст. 9 Закона Украины об ОРД). В этом случае их прекращение совпадает с прекращением и уголовно-процессуальных отношений. Однако оперативно-розыскные отношения могут существовать и после прекращения уголовно-процессуальных отношений, например в случае выявления лицом факта проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий после прекращения производства по уголовному делу или вступления в законную силу приговора суда (после прекращения уголовно-процессуальных правоотношений).

Такое лицо имеет право не только обжаловать эти действия в административном, судебном порядке или обратиться с жалобой к прокурору, но и в установленном порядке получить от органов, на которые возложена функция осуществления ОРД, письменные объяснения по факту ограничения его конституционных прав и свобод (ч. 9 ст. 9 Закона Украины об ОРД). Правам этого лица корреспондируют соответствующие обязанности органов, которые осуществляют ОРД, а также их должностных лиц.

Таким образом, оперативно-розыскные правоотношения по поводу реализации уголовно-правовых отношений возникают не только между государственными органами и их должностными лицами во время осуществления ОРД, но и между ними и лицами, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия (объектами оперативно-розыскных дел или лицами, которые проверяются), между государственными органами, их должностными лицами и лицами, которые привлекаются к ОРД на негласной (конфиденциальной) основе. Большинство вопросов оперативно-розыскных отношений регулируются на ведомственном уровне приказами, указаниями, инструкциями, положениями и другими нормативными актами. При этом в последнее время наблюдается тенденция перехода правового регулирования ОРД от подзаконного уровня на уровень закона, в который вносятся изменения и дополнения, а также предлагаются его новые проекты с учетом развития теории и практики ОРД.

Совершение преступления не всегда вызывает возникновение как оперативно-розыскных, так и уголовно-процессуальных отношений, поскольку не обо всех преступлениях становится известно субъектам оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных отношений – компетентным государственным органам и их должностным лицам.

Ошибочные сообщения (заявления) о преступлении обуславливают возникновение оперативно-розыскных и уголовно-

процессуальных отношений при фактическом отсутствии уголовно-правовых отношений. Орган дознания (в том числе и оперативные сотрудники), следователь, прокурор или суд (судья) узнают о факте подготовки или совершения преступления, как правило, через материально зафиксированный или вербальный источники информации. Взаимосвязь между якобы существующим фактом преступления и основаниями для начала ОРД или уголовного процесса имеет субъективный характер, который не исключает отклонений между объективно существующими уголовно-правовыми отношениями и их отображением в соответствующих оперативно-розыскных и процессуальных актах правоохранительных органов.

Заведение оперативно-розыскного дела или возбуждение уголовного дела свидетельствуют лишь о возможности существования уголовно-правовых отношений. Свидетельство их наличия или отсутствия подлежит дальнейшей оперативно-розыскной проверке (разработке) или дальнейшему обоснованию в процессе доказывания в уголовном деле. Сам факт предположения о совершении преступления влияет на направление развития как оперативно-розыскных, так и уголовно-процессуальных отношений. Предыдущая уголовно-правовая оценка исследуемого обстоятельства на ранних этапах правового познания имеет организующее, устремляющее значение и руководит процессом оперативно-розыскного документирования и собирания доказательств. Поэтому начало оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности не только устанавливает или изменяет правоотношения, но и оказывает непосредственное влияние на направление и процесс их констатации. Особенностью уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных правоотношений является то, что они «запрограммированы» нормой уголовного закона. Оперативно-розыскная информация и фактические данные о преступлении, которое подготавливается или совершено, на начальном этапе функционирования оперативно-ро-

зыскных и уголовно-процессуальных отношений определяют их динамику и направление. При исследовании обстоятельств совершения преступления их оценивают в соответствии с нормами уголовного закона. Теоретическая конструкция взаимосвязи уголовно-правовых, оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений нашла отображение в уголовно-процессуальном законодательстве. В ст. 4 УПК Украины содержится императивная норма, которая обязывает суд, прокурора, следователя и орган дознания в пределах своей компетенции при наличии признаков преступления в каждом случае возбудить уголовное дело, а также осуществить все предусмотренные законом меры по установлению события преступления, выявлению и наказанию лиц, виновных в его совершении, что является одним из основополагающих принципов уголовного процесса. Кроме того, в ст. 1 Закона Украины об ОРД указано, что задачами ОРД являются поиск и фиксация фактических данных о противоправной деятельности отдельных лиц и групп, разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств в интересах уголовного судопроизводства.

Основаниями для проведения ОРД, закрепленными п. 1 ч. 1 ст. 6 Закона Украины об ОРД, являются наличие достаточной информации, полученной в установленном законом порядке, требующей проверки с помощью оперативно-розыскных мероприятий и средств:

- о преступлениях, которые подготавливаются или совершены неустановленными лицами;
- о лицах, которые готовят или совершили преступление;
- о лицах, скрывающихся от органов расследования, суда или уклоняющихся от отбытия уголовного наказания;
- о лицах, безвестно отсутствующих;
- о разведывательно-подрывной деятельности спецслужб иностранных государств, организаций и отдельных лиц против Украины;

– о реальной угрозе жизни, здоровью, жилищу, имуществу работников суда и правоохранительных органов в связи с их служебной деятельностью, а также лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве, членов их семей и близких родственников с целью создания необходимых условий для надлежащего осуществления правосудия, сотрудников разведывательных органов Украины в связи со служебной деятельностью этих лиц, их близких родственников, а также лиц, которые конфиденциально сотрудничают или сотрудничали с разведывательными органами Украины, членов их семей с целью надлежащего осуществления разведывательной деятельности.

В связи с этим деятельность компетентных органов по установлению оснований для возбуждения уголовного дела регулируется уже нормами уголовно-процессуального права. Однако эту мысль разделяют не все авторы, считая, что уголовное судопроизводство (процессуальные отношения) начинается с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела, а предыдущая деятельность не является процессуальной,¹ при этом не учитывая, что отдельные следственные действия, такие как осмотр места происшествия, снятие информации с каналов связи, наложение ареста на корреспонденцию, могут быть проведены до возбуждения уголовного дела.

Оперативно-розыскные отношения имеют динамичный характер. Они развиваются поэтапно, изменяя свое содержание, тем самым приближаясь к объективно существующим материально-правовым отношениям. Накопление большого массива знаний об обстоятельствах совершения преступления находит отражение в оперативно-розыскных решениях. Оперативно-розыскные правоотношения, выполняя служебную роль по отношению к нормам уголовного права, обеспечивают их применение (а в конечном счете и эффективность применения этих норм).

Если через нормы уголовно-процессуального права полностью реализуются уголовно-правовые отношения, то через оперативно-розыскные отношения такая реализация полностью осуществиться не может, поскольку ОРД хотя и обладает определенной самостоятельностью, но при реализации уголовно-правовых отношений она имеет вспомогательный характер по отношению к уголовному процессу.

Оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные правоотношения также тесно связаны между собой.² Это прежде всего проявляется в процессуальных и непроцессуальных формах взаимодействия органов следствия и дознания (в частности, подразделений, которые осуществляют ОРД)³ при использовании материалов ОРД в уголовном процессе, в осуществлении прокурорского надзора и судебного контроля за ОРД.⁴

Таким образом, на наш взгляд, несмотря на то что уголовный процесс и ОРД являются самостоятельными видами государственно-правовой деятельности, однако, исходя из общих задач противодействия преступности (ст. 2 УПК Украины и ст. 1 Закона Украины об ОРД), правоотношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в каждом из этих видов деятельности, могут существенным образом влиять одни на другие, служить основанием возникновения, дальнейшего развития и прекращения друг друга. Последние изменения и дополнения, внесенные в УПК Украины и законодательство об ОРД, значительно расширили границы взаимосвязи уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных правоотношений, вместе с этим они же поставили и многие вопросы, которые нуждаются в научной разработке и законодательном урегулировании.

1 Стрёмовский В.А. Актуальные проблемы организации предварительного следствия в СССР. Краснодар, 1978. С.9.

2 Демидов И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс // Законность. 1993. №8. С.33–36; Зажицкий В. И. Связь оперативно-

розыскной деятельности и уголовного процесса
// Государство и право. 1995. №6. С.57-67.

3 Погорецький М.А. Межі доручень слідчого
органу дізнання про проведення оперативно-роз-
шукових заходів // Право України. 2000.
№ 9. С. 47-49; Его же. Проблеми взаємодії органів
дізнання і досудового слідства // Вісник Одесько-
го інституту внутрішніх справ. 2002. №2.
С.85-92.

4 Погорецький М.А. Прокурорський нагляд за
оперативно-розшуковою діяльністю // Вісник
Університету внутрішніх справ. 2000. №10. С.117-
125; Его же. Судовий контроль і прокурорський
нагляд за використанням протоколів оперативно-
розшукових заходів як доказів у кримінальному про-
цесі // Вісник Верховного Суду України. 2003.
№2. С.32-38.

УДК 343

Ерлан Заманбекович ТУРГУМБАЕВ,
начальник Департамента внутренних дел
г.Алматы (Республика Казахстан),
кандидат юридических наук

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

SITUATION OF CORRUPTION CRIMES COMMISSION IN THE SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT BODIES

В статье описана обстановка совершения коррупционных преступлений, являющаяся одним из основных элементов криминалистической характеристики преступлений. Рассмотрены такие элементы обстановки совершения коррупционных преступлений, как место, время, а также существующие на момент совершения преступления обстоятельства, связанные с характеристикой среды, в которой выполняют свои служебные обязанности сотрудники правоохранительных органов.

The situation of corruption crimes commission being one of basic elements of criminalistics characteristics of crimes is described in the article. The author considers such elements of situation of corruption crimes commission as place, time, and also the circumstances existing at the moment of commission of crime connected with the characteristic of environment in which law enforcement officers carry out their official duties.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, коррумпированные связи, обстановка совершения преступления.

Keywords: corruption, corruption crime, corruption ties, situation of crime commission.

Под обстановкой совершения преступления в криминалистическом аспекте понимается «система различного рода взаимодействующих между собой до и после совершения преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления»¹.

Анализ судебно-следственной практики показывает следующее. Коррупционные преступления чаще совершаются в крупных городах, нежели в сельской местно-

сти. На указанные обстоятельства оказывает влияние экономическое положение населенного пункта, а также его административно-территориальное устройство. Так, 70% коррупционных преступлений были совершены в городах с численностью населения свыше 500 тысяч человек. В городах и поселках городского типа численностью населения до 500 тысяч человек совершены 25% рассматриваемых преступлений. В селах с численностью населения менее 50 тысяч коррупционные преступления совершались лишь в единичных случаях (5% от рассматриваемой категории уголовных дел).²

Данные факты можно объяснить различными обстоятельствами. Как правило,

в поселках городского типа и селах республики отсутствуют специальные подразделения по борьбе с коррупционной преступностью, что, безусловно, определяет высокую степень латентности рассматриваемой группы преступлений. Поэтому в сельской местности легче всего совершать коррупционные правонарушения, оставаясь вне досягаемости правоохранительных органов, специализирующихся на борьбе с коррупцией. Кроме того, специфика психологии и образа жизни сельских жителей, обусловленная низким уровнем правосознания, способствует редким фактам их обращения с заявлениями в соответствующие подразделения по борьбе с коррупцией о совершении коррупционных преступлений.

Большое значение в криминалистическом плане имеет установление предполагаемого места совершения коррупционного преступления. Поэтому в ходе проведения оперативной проверки сотрудники подразделений по борьбе с коррупционной преступностью должны изучить предполагаемое место совершения преступления. Желательно составить схему расположения кабинета потенциального взяткополучателя. В практике имели место ситуации, когда при задержании взяткополучателя оперативные сотрудники ошибались в месте получения взятки, что позволяло преступнику успешно скрыться с места совершения преступления. Как правило, ошибка в месте получения вознаграждения приводила к задержанию должностных лиц, не причастных к получению или передаче предмета взятки.

Выбор места совершения коррупционного правонарушения зависит от обстоятельств, связанных с маскировкой преступных действий, от направленности правоохранительной деятельности, вида коррупционного преступления, личности преступника. Нередко подбор места совершения коррупционного преступления связан с необходимостью исключения наблюдения за противоправными действиями со стороны оперативных подразделений правоохранительных органов. В таких случаях

местами для совершения коррупционных преступлений преступники выбирают различные парки, улицы, площади, где легче всего визуально выявить сотрудников правоохранительных органов и скрыться с места совершения преступления. Для быстрого удаления с места совершения преступления используется автотранспорт, который нередко выступает в качестве места получения вознаграждения. Следственной практике также знакомы ситуации, когда в качестве места совершения коррупционных преступлений выбираются безлюдные места с наличием тайников, специально приспособленных для получения вознаграждения безличным способом.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что такая категория преступников, как дознаватели, следователи, прокуроры, начальники органа дознания и следственных подразделений, в качестве места совершения коррупционного преступления практически всегда использовали служебный кабинет. Выбор в качестве места совершения преступления служебного кабинета обусловлен его изолированностью от постороннего восприятия (70% случаев от общего количества изученных уголовных дел). Как правило, совершение коррупционного преступления в кабинете не привлекает внимания посторонних. Получение вознаграждения в кабинете иногда сопровождается иными подготовительными действиями, направленными на создание идеальной обстановки совершения преступления. Например, нередко начальники органа дознания для безопасности коррупционной деятельности усиливают режим секретности в курируемом ведомстве с помощью установки жесткого пропускного режима, особенно в момент получения вознаграждения. Так, 60% управлений внутренних дел ДВД по республике оборудованы металлическими решетками и дверьми, иногда и видеокамерами наружного наблюдения, что позволяет оградить должностных лиц от задержания в процессе коррупционной деятельности, а также осуществить наблюдение за дей-

ствиями должностных лиц правоохранительного органа.

Практически во всех случаях совершения преступлений коррупционного характера преступники приспосабливаются к обстановке совершения преступления, создают удобные условия для сокрытия противоправной деятельности. Нередко служебный кабинет представляет собой идеальное место для коррупционной деятельности, поскольку позволяет в спокойной обстановке фальсифицировать собранные фактические данные или официальные документы, составить необходимые процессуальные документы, свидетельствующие об окончании коррупционной деятельности (вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении производства по уголовному делу). В иных случаях служебный кабинет является местом продолжения противоправной деятельности. Например, вознаграждение получается в другом месте, а в служебном кабинете происходят фальсификация доказательств и вынесение соответствующих процессуальных документов.

Поскольку оперативно-розыскная деятельность проводится в различных местах и регионах (в отличие от деятельности следователя, который проводит в служебном кабинете около 80% рабочего времени), места совершения преступлений коррупционного характера оперативные сотрудники выбирают самые разнообразные. Из них следует выделить место задержания преступника, место жительства родственников или знакомых задержанного. Нередко задержание преступника сопровождается выездом оперативных сотрудников на место проживания родственников или близких задержанного, где происходит вымогательство вознаграждения. В случае получения вознаграждения задержанный незаконно освобождается от уголовной либо административной ответственности. В противном случае задержанный доставляется в орган дознания для

решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Среда, в которой должностные лица осуществляют полномочия, имеет особенности. Систематические нарушения законности со стороны коллег по работе, в том числе и связанные с совершением коррупционных правонарушений, оказывают существенное влияние на формирование нравственной культуры должностного лица, прибывшего на государственную службу.³ Как правило, находясь в таком коллективе, он программируется на совершение должностных преступлений. Кроме того, интервьюирование сотрудников системы ОВД Республики Казахстан показывает, что молодые сотрудники в момент назначения на должность уже имеют коррупционные установки, что нередко обусловлено коррупцией в школах и высших учебных заведениях республики.

Описанная нами система различного рода взаимодействующих между собой до и после совершения преступления объектов, явлений и процессов во многом определяет выбор способа совершения преступления, а также влияет на его механизм. Здесь проявляются отдельные важные личностные черты преступника, формирующего (хотя бы частично) данную обстановку и приспособляющегося к ней. Криминалистические знания элементов обстановки совершения коррупционных преступлений позволяют оптимизировать следственную практику, правильно выбрать тактику проведения неотложных следственных действий, в том числе и задержания коррупционеров.

1 Новиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов : учебное пособие. М., 2005.

2 По данным материалов судебно-следственной практики правоохранительных органов Республики Казахстан.

3 Колесниченко Н.Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции : учебное пособие. М., 2001.

УДК 343

Руслан Муратханович АБДРАШЕВ,
преподаватель кафедры организации расследования
преступлений и уголовного процесса Академии МВД
Республики Казахстан, кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ВЫЯВЛЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

THE PROBLEMS OF FINANCIAL CONTROL IN REVEALING CORRUPTION CRIMES

В статье раскрываются проблемы, связанные с проведением финансового контроля как одного из основных методов выявления коррупционных преступлений, а также проведен краткий анализ антикоррупционного законодательства Республики Казахстан.

The problems connected with carrying out financial control as one of the basic methods in revealing corruption crimes as well as short analysis of the anticorruption legislation of the Republic of Kazakhstan are considered in the article.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, коррумпированные связи, финансовый контроль.

Keywords: corruption, corruption crime, corruption contacts, financial control.

Особая тревога руководства Республики Казахстан связана с современным состоянием борьбы с коррупционной преступностью, поскольку в коррупционной деятельности, как показывает практика, уличены чиновники правоохранительных органов достаточно высокого ранга, что, безусловно, вызвало большой резонанс в обществе.

На сегодняшний день деятельность по выявлению коррупционных правонарушений в системе правоохранительных органов Республики Казахстан включает следующие методы:

- эффективную систему прокурорских проверок, основанную на законодательно закрепленной процедуре организации таких проверок, предоставляющей органам прокуратуры широкие полномочия в сфере процессуального контроля для воздействия на лиц, ведущих ярко выраженную

коррупционную деятельность в системе правоохранительных органов;

- действенную систему финансового контроля должностных лиц, находящихся на государственной службе;

- систему оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление коррупционных преступлений;

- эффективную систему передачи информации (в том числе и анонимного характера) о фактах коррупции в правоохранительные органы;

- эффективную систему ведомственного контроля выявления коррупционных преступлений (в том числе службами собственной безопасности, кадровыми подразделениями).

Основой финансового контроля является учет должностных лиц, находящихся на государственной службе. В части 2 ст. 9 Закона Республики Казахстан указано, что лица, занимающие государствен-

ную должность, ежегодно в период выполнения полномочий, а также лица, уволенные с государственной службы по отрицательным мотивам, в течение трех лет после увольнения в порядке, установленном налоговым законодательством, представляют в налоговый орган по месту жительства декларацию. В части 3 ст. 9 указанного закона предусмотрено, что супруг (супруга) вышеуказанных лиц представляет в налоговый орган по месту жительства декларации о доходах и имуществе, являющихся объектом налогообложения и находящихся как на территории Республики Казахстан, так и за ее пределами.

Вместе с тем имеются и противники использования данного метода в выявлении коррупционных правонарушений. «Одним из аргументов, постоянно используемым противниками Закона "О борьбе с коррупцией", является утверждение, что предлагаемые в проекте Закона меры финансового контроля, требование декларирования доходов и имущества не только лицами, поступающими на государственную службу или на ней состоящими, но и их супругами, нарушают право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну»¹.

На наш взгляд, меры финансового контроля используются в борьбе с коррупцией во всех высокоразвитых демократических государствах. Кроме того, речь идет о таком явлении, как коррупция, которая имеет тяжкие последствия как для государства, так и для отдельных граждан.

К большому сожалению, на сегодняшний день отсутствует действенная система финансового контроля, поскольку недостаточно четко отработан механизм проверки имущественного положения и источников доходов должностных лиц, включая прокуроров, следователей и оперативных работников, а также судей. Как правило, имущество, добытое преступным путем, регистрируется на близких родственников, которыми являются родители, дети, братья или сестры и т.д. Естественно, при таких ситуациях выявить факты соверше-

ния коррупционного преступления должностным лицом практически невозможно.

Здесь хотелось бы остановиться и задаться вопросом: почему законодатель ограничил круг лиц, входящих в семью должного лица? Ограничение этого круга является если не пробелом, то своего рода лазейкой для коррупционеров. Коррупционеры свободно без всякого прикрытия покупают дорогостоящие автомобили, недвижимость, драгоценности.

Понятие семьи регламентировано Законом Республики Казахстан «О браке и семье», в ч. 3 ст. 1 которого под семьей понимается «круг лиц, связанных с имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений»².

Отраслевые юридические науки содержат идентичные понятия близких родственников. Так, согласно ч. 13 ст. 1 вышеуказанного закона под близкими родственниками понимаются «родители, дети, усыновители, усыновленные, полнородные и неполнородные братья и сестры, бабушка, бабушка, внуки». Аналогичное определение близких родственников содержится в ч. 24 ст. 7 УПК Республики Казахстан.

На наш взгляд, назрела необходимость закрепления в Законе «О борьбе с коррупцией» изменений, связанных с наделением близких родственников должностного лица обязанностью сдачи декларации о доходах. Предлагается законодательно закрепить необходимость проверки имущественного положения и источников доходов не только супруга, но и близких родственников: родителей, детей, усыновителей, усыновленных, полнородных и неполнородных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков. Указанные пробелы в действующем законодательстве дают возможность лицам, совершившим коррупционные преступления, успешно укрывать имущество, нажитое преступным путем.

В большинстве случаев незаконно полученное имущество подлежит оформлению

на родителей взяткополучателя, его братьев и сестер. Причем происхождение имущества, оформленного должностным лицом на близких родственников, установить не удастся в силу пробелов в действующем отечественном антикоррупционном законодательстве. Таким образом, механизм ухода коррупционера от уголовной ответственности довольно прост. Достаточно без всяких опасений оформить незаконно приобретенное имущество на близких родственников.

Целесообразно не заканчивать работу по выявлению признаков коррупционного преступления лица, нарушившего меры финансового контроля. Налоговым органам необходимо взаимодействовать с оперативными подразделениями правоохранительных органов. Их деятельность должна быть направлена на выявление источника приобретения денежных средств, с помощью которых было приобретено укрытое от учета имущество, на проверку их криминального происхождения.

В этом плане заслуживают внимания «изменения, внесенные в связи с принятием Федерального закона “О противодействии коррупции” в Закон об оперативно-розыскной деятельности. Теперь в целях проверки достоверности представляемых чиновниками сведений об имуществе и доходах их самих и близких родственников, а также установления имущества, подлежащего конфискации, разрешается проведение оперативно-розыскных мероприятий»³.

Для реализации мер финансового контроля необходимо предусмотреть в ст. 9 Закона Республики Казахстан ч. 12, изложив ее в следующей редакции:

«– Представление недостоверных деклараций и сведений, перечисленных в настоящей статье, лицами, указанными в

пунктах 1 и 2 настоящей статьи (за исключением лиц, уволенных с государственной службы по отрицательным мотивам), если в содеянном содержатся признаки уголовно наказуемого деяния, влечет за собой необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий соответствующими органами в порядке, предусмотренном Законом Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности»».

Соответственно, необходимо дополнить п. «б» ч. 1 ст. 10 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» положением следующего содержания:

«1. Основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются:

б) поступившая в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, информация:

– о лицах, представивших в налоговый орган недостоверную декларацию и сведения, перечисленные в Законе «О борьбе с коррупцией», если в их действиях содержатся признаки уголовно наказуемого деяния».

На наш взгляд, указанные изменения повысят результативность выявления коррупционных правонарушений в системе правоохранительных органов.

1 Криминология : учебник / под ред. проф. В.Н.Бурлакова, проф. Н.М.Кропачева. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос.ун-та, 2005.

2 О браке и семье : Закон Республики Казахстан от 17 декабря 1998 г. №321; Международные конвенции, регулирующие брачно-семейные вопросы. Алматы: «Данекер», 2000.

3 Бакун В., Савинский А. О межотраслевой методике пресечения коррупционных преступлений // Законность. 2009. №7 (897).

УДК 159.9:34

Иван Алексеевич КИБАК,
доцент кафедры психологии и педагогики Академии
МВД Республики Беларусь (г. Минск), кандидат
психологических наук, доцент

ДОМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДЕЗАДАПТАЦИЮ ЛИЧНОСТИ ДЕПУТАТА ПАРЛАМЕНТА

THE DOMINATING FACTORS DEFINING PERSONALITY DISADAPTATION OF THE DEPUTY OF PARLIAMENT

В статье рассматриваются доминирующие факторы, определяющие дезадаптацию личности депутата Парламента. Раскрываются три группы факторов, ведущих к возникновению дезадаптации личности депутата: обусловленные особой спецификой парламентской (законотворческой) деятельности; отражающие психологические особенности личности депутатов; социально-психологический характер личности депутата. Отмечаются факторы, относящиеся к внешней среде парламентской деятельности, а также факторы внутрисистемного взаимодействия. Предлагается работа по профилактике дезадаптации личности депутата, которая включает меры как психологического, так и организационно-управленческого, идеологического характера.

The dominating factors that define the personality disadaptation of the deputy of Parliament are examined in the article. There is a description of three groups of the factors that lead to personality disadaptation of the deputy. They include factors caused by the specific character of parliamentary (legislative) activity; factors that reflect psychological features of personality of the deputies and factors of social and psychological character of personality of the deputy. It is mentioned that there are factors that refer to the environment of parliamentary activity and there are also factors of intersystem interaction. The author proposes preventive measures against disadaptation of personality of the deputy which may include measures of psychological, ideological, organizational and administrative character.

Ключевые слова: дезадаптация, парламентская (законотворческая) деятельность, личность депутата, профилактика, факторы.

Keywords: disadaptation, parliamentary (legislative) activity, personality of the deputy, preventive measures, factors.

Дезадаптация личности депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – депутат) возникает в результате внутреннего диссонанса, заключающегося в потенциальном конфликте между внутренними «Я» и непосредственной парламентской (законотворческой) деятельностью. Специфика парламентской деятельности заключается в необходимости взаимодействия с субъектами права законодательной деятельности (далее – субъект права), участниками за-

конотворческого процесса и государственными органами, разрабатывающими законопроекты, избирателями и другими государственными лицами, что нередко содержит элементы отрицательного психологического воздействия. Несомненно, важное влияние оказывают явления, сопряженные с исполнением депутатских полномочий, – известность, почет, материальный и социальный статусы, которые воспринимаются избирателями как атрибуты личности, а не должности. Нельзя отрицать и

того, что определенные черты личности, оказавшиеся релевантными парламентской деятельности, могут получить в ее условиях чрезмерную выраженность, например стремление к достижению цели, уверенность в себе. Данный факт был замечен давно. Еще Платон писал: «Власть неизбежно делает его (тирана) завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестным. В чем коренятся причины таких трансформаций?»¹.

В.С.Нерсисянц, Е.А.Лукашова, Г.И.Муровцев отмечают, что «серьезной социальной проблемой становится состояние профессионального правосознания юристов (лиц, осуществляющих правотворческую деятельность, и других государственных лиц). В силу различных причин происходит разрушение их изначальных правовых взглядов, установок, чувств, убеждений, возникают новые псевдоправовые или неправовые конструкции, что отрицательно влияет на профессиональное поведение юристов»². При отсутствии у депутата достаточного уровня психологической и нравственной устойчивости, направленности часто наблюдается развитие его дезадаптации, которая негативно влияет на общение с субъектами права, коллегами-депутатами и в целом на эффективность законотворческой деятельности.

Можно выделить три группы факторов, ведущих к возникновению дезадаптации личности депутата. К первой группе факторов, обусловленных особой спецификой парламентской (законотворческой) деятельности, следует отнести:

детальную законотворческую регламентацию парламентской деятельности, что наряду с позитивным эффектом может приводить к излишней формализации деятельности, элементам бюрократизма;

наличие депутатских полномочий, что иногда проявляется в злоупотреблении ими в личных целях и необоснованном их использовании;

корпоративность парламентской деятельности, которая может быть причиной возникновения психологической изоляции депутата;

повышенную ответственность за результаты своей парламентской (законотворческой) деятельности;

эмоциональное напряжение, связанное с принятием важнейших для государства законопроектов, законодательных решений, нестабильным графиком работы, отсутствием достаточного времени для отдыха и восстановления затраченных сил;

экстремальность в законотворческой деятельности (необходимость принятия неординарных проектов законов, непредсказуемость развития событий в процессе обсуждения и принятия законопроектов, законодательных решений, а также запугивание со стороны заинтересованных лиц при принятии законопроекта, например, «О коррупции», «Об информационной безопасности» и др.);

необходимость в процессе выполнения депутатских полномочий вступать в контакт с разными категориями избирателей, что может приводить к элементам негативной субкультуры.

Ко второй группе факторов – отражающих психологические особенности личности депутатов, относятся:

неадекватный возможностям депутата уровень притязаний и завышенные амбиции;

избрание депутата в состав законодательного органа, что формирует у него завышенное, неадекватное представление о собственном статусе. Этой «звездной болезни», как правило, подвержены некоторые депутаты, впервые избранные в состав Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – Палата представителей);

недостаточная профессиональная и психологическая подготовленность депутата к законотворческой деятельности;

отсутствие парламентской дисциплины и слабая организованность самого законотворческого процесса (несоблюдение сроков прохождения законопроектов, заявленных в государственной программе; снятие их с обсуждения без достаточных оснований и, наоборот, внесение дополнительных законопроектов, не предусмотренных программой);

специфическая связь между некоторыми профессионально значимыми качествами депутата (например, решительность в сочетании с пониженным самоконтролем может развиться в чрезмерную самоуверенность);

осознание особой важности своей депутатской роли, собственной значимости, суетливость;

профессиональный парламентский опыт (два и более депутатских срока);

профессиональные установки (например, восприятие поведения, действий других депутатов как возможных оппонентов может привести к обвинительному уклону в парламентской деятельности, подозрительности, повышенной речевой активности);

некоторые психологические особенности личности, приводящие к проявлению агрессивности, конфликтов, неуважительного отношения и обращения с субъектами права, участниками законотворческого процесса, избирателями и др. Внутренний конфликт между депутатом как политиком и депутатом-законодателем, к сожалению, – явление типичное. В условиях стабильной работы представительной власти, налаженных и устоявшихся форм диалога с иными ветвями власти этот конфликт проявляется достаточно редко: чаще подобные проблемы возникали у представителей оппозиции во втором созыве Палаты представителей, которые рассматривали парламентскую трибуну в качестве площадки для публичных выступлений. Поскольку представители оппозиции находились в меньшинстве, рутинная законотворческая работа по общему правилу не представлялась для них приоритетной;

изменение либо снижение мотивации парламентской (законотворческой) деятельности (равнодушие, разочарование и потеря интереса к законотворческому процессу, депутатство используется как политический трамплин и др.).

К третьей группе факторов относится социально-психологический характер личности депутата:

неоднородный стиль управления Советом и руководства Палаты представителей;

влияние ближайшего социального окружения внепарламентской деятельности (например, коммерсанты, «лоббисты», друзья и др.);

низкая общественная оценка парламентской деятельности, ведущая депутата к безысходности в законотворческой деятельности, сомнениям в необходимости депутатского корпуса.

Таким образом, психолого-профессиональная дезадаптация личности депутата развивается под влиянием факторов, относящихся к внешней среде парламентской деятельности (общение с коммерсантами, бизнесменами, лоббирование их интересов и т.д.), а также факторов внутрисистемного взаимодействия – взаимоотношение с руководством Палаты представителей, коллегами-депутатами, совместное выполнение депутатских полномочий.

Проявления дезадаптации личности депутатов имеют место как во внешней среде законотворческой и внепарламентской деятельности, во взаимодействии с субъектами права, разработчиками законопроектов, участниками законотворческого процесса, избирателями, так и во внутрисистемном общении, в совместном выполнении депутатских полномочий с коллегами-депутатами, контактах с руководством Палаты представителей. С.В. Поленина отмечает, что «недостаточный учет законодателем глубинных процессов развития общества и экономики породил и такой дефект правотворчества, как казуистичность принимаемых законов, их нацеленность на решение сиюминутных задач»³.

Во внешней среде законотворческой деятельности можно рассмотреть следующие случаи проявления дезадаптации личности депутатов:

уверенность в собственной непогрешимости при принятии законопроектов, законодательных решений, чрезмерное самомнение и завышенная самооценка;

установка на «обвинительный уклон» по отношению к другим депутатам, чрезмерная подозрительность, неадекватная оценка других депутатов, их действий и поступков;

правовой нигилизм, проявляющийся в пренебрежительном отношении к разрабатываемым и обсуждаемым законопроектам, внесению предложений и замечаний в законопроекты, в игнорировании требований закона и произвольном толковании проекта закона и подзаконных нормативных правовых актов. Например, в ходе пленарных заседаний, особенно в первом чтении законопроекта, депутаты нередко вынуждены «закрывать глаза» на небрежности отдельных формулировок, поскольку эти недостатки представляются легко устранимыми. Однако впоследствии, ввиду исключительной важности скорейшего принятия законов, спорные, конфликтные параметры законопроектов не отрабатываются должным образом, что обуславливает их отклонение Президентом Республики Беларусь либо Советом Республики. Несомненно, что в подобных ситуациях парламентарий как политик руководствуется благими побуждениями, его гражданская позиция активна, но как законодатель он не проявляет должной профессиональной ответственности;

установка на ужесточение правовых норм в проектах закона;

стереотип закрытости, стремление к излишней секретности, приданию своей парламентской работе мнимой значительности, тенденция к сверхконтролю;

перенос депутатской роли, профессиональных навыков и установок во внепарламентские отношения;

упрощение общения, выражающееся в снижении психологической культуры и парламентской этики, с субъектами права, участниками законотворческого процесса, избирателями, обращения на «ты», применение выражений, оскорбительных для других депутатов, избирателей и т.п.;

педаантичность, излишний формализм в законотворческой деятельности и затягивание депутатских запросов о принятии конкретных решений в рамках своей компетенции.

Вторая группа связана с внутрисистемным управлением. В общении с субъектами права, коллегами-депутатами, участни-

ками законотворческого процесса возможны следующие проявления дезадаптации:

потеря инициативы в законотворческой и внепарламентской деятельности, выражающаяся в ориентации только на исполнение распоряжений руководства Совета Палаты представителей;

установка на приоритетность текущего законотворческого процесса, выполнения текущих задач вне связи с достижением конечных социально полезных результатов, имитация активной законотворческой и внепарламентской деятельности;

переоценка старых, привычных методов работы и недооценка необходимости инновационных подходов, психотехнологий в законотворчестве;

установка на совершение формализованных, документально оформленных профессиональных действий при недостаточном внимании к обоснованиям, экспертизам, заключениям по законопроектам и к своим избирателям;

эгоизм, часто блокирующий эффективное взаимодействие депутатов различных постоянных комиссий Палаты представителей и снижающий результаты совместной законотворческой деятельности. В целях обеспечения партийно-политических интересов отдельные депутаты открыто пренебрегают депутатскими обязанностями (например, бойкотируют работу пленарных заседаний, устраивают голодовку и т.д.).

Длительная профессиональная парламентская деятельность депутата (два и более депутатских срока) при недостаточной самокритичности может привести к личностной деформации депутата. В силу того, что депутат обладает определенными полномочиями, у него могут закрепиться такие негативные личностные качества, как высокомерие, равнодушие, душевная черствость и др.

Профилактика дезадаптации личности депутата представляет собой совокупность предупредительных мероприятий, ориентированных на снижение вероятности развития предпосылок и проявлений дезадаптации. Одной из задач такой профилак-

тики являются блокирование и сглаживание трех групп указанных факторов.

Работа по профилактике дезадаптации личности депутата включает в себя меры как психологического, так и организационно-управленческого, идеологического характера.

К частным задачам, решаемым в процессе профилактики дезадаптации личности депутата, следует отнести:

выработку у депутатов психолого-профессионального иммунитета и высокой нравственной культуры в законотворческой деятельности;

развитие у депутатов психологической устойчивости и парламентской направленности;

развитие устойчивого самоконтроля, социального контроля и профессионально-психологическую подготовку;

совершенствование стиля и методов управления депутатским корпусом;

создание психологической службы в Палате представителей для участия в разработке, подготовке и обсуждении за-

конопроектов, принятии законодательных решений, а также оказание психологической помощи депутатам;

формирование оптимального морально-психологического климата в постоянных комиссиях, депутатских группах Палаты представителей;

формирование у депутатов установки на следование в работе правилам парламентской этики.

Таким образом, пребывание депутатов в законодательном органе связано со спецификой парламентской (законотворческой) деятельности, то есть с утратой привычек, имевшихся ранее знаний и приобретением новых умений, что выступает основной причиной дезадаптации личности депутата.

1 Платон. Государство // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т.1. С.342.

2 Нерсисянц В.С. Право и культура : монография. М.: Изд-во РУДН, 2002. С.417-418.

3 Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С.24.

УДК 343.982

Геннадий Владимирович ФЁДОРОВ,
доцент кафедры криминалистики Академии МВД
Республики Беларусь (г. Минск), кандидат юриди-
ческих наук, доцент

Александр Владимирович ДРОЗДОВ,
преподаватель кафедры криминалистики Академии
МВД Республики Беларусь (г. Минск)

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГАБИТОСКОПИИ: ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД

APPLIED ASPECTS OF GABITOSKOPY: INNOVATIVE APPROACH

В статье рассматриваются проблемные аспекты совершенствования габитоскопии путем внедрения современных достижений в области социологии, культурологии, психологии в словесный портрет внешнего проявления антропометрических, функциональных признаков и признаков одежды представителей молодежных субкультур. Исследованы различные подходы ученых и проведена систематизация внешних признаков байкеров, гопников, готов, металлистов, панков, скинхедов и эмо по основаниям системного строения словесного портрета и по направлениям течения каждой конкретной молодежной субкультуры. Обоснованы выводы о необходимости использования в целях идентификации конкретного представителя той или иной субкультуры этих признаков в совокупности с индивидуальными антропометрическими признаками.

The article considers problematic aspects of improving gabitoskopia by introducing the latest achievements in the field of sociology, cultural studies, psychology into verbal picture of the external manifestations of anthropometric, functional signs and signs of clothes of representatives of youth subcultures. The authors study various scientific approaches and systematization of external signs of bikers, pals, Goths, metalheads, punks, skinheads and emo taking into consideration the system structure of a verbal portrait and directions of trends of each particular youth subculture. Conclusions on the necessity of using these signs together with individual anthropometric signs in order to identify the particular representative of this or that subculture are made.

Ключевые слова: габитоскопия, молодежная субкультура, словесный портрет, идентификация, индивидуальные антропометрические признаки.

Keywords: gabitoskopia, youth subculture, verbal picture (description), identification, individual anthropometric characteristics.

Система описания человека в целях его розыска и идентификации по признакам внешности впервые нашла широкое применение в середине XIX в. во Франции благодаря вкладу Франсуа Видока и была усовершенствована Альфонсом Бертильоном и Рудольфом Рейссом.

Немалое внимание проблеме установления личности придавалось в последние десятилетия в работах А.А. Гусева¹,

В.А. Жбанкова², А.М. Зинина³, П.С. Кузнецова⁴, Г.А. Самойлова⁵, В.Е. Корноухова⁶, Т.Ю. Османова⁷, Е.Е. Центрова⁸ и др. В настоящее время сформировались понятие и система словесного портрета, структурное наполнение каждого элемента системы, направления использования учения о внешних признаках для розыска и идентификации преступников и др.

Остается актуальной проблема соответствия словесного портрета реалиям современной действительности и, следовательно, повышения эффективности его применения в деятельности правоохранительных органов.

Решение этой проблемы нам видится в более широком использовании новых достижений социологии, культурологии, психологии в габитоскопии в аспекте молодежных субкультур и их внешнего проявления в антропометрических, функциональных признаках и признаках одежды. В связи с этим целесообразно выделить из общей массы молодежных течений те, которые имеют наиболее устойчивую систему внешних отличительных признаков, провести анализ и обобщение этих признаков. При этом следует сгруппировать внешние проявления по основаниям системного строения словесного портрета и по направлениям течения каждой конкретной молодежной субкультуры. К таким признакам могут, например, относиться специфические (принадлежащие только этой группе) аксессуары – значки, одежда с ее элементами – кожаные «куртки-косухи» с изображением клуба байкеров, особенности произношения, типичный сленг, жестикуляция, поза, походка и др.

Исследованиям молодежных течений и субкультур посвящены работы Н.А. Аксютенко⁹, М.В. Блахиной¹⁰, Н.Н. Бушмариной¹¹, А.В. Кармановой¹², С.В. Косарецкой¹³, С.И. Левиковой¹⁴, А.О. Райхштата¹⁵, Л.В. Шабанова¹⁶ и др. Авторы выделяют различные течения и направления молодежных субкультур, однако наибольшее значение для решения задач поиска и установления разыскиваемого человека имеют следующие группы, в которых внешние признаки представителей несут криминалистически значимую информацию: байкеры, гопники, готы, металлисты, панки, скинхеды и эмо.

Следует отметить, что перечень этих групп подвижен, это обусловлено изменением структуры общества и появлением новых течений, характеризующихся специфическим внешним проявлением. Кроме

того, время «жизни» отдельной субкультуры в среднем не превышает 30–40 лет, после чего она либо перерождается в иное течение, либо перестает существовать.

Перечисленным субкультурам присущи следующие черты, которые являются результатом обобщения различных подходов исследователей и собственных наблюдений авторов.

1. Байкеры обычно носят бандану (головной платок) черных тонов, завязанную на пиратский манер на затылке, или черную вязаную шапочку, «косуху» (кожаная куртка с замком наискосок) или кожаную мотокуртку, поверх которой надевается джинсовая или кожаная жилетка без рукавов с символикой мотоклуба, кожаные штаны; часто отпускают длинные волосы, усы, бороду. Для защиты глаз от ветра носят очки, нередко игнорируют шлемы. Имеют следующую символику: флаг конфедератов (диагональные полосы со звездами), изображение черепа, эмблема клуба (сверху – название клуба, в центре – его логотип, снизу – страна или город), татуировки, железный крест и др.

2. Гопники – представители позднесоветской субкультуры, образованной в результате инфильтрации криминальной эстетики в рабочую среду, близки к хулиганам. Гопников отличает применение воровского жаргона, очень низкий уровень интеллектуального, культурного и духовного развития, склонность к насилию, пренебрежительное отношение к правопорядку в целом, к милиции и законопослушным гражданам в частности. Ими, как правило, становятся дети из неблагополучных семей. Широким слоям населения гопники встречаются чаще всего при совершении уличных грабежей и разбоев, сопровождаемых характерным разговором с жертвой. Чаще всего они носят спортивный костюм, как правило, купленный на рынке, с изображением фирмы-изготовителя, схожим по названию с известными производителями, но искаженным – «Abibas» или «Рута». В холодное время года надевают куртку из дерматина. На голове обычно носят кепку-таблетку, кепку-вось-

миклинку, бейсболку. В осенне-весенний и зимний периоды надевают вязаные шапки темных цветов, завернутые на 2-3 оборота наверх и расположенные, как правило, на макушке или просто сдвинутые со лба наверх; чаще всего обувают туфли с длинным носом (туфли-аладины) или кроссовки. Любят носить вещи несочетаемых стилей, например спортивного и делового. У них обычно короткая стрижка «спортивная», иногда с челкой. Часто употребляют семена подсолнечника, которые в разговоре называют «семачки», «сэмэчки», «семки». Шелуха от семечек и фисташек обычно сплевывается на тротуар или пол. Для прослушивания любимой музыки во время пребывания на улице используют мобильные телефоны, как правило, низких ценовых категорий.

Гопников характеризует развязная («борцовская», или раскачивающаяся) походка и бестактное или агрессивное поведение: разглядывание прохожих в упор, фамильярное обращение, нецензурная или примитивная лексика с обилием слов-паразитов («типа», «опа», «это самое», «в натуре», «оба-на», «конкретно», «реально» и т.п.), любовь к «тюремным» песням, русскому шансону и поп-музыке.

3. Готты обычно носят длинные волосы, окрашенные в черный цвет, иногда с выкрашенными темно-синим цветом участками, при этом виски или иные части головы могут быть выбриты. Часто используется специальная прическа «готический ирокез» (волосы теменной части зачесаны на бок).

Лица готов «украшает» пирсинг, чаще всего на языке и губах. Глаза у юношей подведены черным косметическим карандашом при отсутствии в их поведении признаков гомосексуализма или отношения к другому молодежному неформальному движению (например, панкам). Губы окрашивают в черный, иногда в красный цвет. Девушки отличаются использованием намеренно избыточного количества черной косметики, ярко выраженной подводки, черно-белого макияжа, в котором могут быть также симитированы «синяки

под глазами». Ногти обычно покрыты черным лаком у мужской части либо от кроваво-красного до черного цвета – у женской.

Одежда у них из шелка, мятого бархата, кожи и винила исключительно черного цвета, обычно длиннополая или удлиненная (например, длинный плащ). Представительницы женского пола часто ходят в корсетах из кожи и латекса, длинных платьях, стилизованных под старину, либо длинных черных юбках в сочетании с черными блузами. Из обуви предпочитают черные высокие ботинки со шнурками. Украшения используются исключительно из серебра в знак презрения к золоту. Для них характерно ношение колец, кулонов, подвесок, значков, брошей со стилизованными изображениями трупов, оккультно-религиозного «египетского креста» – анкха (крест с петлей на верхнем конце), «Глаза Ра» и др. в качестве украшений, нашивок на одежду либо макияжа. Широко используются и иные оккультно-религиозные и сатанистские символы и атрибуты: кельтские кресты, орнаменты, пентаграммы, перевернутые кресты, восьмиконечные звезды.

4. Металлисты-мужчины обычно носят длинные волосы, кожаную мотоциклетную куртку-«косуху» или длиннополую одежду черного цвета (плащ, пальто) с металлическими заклепками и шипами, кожаный жилет, черную футболку или балахон с логотипом музыкальной группы, мотоциклетные кожаные перчатки без пальцев, проклепанные ремни с шипами, кожаные штаны или джинсы (обычно синие или черные) с цепями, сапоги с цепями – «казаки» или тяжелую обувь – «каamelоты», «керзы», «гриндерсы», «мартинсы», «стиль», «гады», туфли, как правило, остроносые, «готические» штиблеты, напульсники – кожаные браслеты с заклепками и/или шипами (порками), нашивки на одежду и аксессуары с изображениями любимых групп.

Этому молодежному течению присущ характерный жест, известный под названием «коза», – вскинутый вверх кулак либо

перекрещенные на груди кулаки направленные тыльной стороной ладони вперед с разжатыми мизинцами и указательными пальцами. Нередко к этому типичному жесту добавляется разжатый и отведенный в сторону большой палец. Он обозначает в американском языке жестов «я тебя люблю».

5. Панки, как правило, красят волосы в яркие неестественные цвета, начесывают и фиксируют их лаком, гелем или пивом, чтобы они стояли торчком в форме «ирокеза». Носят куртку-«косуху» чаще всего без чрезмерного количества шипов и наклеек, предпочитают рваные протертые джинсы, предварительно вымоченные в растворе отбеливателя и поэтому имеющие разводы рыжеватого цвета, вправленные или подвернутые под тяжелые ботинки либо кеды, к которым прицепляют цепи от собачьих поводков, и аксессуары (ошейник, напульсники, сумки-торбы), на которых крепятся заклепки, шипы, черепа.

6. Скинхеды в большинстве своем коротко пострижены либо бритоголовые, предпочитают носить короткие черные кожаные куртки, рубашки в клеточку, джинсы и обувь военного типа со сверкающим отливом. Неотъемлемая часть одежды, отличающая их от других субкультур, – подтяжки, одноцветные, без узоров, как правило, черные или темно-красные, шириной не более двух сантиметров, имеющие блестящие замки или зажимы типа «крокодилы». По тому, как подтяжки закрепляются на спине, различают две разновидности их ношения – «X» и «Y». Нашивки на одежду скинхеды не используют.

7. Эмо – это подростки, у которых, как правило, жесткие, прямые, черные волосы, в форме характерной прически с косой, рваной челкой, закрывающей один глаз, сзади волосы коротко стриженные и торчащие в разные стороны. У представителей женского пола – типичные детские прически с двумя маленькими хвостиками с яркими бантиками и заколки в виде сердечек, расположенные по бокам. У всех

эмо обычно бледное лицо, на котором ярким пятном смотрятся глаза, подведенные черным карандашом. Юноши и девушки могут красить губы под цвет кожи, использовать светлый тональный крем. На лице может быть пирсинг, как правило, на губах и левой ноздре.

Представители этого течения предпочитают носить одежду и аксессуары розовых и черных цветов, в том числе обтягивающие футболки с изображением героев детских мультфильмов, музыкальных эмо-групп, перекрещенных пистолетов или расколотых сердец, черной пятиконечной звезды на розовом фоне и полосатые гетры на руках. Они носят узкие, рваные джинсы или вельветовые штаны, в которые вправлен проклепанный ремень с цепочкой. На ногах обычно кеды с розовыми шнурками либо «вэнсы» с узором в шашечку.

Эмо носят очки в широкой черной оправе, в ушах у них обычно серьги, имеющие короткую прямолинейную цилиндрическую форму и называемые «тоннели» либо «плаги», на шее – крупные яркие бусы, на руках – разноцветные (обычно силиконовые) браслеты, «снэпы», которые могут прикрывать порезы вен. Они ходят с сумками через плечо, на которые крепят различные значки и заплатки.

Им присущи характерные жесты, например наклон головы, чтоб свисала челка, и приставление к виску двух пальцев, изображающих пистолет, изображение руками фигуры в виде сердца, искривление ног путем изгибания их в коленях и постановки ступней на внутренние поверхности. Особой приметой представителей этого течения является фотографирование себя со своим отображением в зеркале.

Указанные групповые признаки молодых субкультур могут иметь индивидуальные особенности, связанные прежде всего со спецификой ношения (одежда, обувь, аксессуары) или внешнего проявления, функциональные признаки, обусловленные индивидуальными особенностями представителя отдельного течения. Имен-

но эти особенности в совокупности с антропометрическими признаками обеспечат возможность идентификации конкретного представителя той или иной субкультуры.

Таким образом, изучение молодежных субкультур и их внешнего проявления в антропометрических, функциональных признаках и признаках одежды на основе использования новых достижений социологии, культурологи, психологии в габитоскопии позволит повысить эффективность применения словесного портрета в деятельности правоохранительных органов.

1 Гусев А.А. Установление личности по признакам внешности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1955.

2 Жбанков В.А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09. М., 1995.

3 Зинин А.М. Теоретические и практические проблемы криминалистического установления личности по признакам внешности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09. М., 1997.

4 Кузнецов П.С. Применение субъективных портретов в раскрытии преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Свердловск, 1983.

5 Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках : учебное пособие / под ред. Р.С.Белкина. М.: Высш. шк. МВД СССР, 1968.

6 Корноухов В.Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1982.

7 Османов Т.Ю. Применение метода словесного портрета в следственной и оперативной деятельности : методологические и психологические аспекты проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2000.

8 Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М.: Изд-во МГУ, 1988.

9 Аксютенко Н.А. Философско-мировоззренческие проблемы молодежной субкультуры : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. М., 2007.

10 Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Молодежные субкультуры в современном обществе : монография. Тверь : ТГТУ, 2004.

11 Бушмарина Н.Н. Молодежные субкультуры как предмет педагогического исследования : дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.01. М., 2008.

12 Карманова А.В. Отчуждение и современные молодежные субкультуры: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Кемерово, 2007.

13 Косарецкая С.В., Синягина Н.Ю. О неформальных объединениях молодежи. М. : ВЛАДОС, 2004.

14 Левикова С.И. Молодежные субкультуры : учебное пособие. М.: Гранд-Фаир, 2004.

15 Райхштат А.О. Молодежные субкультуры в российском обществе: теоретические подходы и современные практики : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Казань, 2006.

16 Шабанов Л.В. Молодежная субкультура: социально-философский анализ : дис. ... докт. филос. наук : 24.00.01. Томск, 2007.

ПОМОЩЬ ВЕДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

УДК 343

Алексей Юрьевич ФЁДОРОВ,
начальник кафедры совершенствования
деятельности органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России
(г. Екатеринбург), кандидат юридических наук

ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЙДЕРСТВА

REASONS FOR RAIDS SPREADING

Статья посвящена проблеме неправомерных захватов собственности (рейдерству) в России. Дается характеристика основным детерминантам рейдерских поглощений.

The article is devoted to the problem of illegal seizure of property (raids) in Russia. The characteristic of the basic determinants of raids absorptions is given.

Ключевые слова: рейдерство, захват собственности, общественная опасность, экономическая безопасность.

Keywords: raids, seizure of property, public danger, economic security.

В современных экономических условиях России рейдерство выступает эффективным инструментом недобросовестного завладения собственностью и является самостоятельным видом противоправного (криминального) бизнеса, разновидностью экономической преступности. Поэтому причинный комплекс, характерный для экономической преступности, в равной степени можно отнести и к рейдерству. Существенную криминогенную роль в рассматриваемой сфере сыграло ослабление роли государства. Развитие рейдерства во многом было «задано» процессами приватизации в России.

Увеличению количества рейдерских атак на современном этапе способствуют отсутствие развитой экономической и авторитетной судебной систем, а также коррупция и низкая культура правоприменения.

Распространению рейдерства способствуют и другие обстоятельства. Россия – страна с переходной экономикой. В ней не устоялись, слабо функционируют рыночные институты, прежде всего институт собственности, предпринимательства. Многие предприятия не имеют чистой и прозрачной истории приватизации, рассматриваются как нелегитимные, имеют плохой имидж. Не добавляет стабиль-

ности и структура собственности, при которой контрольный пакет целевой компании принадлежит руководству. Систематически нарушаются права акционеров, не выплачиваются дивиденды миноритарным акционерам. Низок уровень предпринимательской культуры, ведется «черная» бухгалтерия, отсутствует корпоративная социальная политика. Предприятия работают в условиях слабой конкурентной среды, плохо развитого фондового рынка. Все это – благоприятная почва для рейдерского предела собственности.

Возможности для рейдерства обусловлены главным образом пробелами в законодательстве. Существующая в стране нормативно-правовая база не позволяет разделять цивилизованные методы ведения бизнеса в сфере слияний и поглощений и незаконные захваты предприятий. Не существует системного корпоративного права. Отсюда и противоречащие друг другу решения судов. Не установлен эффективный правовой механизм обеспечения защиты корпоративной собственности, и тем самым существует возможность рейдерского захвата бизнеса со стороны лиц, использующих пробелы в законодательстве.

В настоящий момент для захвата предприятий рейдеры в основном используют именно пробелы корпоративного законодательства. Корпоративному праву в нашей стране всего 15 лет. За такой короткий срок ни одному государству в мире не удалось бы создать полноценную правовую защиту собственника. Развитые государства строили эти отношения столетиями, у них корпоративное право на 80% вообще не право, а обычаи делового оборота.

Объективной причиной существования рейдерства является слабость государственных институтов, призванных поддерживать правила цивилизованного социально-экономического развития страны. Административная реформа и реформа государственной службы, направленные на совершенствование процесса управления в современном обществе, пока не дали ощутимых результатов.

Другая причина рейдерства связана с оборотом акций. В настоящий момент в России института защиты прав собственника акций, по сути, нет, и захват предприятия сводится по большому счету к захвату реестра. В законодательстве акции определены как нематериальный объект. Это прогрессивно, позволяет совершать сделки в режиме реального времени: ведь скорость оборота акций неуклонно растет. Однако с обретением такого нематериального инструмента, который должен учитываться в реестре, мы получили огромное количество проблем.

В России по статистике 186 тысяч юридических лиц существуют в форме акционерных обществ. Для сравнения: в Германии их только 900. Это, без сомнения, ошибка приватизации, когда большинство предприятий преобразовывались именно в акционерные общества. Во всем мире данная публичная форма собственности используется в исключительных случаях, как правило, крупными обществами, когда, например, необходимо привлечь достаточные финансовые средства акционеров. У нас же из 186 тысяч юридических лиц лишь около тысячи полностью соответствуют реальным мировым параметрам. Это означает, что у 185 тысяч предприятий – конфликт формы и содержания, что, в свою очередь, значительно повышает риски.

Вот один из «самых циничных» способов захвата таких акционерных обществ. Накануне выходных или праздников рейдеры силой вторгаются на предприятие, уничтожают реестр, пишут новый, в ближайшие рабочие дни получают решение суда о действительности этого реестра, после чего у бывшего собственника практически нет никаких шансов доказать свои права.

Рейдерству способствует и то, что не регламентировано использование инсайдерской информации, в результате чего на фондовом рынке часто происходит манипулирование ценами на акции. Правда, работа в этом направлении ведется (подготовлен и находится на рассмотрении в Государственной Думе соответствующий законопроект).

Значимым криминогенным фактором в развитии рейдерства выступает коррупция. Заметны деформации судебной системы, в силу которых достаточно велика вероятность коррумпированности судей. К 2008 г. коррупционный рынок России достиг емкости в 316 млрд. долларов в год, при этом объем рынка коррупции растёт примерно в четыре раза быстрее, чем доходы федерального бюджета. Вместе с тем коррупционная преступность носит ярко выраженный латентный характер. Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности ежегодно исчисляется десятками тысяч, а фактическое их количество составляет около 2 млн. в год. Таким образом, выявляются и подвергаются уголовному преследованию всего 5% лиц, причастных к коррупционным преступлениям.

О тесной связи рейдерства и коррупции говорится и в соответствующих социологических исследованиях. Так, в отчете о результатах исследования, проведенного «Центром политических технологий» (г. Москва, 2008 г.), указано, что криминальные рейдерские захваты в 99% случаев проходят с помощью органов государственной власти.¹ Участники брифинга «Рейдерство как сектор коррупционного рынка» (г. Москва, 2008 г.) – Национальный антикоррупционный комитет и Следственный комитет при МВД России – также отмечают, что коррупция играет ключевую роль в рейдерских захватах.² На тесную коррупционную связь рейдеров и судей прямо указано в постановлении Совета Федерации РФ от 19 марта 2008 г.: «Коррупционные явления получили распространение и в судебной системе. Отмечаются случаи затягивания дел по ходатайствам заведомо проигрывающей стороны процесса, что часто используется рейдерами для удержания незаконно захваченной собственности»³. Поэтому в современной России рейдерство, в отличие от традиционного бизнеса по слиянию и поглощению, по существу, является криминальным бизнесом.

Глава Следственного комитета при прокуратуре РФ А. Бастрыкин на совещании в Генеральной прокуратуре РФ в 2009 г. также подтвердил: «практика расследования уголовных дел показывает, что почти во всех случаях помощь рейдерам оказывают чиновники органов госвласти и местного самоуправления. По многим уголовным делам следователи видят по сути своей неправомерные судебные решения, в которых право собственности на захваченное имущество признается за рейдером»⁴. О том, что в реализуемых схемах рейдерских захватов активную роль играют работники госорганов, судьи, депутаты, адвокаты, нотариусы, риэлторы, аудиторы, оценщики, арбитражные управляющие и др., говорилось и на совещании Президента РФ Д.А. Медведева с членами Совета Федерации (5 ноября 2009 г.).⁵

По оценкам специалистов, основные расходы рейдеров идут именно на подкуп судей и представителей правоохранительных органов. На определения и судебные решения существует «такса», зависящая как от цены вопроса, так и от масштаба нарушения закона, на которое должен пойти судья, чтобы принять, как говорят рейдеры, «отмороженное» решение. Так, мировой судья(!) в 2005 г. в Кизляре по иску одного физического лица к другому физическому лицу об отзыве доверенности арестовал все имущество Владимирского химического комбината, который даже не был поименован в иске как третье лицо. Другой пример: вынес неправомерное решение судья арбитражного суда Ингушетии Ц. по иску московского ООО «Триона сервис» в сентябре 2003 г. к Кропоткинскому МЭЗу в Краснодарском крае на 913 тыс. рублей о якобы причиненном ущербе из-за поставки некачественного рапсового масла, обратил взыскание на 43% акций завода «Кропоткинский», выдав в тот же день исполнительные листы, на основании которых спустя всего два дня состоялся силовой захват завода. По данному факту неправомерного решения судьи Генеральной прокуратурой РФ было возбуж-

дено уголовное дело в отношении Ц. по ч. 1. ст. 305 УК РФ.

По ходатайству Генерального прокурора РФ квалификационная коллегия судей Астраханского областного суда вынесла оценку действиям судьи Трусовского районного суда города Астрахани Е. На основании этого заключения в отношении ее было возбуждено уголовное дело по ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудного решения). В ходе следствия выяснилось, что она в нарушение требований подсудности приняла к производству иск к трем московским компаниям подставной фирмы «Экспоттрейд», оспаривающей несуществующие сделки, и в тот же день удовлетворила просьбу истца, наложив арест на недвижимое имущество московских фирм стоимостью более 800 млн. рублей. Однако преступники не успели реализовать свой план. Ее полномочия были прекращены, а новый судья, принявший дело, установил, что никаких сделок с фирмой «Экспоттрейд» столичные бизнесмены не заключали.

Сегодня на принятие подобных неправосудных решений (об обеспечительных мерах, аресте реестра, о запрете собрания акционеров, об аннулировании результатов собрания акционеров и т.п.) существует, как мы отметили, практически официальный «прейскурант» – 10–20 тыс. долларов в регионах и 30–200 тыс. долларов в Москве.

Проблема участия органов государственной власти и управления в корпоративных конфликтах приобретает все большую актуальность. К этим органам активно обращаются все стороны корпоративного конфликта с просьбами о помощи в реализации своих законных прав. Таким образом, государственные органы оказываются втянутыми практически в любой корпоративный конфликт, иногда независимо от своего желания, но часто оказывая поддержку рейдерам.

Такая ситуация не способствует стабильности гражданского оборота и улучшению инвестиционного климата в стране. Западные инвесторы боятся вклады-

вать капиталы в Россию, так как могут их потерять в результате действий правоохранительных и охранных структур «в масках». В корпоративные конфликты оказываются вовлеченными органы судебной власти, силовые структуры, фискальные органы, судебные приставы, чиновники многих агентств и служб. Причем только суды имеют право разбираться в корпоративных конфликтах, но часто их роль вызывает негативный резонанс из-за вынесения заранее неправосудных и неправомερных решений.

Примером является силовой захват в г. Москве ОАО «Гипромез» (бывший союзный институт), получивший большой общественный резонанс. Силовой захват был осуществлен на основании предъявления копии свидетельства о собственности на здание. Когда руководители ОАО «Гипромез» запросили данные о новых собственниках, Мосрегистрация подтвердила, что перерегистрация прав собственности на объект недвижимости была. А когда было запрошено само регистрационное дело, оказалось, что его нет. Человек, который осуществлял регистрацию, сразу же после сделки уволился.⁶

Другой, не менее значимой причиной распространения рейдерства является отсутствие должного противодействия со стороны правоохранительных органов этому общественно опасному явлению.

Расследование уголовных дел по фактам рейдерских захватов вызывает значительные затруднения у следователей СК МВД России. Если количество прекращенных дел по экономическим преступлениям колеблется от 30% до 40%, то по захватам предприятий этот показатель составляет около 70–80%. Так, в 2008 г. СК при МВД России расследовались 352 дела, из которых 56 (2007 г. – 130) были направлены в суд (15,9% от общего числа уголовных дел данной категории), ущерб от преступной деятельности рейдеров по направленным в суд делам составил 9 млрд. долларов.⁷ Результаты следственной работы прокуратуры РФ в этом направлении еще более скромны – в 2008–2009 гг. в суд

направлены лишь 15,1% уголовных дел, возбужденных по фактам рейдерства, остальные приостановлены или прекращены.⁸

Анализ результатов расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконными захватами предприятий, позволяет сделать вывод о том, что эффективность следствия в данном направлении пока еще низка. К этому ведут и ошибки при квалификации, и незаконные или необоснованные процессуальные решения, а зачастую и намеренные отступления от закона в интересах одной из конфликтующих сторон. Кроме того, к недостаткам следует отнести: нечеткое определение особенностей предмета доказывания, отсутствие установления всех преступлений, совершенных подозреваемыми, невнимание к преступным связям, особенностям, сложности и многоаспектности данной преступной деятельности.

Подобная ситуация отчасти объясняется тем, что сотрудники органов предварительного расследования зачастую являются некомпетентными в большинстве вопросов, связанных с разрешением корпоративных споров, обладают слабыми знаниями в области гражданского и корпоративного права. Следует констатировать, что для эффективного противодействия рейдерству сотрудникам правоохранительных органов необходимо иметь не только высшее юридическое, но и высшее экономическое образование.

Важно отметить, что эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью определяется в первую очередь состоянием кадрового потенциала. Несмотря на очевидность данного утверждения, в области кадровой политики немало вопросов до сих пор остаются злободневными, а именно:⁹

- высокий уровень текучести кадров (из ОВД России ежегодно увольняются до 10% личного состава, в том числе до 40% по собственному желанию);

- уровень профессиональной и специальной подготовки не соответствует постоянно растущим требованиям к личному составу;

- значительное сокращение доли опытных специалистов-профессионалов в аттестованном составе ОВД (за последние 5 лет доля специалистов со стажем работы свыше 20 лет по России сократилась в 3 раза, в ведущих службах ОВД до 60% сотрудников имеют стаж работы менее 3-х лет).

По данным исследователей, сотрудник силовой структуры овладевает азами службы лишь через 1-2 года после ее начала, на достижение уровня квалифицированного специалиста уходят 5-7 лет и лишь через 8-10 лет службы сотрудник правоохранительных органов становится профессионалом высокого класса. Сопоставление этих данных позволяет сделать вывод о том, что 2/3 личного состава органов внутренних дел не обладают достаточным уровнем профессионализма и, следовательно, не способны эффективно решать стоящие перед МВД России задачи по противодействию преступности в целом и рейдерству в частности.

Руководство МВД России неоднократно признавало невысокую компетентность сотрудников в сфере борьбы с экономической преступностью. Причинами этого выступали слабое знание и ненадлежащее выполнение нормативных правовых актов, регулирующих вопросы взаимодействия, порядок возбуждения уголовных дел при реализации материалов оперативных разработок, недостаточный профессиональный уровень следователей и оперативных сотрудников.¹⁰

В октябре 2009 г. на заседании Государственной Думы Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка также констатировал низкий профессионализм сотрудников правоохранительных органов в вопросах противодействия рейдерству: «Одной из причин такого положения является недостаточная профессиональная подготовка и бесконтрольность следственных работников, допускающих грубые нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства при планировании и производстве расследования, а также на стадии принятия по его результатам окончательного

процессуального решения. Прокурорами выявляются факты несвоевременной проверки поступающей оперативной информации, преждевременного прекращения таких дел до получения конкретных результатов. Все это приводит к тому, что на стадии предварительного расследования доказательства утрачиваются, а виновные избегают ответственности. Более того, нередко выявляются факты, когда в процессах недружественного поглощения имущественных комплексов участвуют сами сотрудники правоохранительных ведомств путем незаконного возбуждения уголовных дел, проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий»¹¹.

Специалисты также отмечают, что уровень квалификации сотрудников правоохранительных органов остается относительно низким, поскольку «в системе профессиональной подготовки сотрудников следственных аппаратов и оперативно-розыскных подразделений отсутствуют программы изучения частных методик расследования преступлений в сфере экономики»¹². По мнению В.П. Кашепова, «недостаточный профессионализм сотрудников правоохранительных органов, отсутствие сформировавшейся судебной практики приводят к тому, что, в сущности, противоправная деятельность так называемых “черных рейдеров” не получает должной уголовно-правовой оценки и необходимого противодействия со стороны правоохранительных органов»¹³. По нашему мнению, расследование экономических преступлений требует специальных познаний, причем сотрудники органов предварительного расследования должны достаточно глубоко разбираться в вопросах экономики и права, знать теорию бухгалтерского учета и правила его ведения. Таких знаний у большей части правоприменителей, к сожалению, нет. Поэтому актуально, как правильно пишет М.П. Клейменов, «исправление деформаций кадровой политики в правоохранительных органах»¹⁴.

Кроме того, следователи ОВД не в состоянии одновременно заниматься дос-

таточно трудными рейдерскими делами, расследовать другие преступления, выполнять «норматив» по количеству ежемесячно направляемых в суд уголовных дел. Необходимо убрать (для начала хотя бы по «рейдерским» делам) так называемую «палочную систему», иначе не избежать возбуждения уголовных дел в угоду начальству и для выполнения норматива по количеству «посаженных» рейдеров за отчетный период.

Таким образом, основными факторами развития рейдерства в России являются следующие:

- 1) осуществление экономических реформ в стране по криминальному вектору. Это, кроме всего прочего, «снимает» моральные барьеры перед любой прибыльной деятельностью, в особенности если она не имеет откровенно преступного характера;
- 2) получение возможности легализации незаконных сделок через механизмы «добросовестного приобретения» и судебные процедуры;
- 3) наличие в стране большого резерва высококвалифицированных специалистов (экономистов, аудиторов, юристов, PR-технологов и др.), из числа которых формируются «команды захватчиков»;
- 4) отсутствие легального определения рейдерства как криминального явления;
- 5) наличие коррупционных связей «захватчиков» с государственными чиновниками. Более того, часто именно люди, отвечающие за соблюдение закона при подобных сделках, а следовательно, знающие различные слабые места потенциального объекта поглощения, сами выступают либо в роли заказчика, либо покровителя незаконных махинаций;
- 6) пассивность правоохранительных органов;
- 7) несовершенство уголовного и корпоративного законодательства (например, по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг) по противодействию рейдерству. Недостаточная разработанность практики страхования предпринимательских рисков.

С учетом сказанного актуальны разработка и осуществление комплекса мер

организационно-практического и правового (совершенствование гражданского и уголовного законодательства) характера, направленных на противодействие рейдерству.

К приоритетным мерам по противодействию рейдерским захватам можно отнести:

1) разработку комплекса превентивных мер индивидуально для каждого предприятия с учетом его специфики, затрагивающих различные аспекты деятельности – юридический, финансовый, социальный и пр., что позволит исключить или существенно образом снизить вероятность захвата;

2) выстраивание четкой схемы управления предприятием, формирование его позитивного имиджа, регулярный мониторинг текущего состояния документов, работа со СМИ, укрепление связей с регистрирующими органами (рейдеры не смогут осуществить захват объекта, если его корпоративная история безупречна и нет ни малейшего повода для судебного иска);

3) реализацию ряда «оборонных» мер: четкая налоговая и финансовая отчетность; консолидация пакета акций или долей, обременение активов, регулярное внесение изменений в учредительные документы акционерного общества; разъяснительная работа с трудовым коллективом, профсоюзами, пенсионерами, обладающими акциями предприятия; надежная и эффективная охрана здания и др.;

4) использование возможностей системы страхования применительно к защите прав собственности, приняв угрозу рейдерства за потенциальный предпринимательский риск. Так, в соответствии со ст. 933 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей страхование предпринимательского риска, это будет правовой гарантией от угрозы потери доходности бизнеса, в данном случае – возможности лишения части долей на предприятии;

5) ведение бизнеса на основе прозрачности собственности и адекватной капитализации стоимости актива предприятия (так как рейдеры «идут» на захват тех организаций, которые можно задешево купить, а затем за дорого продать);

6) принятие соответствующих мер по снижению прибыли от рейдерских захва-

тов (сейчас в России она нередко составляет более 1000%, поэтому ее снижение хотя бы до 100% уже само по себе резко ограничит незаконные захваты);

7) осуществление постоянного внутреннего аудита фирмы с привлечением сторонних юристов с целью тщательного исследования документации предприятия за последние несколько лет, определения пробелов, подлежащих устранению, и разработки мер по укреплению безопасности предприятия;

8) создание специальных служб при управлениях по экономической политике администраций различных территориальных формирований (такие структуры сегодня функционируют в Москве, Санкт-Петербурге), которые будут заниматься оперативными расследованиями фактов криминальных поглощений, а также проведением семинаров для представителей бизнеса по разъяснению им способов защиты имущественных комплексов от рейдерского захвата, в том числе путем реализации превентивных мер;

9) разработку системы мер по тщательной проверке документов по факту смены владельцев бизнеса, поступающих на регистрацию в ФРС РФ и ФНС РФ;

10) определение государственного органа, которому будут переданы функции упраздненной Федеральной службы России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению по проверке финансово-хозяйственной деятельности предприятий-банкротов, и издание нормативного документа, регламентирующего порядок его участия в процедуре банкротства;

11) реализацию мер по противодействию коррупции в органах государственной власти, в том числе в правоохранительных;

12) создание единой базы данных компаний и бизнесменов, использующих рейдерские захваты. Разместить данную информацию на специально созданных либо уже существующих сайтах в Интернете;

13) выработку единого механизма информирования органов внутренних дел Межрегиональной инспекцией ФНС России, арбитражными судами о выявленных

фактах нарушений текущего законодательства о банкротстве;

14) организацию подготовки специалистов по борьбе с рейдерством на экономических факультетах вузов, в том числе в образовательных учреждениях системы МВД России;

15) усиление прокурорского надзора за оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью по выявлению, пресечению рейдерских захватов;

16) профилактику рейдерства посредством общенадзорной деятельности, в том числе при проведении проверок соблюдения законодательства о бюджете, приватизации, корпоративном управлении государственными, муниципальными учреждениями и предприятиями, а также обществами с долей участия в них государства;

17) создание межведомственной рабочей группы в целях координации правоприменительной практики по уголовным делам о рейдерстве, обмену опытом по расследованию данной категории уголовных дел;

18) разработку межведомственных подзаконных нормативных правовых актов для формирования единообразной правоприменительной практики по уголовным делам о рейдерстве;

19) разработку межведомственных методических рекомендаций по расследованию уголовных дел о рейдерстве;

20) направление в региональные следственные подразделения различных ведомств обзоров следственной и судебной практики по уголовным делам о рейдерстве.

1 См.: Филимонова В. Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России // Общество и экономика. 2008. №5. С.101-139.

2 См.: Эксперты: рейдерство – составляющая коррупции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/2008/09/11/522728.html>.

3 См.: О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации»: постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 19 марта 2008 г. №86-СФ // Собрание законодательства РФ. 2008. №13, ст.1206.

4 Козлова Н. Александр Бастрыкин предлагает ввести уголовную ответственность за рейдерство // Российская бизнес-газета. 2009. №723 (39). 13 окт.

5 См.: Стенографический отчет о встрече с членами Совета палаты Совета Федерации // Официальный сайт Президента. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5928>.

6 См.: Малумов Г.Ю. Недружественный корпоративный захват: благо или правонарушение // Право и экономика. 2007. №7.

7 См.: В МВД России прошел брифинг на тему «Особенности расследования Следственным комитетом при МВД России уголовных дел, связанных с рейдерскими захватами имущественных комплексов юридических лиц» // Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.ru/news>; В ГУ МВД РФ по Уральскому федеральному округу подвели итоги за первый квартал 2009 года // Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.ru/news>.

8 См.: Козлова Н. Указ. соч.

9 См.: Караваев А.Ф. Основы профессионального становления специалистов – сотрудников органов внутренних дел. Омск, 2004. С.3.

10 См.: О результатах работы предварительного следствия в 2001 году: аналитическая справка от 20 февраля 2002 г. №17/1-128. М., 2002. С.7-10.

11 См.: Предлагаем вашему вниманию текст выступления Генерального прокурора Ю. Чайки в Государственной Думе // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/news>.

12 См.: Семина Л.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты мошенничеств, совершаемых в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С.4.

13 См.: Кашепов В.П. Корпоративный шантаж: квалификация, ответственность // Российская юстиция. №10. 2006. С.14.

14 См.: Клейменов М.П. Криминология: учебник. М., 2008. С. 230.

УДК 347.964

Михаил Михайлович ЧЕРНЯКОВ,
доцент кафедры уголовного процесса
и организации расследования преступлений
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О «ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РУКОВОДСТВЕ»
В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

TO THE ISSUE OF «PROCEDURAL GUIDANCE»
IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEEDINGS FUNCTIONS

В статье рассматриваются содержание надзорной деятельности при возбуждении уголовных дел, а также на первоначальном этапе их расследования, различные правовые механизмы охраны неприкосновенности и свободы человека. Проанализированы изменения, внесенные в УПК РФ, и предлагаются пути разрешения рассматриваемых проблем.

The article considers the content of supervisory activity in bringing criminal actions, and also at the initial stage of investigation of these cases, legal mechanisms of protection of personal immunity and freedom. The author analyses changes introduced into the Criminal-Procedural Code of Russian Federation and proposes ways of problems solution.

Ключевые слова: прокурорский надзор, процессуальный контроль, процессуальное руководство, досудебное производство.

Keywords: Prosecutor's supervision, procedural control, procedural guidance, pre-trial proceedings.

Уголовно-процессуальное законодательство в качестве базового принципа уголовного судопроизводства определяет защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, защиту конституционных прав и свобод граждан.

Важнейшей составляющей в деятельности органов предварительного расследования при реализации указанного принципа является контроль за применением регулирующих эту сферу досудебного производства конкретных правовых норм. Одной из форм данного контроля в уголовном судопроизводстве в соответствии с уголовно-процессуальным законом является процессуальный ведомственный контроль,

осуществляемый руководителями следственных органов и подразделений дознания.

Рассматривая процессуальный контроль как функцию уголовного судопроизводства, отметим, что во многих работах, посвященных исследованию института процессуального контроля и функций уголовного судопроизводства, можно встретить выделение такой функции, как «процессуальное руководство» предварительным расследованием.¹ При этом если некоторые авторы рассматривают процессуальное руководство как метод процессуального контроля², то сторонники другой точки зрения говорят о контроле как о части управления³.

А.М.Ларин, например, изначально утверждал, что функция управления наряду с судом, прокурором, руководителем следственного органа присуща также и следо-

вателю⁴, а в последующих работах указывал на то, что данная функция все-таки принадлежит прокурору⁵.

Ряд авторов⁶ отмечают наличие процессуального руководства предварительным следствием, однако их отношение к этому элементу процессуальной деятельности противоположное.

О необходимости «руководства» предварительным следствием говорят и другие авторы, рассматривая его как часть управления⁷, указывая, что именно управление расследованием уголовных дел и является основной функцией руководителя органа предварительного расследования в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, нельзя отрицать тот факт, что институт процессуального контроля в том виде, в котором он представлен в современном законодательстве, есть не что иное, как руководство расследованием уголовного дела, так как основные решения по уголовному делу, которые определяют итоговый результат расследования, фактически принимает не следователь, а руководитель следственного органа или органа дознания, прокурор на стадии досудебного производства. Хотя следователю или дознавателю формально и предоставлено право принимать самостоятельно итоговые решения по уголовному делу, но почти все из них требуют согласования с руководителем следственного органа (органа дознания) или утверждения прокурором. Без соблюдения соответствующей процедуры решения лица, производившего предварительное расследование, реализованы не будут.

Подобные выводы можно сделать из толкования значения самих понятий «контроль», «надзор» и «руководство». Так, С.И.Ожегов определяет контроль как проверку, а также наблюдение с целью проверки.⁸ Аналогичное определение он дает и надзору.⁹ Руководство же представляет собой не что иное, как осуществление направляющей деятельности.¹⁰

Некоторые авторы мотивируют необходимость «процессуального руководства» тем, что руководитель следственного органа и прокурор наряду со следователем не-

сут ответственность за качество и сроки расследования, раскрытия преступлений и их предупреждение, а также за допущенные при расследовании нарушения закона. С данным положением, на наш взгляд, нельзя согласиться, так как прокурор и руководитель следственного органа должны отвечать не за нарушения закона, допущенные следователем, а за нарушения, являющиеся результатом ненадлежащего контроля и надзора.

Указанное позволяет сделать вывод, что теория уголовного процесса нуждается в разработке оригинальной концепции процессуального контроля, адаптированной к современному уголовно-процессуальному законодательству, которая, несомненно, должна учитывать и особенности состязательного досудебного производства.

1 См., напр.: Жогин Н.В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968. С.60; Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971. С.80.

2 См., напр.: Таджиев Х.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений. Ташкент: Изд-во «Фан», 1985. С.77.

3 См. напр.: Овсянникова Н.В., Громов Н.А. Виды, формы, методы и субъекты контроля в следственном аппарате // Следователь. 2000. №5. С.34-36; Громов Н.А., Франциферов Ю.В. О соотношении прокурорского надзора и судебного контроля в стадии предварительного расследования // Следователь. 2001. №3.

4 См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юрид. лит., 1986. С.143-150.

5 См., напр.: Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. проф. В.М.Савицкого. М.: Изд-во БЕК, 1997. С.153.

6 См., напр.: Таджиев Х.С. Указ. соч. С.77; Овсянникова Н.В., Громов Н.А. Указ. соч; Громов Н.А. Франциферов Ю.В. Указ. соч.

7 См. напр.: Овсянникова Н.В., Громов Н.А. Указ. соч; Громов Н.А. Франциферов Ю.В. Указ. соч.; Ларин А.М. Указ. соч.

8 См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С.285.

9 Там же. С.365.

10 Там же. С.679.

УДК 343.98

Олег Александрович СУРОВ,
доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России (г Красноярск),
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

CURRENT ISSUES OF CRIMES INVESTIGATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMICS

В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового, уголовно-процессуального, организационного и криминалистического характера, возникающие при расследовании преступлений в сфере экономики.

The problems of criminal-judicial, criminal-procedural, organizational and criminal character, appearing in investigation in the sphere of economics are under consideration in this article.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, возбуждение уголовного дела, организация расследования, методика расследования преступлений.

Keywords: crimes in the sphere of economics, bringing the action against smb, organization of investigation, methods of crimes investigation.

В 2009 г. правоохранительными органами выявлены 428,8 тыс. (-4,5%) преступлений экономической направленности. Материальный ущерб от всех экономических преступлений (по оконченным расследованием делам) составил 1075,7 млрд. рублей, при этом арест был наложен всего лишь на сумму 89,1 млрд. рублей. По 314,1 тыс. (-7,9%) преступлений экономической направленности уголовные дела направлены в суд, что составляет 73,6%. Следовательно, качество расследования оставляет желать лучшего.

Повышение эффективности расследования преступлений в сфере экономики на протяжении многих лет является предметом пристального внимания правоведов и практикующих юристов. Результативность расследования данных преступлений зависит от качественного решения проблем, возникающих в процессе расследования данных преступлений. Анализ этих про-

блем, а также причин, способствующих их возникновению, позволяет законодателю своевременно дополнять и корректировать действующие нормативно-правовые акты, а правоприменителю – минимизировать ошибки в своей деятельности.

Основой анализа проблем, возникающих при расследовании преступлений в сфере экономики, послужили результаты анкетирования следователей, оперуполномоченных отделов внутренних дел по г. Красноярску, специализирующихся на расследовании преступлений данной категории, работы научных семинаров, конференций, проводимых в Сибирском юридическом институте МВД России на кафедре криминалистики по данной проблематике.

Анализ данных анкетирования показал, что наиболее часто расследуемыми преступлениями этой группы являются кредитные мошенничества (53%), присвоение

и растрата (43,1%), фальшивомонетничество (30,3%), незаконное предпринимательство, легализация (10,7%), злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях (1,5%) и др.

Проблемы, возникающие при расследовании преступлений в сфере экономики, мной разделены на 4 группы.

1. Проблемы уголовно-правового характера.

- Отсутствие законодательного закрепления определения существенности вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Понятие существенного вреда является оценочным. При его установлении необходимо учитывать количество потерпевших граждан, тяжесть причиненного им морального, физического или материального вреда, степень отрицательного влияния на нормальную работу коммерческой или некоммерческой организации. Однако определение размеров материального ущерба и степени отрицательного влияния преступления на нормальную работу организаций ввиду законодательных пробелов целиком находится исключительно в ведении судов, что в конечном счете затрудняет процедуру как возбуждения уголовного дела, так и его расследования, поскольку на этой стадии степень существенности вреда определить бывает невозможно.

Что происходит на практике? Сотрудник вынужден устанавливать данные оценочные признаки в ситуации ограниченности процессуальных средств и времени. Например, в ситуации заключения невыгодной сделки для организации, то есть реализации какого-либо имущества по заниженной стоимости, необходимо установить реальные убытки – произвести рыночную оценку сделки и вычесть фактические расходы.

- Те же проблемы при расследовании преступлений в сфере экономики вызывает включение в качестве обязательных признаков состава преступления его целей – извлечения выгод и преимуществ

для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам.

Так, постановлением следователя было возбуждено уголовное дело по заявлению исполняющего обязанности генерального директора ОАО «Енисейнефтегаз» о неправомерных действиях бывшего руководителя данной организации гр. Ж. по факту продажи 5% и 17% доли в уставном капитале ООО «Енисейнефть» по заниженной цене, получения необоснованных кредитов в ЗАО АИКБ «Енисейский Объединенный банк», заключения экономически необоснованной сделки по приобретению векселей на общую сумму 35 000 000 рублей с фирмами – акционерами ЗАО АИКБ «Енисейский Объединенный банк», а также по факту продажи квартир, принадлежащих ООО «Енисейнефтегаз», за 50% от их балансовой стоимости без предварительной рыночной оценки. В результате действий Ж. предприятию причинен существенный вред, повлекший тяжкие последствия. В ходе предварительного расследования было установлено, что в каждом из указанных эпизодов деятельности отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, – цели совершения преступления в виде извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, в связи с этим уголовное дело прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.¹

2. Проблемы уголовно-процессуального характера.

- Распространение особого порядка возбуждения уголовного дела на преступления, входящие в главу 23 УК РФ.

Так, в соответствии со ст. 23 УПК РФ, если деяние, предусмотренное главой 23 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается только по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

Порядок возбуждения уголовного дела по заявлению коммерческой или иной организации часто обсуждается в уголовно-процессуальной литературе, и данной проблеме посвящены много статей. В публикациях обсуждаются недостатки указанной нормы и способы их устранения. Систематизировав мнения ученых, выделим следующие недостатки:

1) регламентирование порядка возбуждения уголовного дела как в УК РФ (примечание 2, 3 к ст. 201 УК РФ), так и в УПК РФ (ст. 23);

2) разные субъекты подачи заявления и согласования возбуждения уголовного дела (в УК РФ – это организация, в УПК РФ – руководитель организации);

3) согласование разных действий (в УК РФ – уголовного преследования, а в УПК РФ – возбуждения уголовного дела);

4) ограничение действия принципа диспозитивности на некоммерческие организации в УК РФ;

5) отсутствие основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела в УПК РФ, если нет заявления или согласия руководителя коммерческой или иной организации на возбуждение уголовного дела при обстоятельствах, указанных в ст. 23 УПК РФ;

6) отсутствие оснований прекращения уголовного преследования, если нет заявления или согласия на привлечение к уголовному преследованию от руководителя коммерческой или иной организации при обстоятельствах, указанных в ст. 23 УПК РФ.

Естественно, что столь очевидные противоречия порождают трудности при возбуждении и расследовании преступлений против порядка управления.

На наш взгляд, наиболее существенным недостатком является неверное указание субъекта согласования возбуждения уголовного дела, так как согласно обобщению следственной и судебной практики более 70% злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях совершаются руководителями этих организаций. В связи с этим, с нашей точки зрения,

нецелесообразно предоставлять только им право согласования возбуждения уголовного дела в отношении их же самих.

Правильно, как мы считаем, данный вопрос решает Федеральный закон «Об акционерных обществах», в ст. 71 которого указано, что общество или акционер (акционеры), владеющий в совокупности не менее чем 1% размещенных обыкновенных акций общества, вправе обратиться в суд с иском к члену совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличному исполнительному органу общества (директору, генеральному директору), члену коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции), а равно к управляющей организации или управляющему о возмещении убытков, причиненных обществу, в случае причинения им вреда виновными действиями. По нашему мнению, это положение целесообразно распространить и на возможность подать заявление о возбуждении уголовного дела в отношении виновных руководителей коммерческих и иных организаций.

• Порядок и сроки ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела. По данной категории преступлений спецификой является большой объем материалов уголовного дела, который варьируется от 10 до 80 томов, что также используется в качестве способа противодействия. Так, рекордсменом по продолжительности ознакомления с материалами уголовного дела в г. Красноярске стал обвиняемый по уголовному делу по факту мошеннических действий при заключении договоров долевого строительства квартир, который знакомился с материалами уголовного дела в течение 3 лет.

3. Проблемы криминалистического характера.

• Серьезные сложности при доказывании субъективной стороны при расследовании данных преступлений, обусловленные как сложной конструкцией составов преступлений, так и сложностями их установления. Так, денежные средства,

полученные на застройку жилых домов, направлялись на погашение задолженностей организации, возникшей задолго до этого (уголовное дело в отношении Рабинера).

- Разграничение временного позаймствования и хищения при расследовании присвоения и растраты.

- Определение причинно-следственной связи между использованием лицом служебных полномочий и причинением вреда.

- При расследовании и разработке методик расследования преступлений в сфере экономики в предмет доказывания, кроме диспозиции статьи уголовного закона, входят отдельные гражданско-правовые нормы, которые еще более конкретизируют системы правовых целей расследования, что порождает очередную проблему. Дознаватель, следователь, прокурор, адвокат, суд в настоящее время вряд ли могут углубленно владеть всеми разнообразными, весьма динамично развивающимися отраслями права российской правовой системы (гражданским, коммерческим, земельным, финансовым, трудовым и т.п.), поэтому эти лица вынуждены обращаться к юридическим знаниям в этих отраслях как специальным для уголовного судопроизводства.

4. Проблемы организационного характера.

- Формирование доказательственной базы. Здесь следует отметить, что проблемы, указанные ранее, не зависят от профессиональных качеств следователей, остальные возникают непосредственно из-за их низкой квалификации (по оценкам экспертов, – у более 40% сотрудников следственных органов).

Недостаток профессионализма у опрошенных следователей подтверждают и данные изучения уголовных дел.

На основании изложенного можно предположить, что одними из причин низкой эффективности при расследовании преступлений в сфере экономики являются недостаток законодательных норм, регламентирующий данный вид деятельности работников следственных подразделений, а также не всегда высокие профессиональные качества.

Для устранения выявленных причин и трудностей необходимо восполнить пробелы нормативного регулирования данного вида деятельности следственного аппарата, принять меры к повышению профессионального уровня следственных подразделений, разработать рекомендации ситуационного характера по расследованию преступлений данной категории.

1 Уголовное дело №13059136 // Архив ГУВД по Красноярскому краю.

УДК 343

Елена Николаевна ПОГОРЕЛОВА,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и организации расследования преступлений
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ И НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

THE CORRELATION OF PROCEDURAL POWERS OF THE HEAD OF INQUIRY DEPARTMENT AND THE HEAD OF INQUIRY SUBDIVISION

Статья посвящена соотношению процессуального статуса начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и проблемам правового регулирования их статуса.

The article is devoted to correlation of procedural status of the head of inquiry department, the head of inquiry subdivision and the problems of legal regulation of their status.

Ключевые слова: дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания.

Keywords: the investigator, the chief of inquiry department, the chief of inquiry subdivision.

Анализ проблем законодательной регламентации полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания считаю необходимым начать с определения понятий органа дознания, и указанных должностных лиц, приведенных в тексте закона.

Пункт 24 ст. 5 и ч. 1 ст. 40 УПК РФ, определяющие понятие органов дознания, на мой взгляд, несколько не связаны между собой. Так, согласно п. 24 ст. 5 УПК РФ органы дознания – это государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с УПК РФ осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия. Однако основным признаком органов внутренних дел как органов дознания, а равно иных органов исполнительной власти является их наделение в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Представляется, данные правовые нормы

требуют уточнения и единообразного толкования.

Возможно, указание на осуществление оперативно-розыскной деятельности должно включаться в понятие «орган дознания» (п. 24 ст. 5 УПК РФ) как признак, отграничивающий органы дознания от иных органов исполнительной власти.

Согласно п. 17 ст. 5 УПК РФ начальником органа дознания может считаться не только сам руководитель соответствующего органа (например, ОВД), но и всякое «должностное лицо органа дознания... уполномоченное давать поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий, осуществлять иные полномочия, предусмотренные Кодексом».

Однако подразделение дознания в определенном смысле можно считать органом дознания, начальник подразделения дознания – должностное лицо органа дознания, и в его полномочия также входят поручения о производстве дознания

и неотложных следственных действий. Под это определение подпадают и начальники специализированных подразделений дознания. Следовательно, в определенном смысле начальника подразделения дознания можно считать начальником органа дознания.

Полномочия начальника органа дознания в отличие от полномочий начальника подразделения дознания в законе четко не определены. Более того, о начальнике органа дознания как субъекте процессуальной деятельности законодатель говорит в 10 статьях УПК РФ. Во всех иных случаях речь в законе идет либо об органе дознания, либо о дознавателе.

Понятие начальника органа дознания дано в п.1 7 ст. 5 УПК РФ; это – должностное лицо органа дознания, в том числе заместитель начальника органа дознания, уполномоченное давать поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий, осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Начальник органа дознания может действовать в процессе и как самостоятельная процессуальная фигура, когда речь идет о внутренних взаимоотношениях в органе дознания (ч.ч. 1, 4 ст. 41, ч. 3 ст. 144 УПК РФ), и от имени органа дознания в целом, когда вступает в отношения с другими субъектами, – в последнем случае закон, имея в виду начальника органа дознания, употребляет термин «орган дознания» (ч. 1 ст. 157 и др.). Действуя в этих качествах, начальник органа дознания (а в ряде случаев – и его заместитель) вправе возлагать на должностное лицо органа дознания полномочия органа дознания (ч. 1 ст. 41 УПК РФ), продлевать по ходатайству дознавателя срок проверки сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), давать дознавателю обязательные указания (ч. 4 ст. 41 УПК РФ) по всем вопросам проведения дознания, возбуждать уголовное дело при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно (ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 157 УПК РФ), направлять уголовное дело руководителю

следственного отдела после возбуждения уголовного дела и выполнения неотложных следственных действий, а по уголовным делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, – для производства дознания (п. 3 ст. 149 УПК РФ), утверждать обвинительный акт (ч. 4 ст. 225 УПК РФ). В то же время в некоторых случаях, говоря о действиях органа дознания, законодатель, очевидно, не имел в виду, что их всегда совершает либо дает специальное указание на их проведение сам начальник органа дознания (или его заместитель), хотя он, конечно, имеет такое право. Речь идет о задержании лица по подозрению в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ), направлении сообщения о задержании подозреваемого (ч. 3 ст. 92 УПК РФ), проведении неотложных следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий (ст. 157 УПК РФ).

Вместе с тем, обращаясь к понятию дознавателя, которому может быть поручено производство дознания, считаем необходимым указать следующее. В соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Процессуальный статус дознавателя должностные лица органов внутренних дел могут приобрести в двух случаях:

1) когда должностное лицо ОВД правомочно в силу своего служебного положения осуществлять расследование преступлений в форме дознания;

2) когда начальник органа дознания уполномочил кого-либо из должностных лиц ОВД осуществлять уголовно-процессуальные полномочия, иными словами, делегировал подчиненному сотруднику осуществление уголовно-процессуальных обязанностей, присущих дознавателю.

Соответственно, функции дознавателя могут быть делегированы как штатному дознавателю, и он в этом случае является лицом, правомочным на производство

дознания, так и любому иному сотруднику органа дознания (участковому уполномоченному, оперуполномоченному уголовного розыска, оперуполномоченному ОБЭП и другим) за исключением случаев, если данное лицо проводило или проводит по этому уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК РФ), и данное лицо будет являться лицом, уполномоченным на производство дознания.

Анализ УПК РФ позволяет утверждать, что начальником органа дознания полномочия дознавателя могут быть делегированы любому должностному лицу, начальником же подразделения дознания поручение о производстве дознания может быть дано только сотруднику специализированного подразделения, то есть лицу, правомочному на производство дознания. Таким образом, в отношении начальника подразделения дознания вопросов не возникает.

Что касается возложения полномочий дознавателя начальником органа дознания, то здесь необходимо признать, что механизм делегирования процессуальных полномочий (или уполномочивания) не получил должного регулирования в УПК РФ. В деятельности ОВД делегирование процессуальных полномочий осуществляется путем написания начальником органа дознания соответствующей резолюции подчиненному сотруднику подразделения службы криминальной милиции либо милиции общественной безопасности. Под резолюцией следует понимать решение, распоряжение начальника в форме надписи на бумагах по конкретному вопросу.

Резолюцию начальника органа дознания следует рассматривать как своеобразную доверенность на производство процессуальной деятельности тем должностным лицом, которому она адресована. Именно резолюция начальника органа дознания является правовым основанием для осуществления должностными лицами ОВД различных видов уголовно-процессуальной деятельности, а также моментом приобретения конкретным должностным лицом ОВД статуса дознавателя.

Вместе с тем в деятельности органов внутренних дел поручение о производстве дознания принимает в связи с неурегулированностью в законе самые различные формы. Следует признать, что такое положение недопустимо ни в соответствии с требованиями к законодательной технике, ни в соответствии с правилами делового документооборота.

Между тем и в юридической литературе встречаются разные точки зрения на этот счет. Так, Б.Я. Гаврилов указывает, что возложение на сотрудника органа внутренних дел полномочий по осуществлению функции предварительного расследования в форме дознания, исходя из содержания ч. 1 ст. 41 УПК РФ, осуществляется приказом или распоряжением в письменной форме, изданным начальником органа внутренних дел или его заместителем. В этом случае сотрудник ОВД приобретает процессуальный статус дознавателя.¹

Возложить на дознавателя полномочия органа дознания по расследованию преступления в форме дознания вправе только начальник органа дознания или его заместитель. Буквальное уяснение данного требования ч. 1 ст. 41 УПК РФ свидетельствует о том, что дознаватель не может приступить к проверке сообщения о преступлении без соответствующего указания начальника органа дознания или его заместителя. В то же время согласно правовым предписаниям, содержащимся в ч. 1 ст. 145 и ч. 1 ст. 146 УПК РФ, дознаватель уполномочен принимать решение о возбуждении уголовного дела без какого-либо предварительного согласования с руководителями органа дознания.

Не может не вызывать обоснованного недоумения, с учетом содержания ч. 17 ст. 5, ст.ст. 40, 144, 146, 148, 157 УПК РФ и некоторых других, предусматривающих право и обязанность начальника органа дознания принять, проверить сообщение о преступлении, при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, возбудить уголовное дело с вынесением соответствующего постанов-

ления, произвести расследование в установленном законом порядке с соблюдением процессуальных сроков, отсутствие в данном случае полномочия начальника органа дознания на составление итогового процессуального документа – обвинительного акта. Согласно ст. 225 УПК РФ обвинительный акт составляется дознавателем. Получается, что начальник органа дознания в полном объеме проводит расследование преступления в форме дознания, а обвинительный акт по результатам расследования должен будет составлять дознаватель данного органа дознания с последующим утверждением его у начальника этого же органа дознания. Очевидно, что это не только усложняет производство дознания, но и просто нелогично. Представляется совершенно справедливым предложение О.А.Малышевой о дополнении ч. 1 ст. 225 УПК РФ после слов «По окончании дознания» словами «орган дознания».²

Полагаем, что, являясь руководителем, начальник органа дознания должен иметь возможность самостоятельно принимать решения по всем вопросам, которые подлежат разрешению должностными лицами подчиненных ему подразделений. Таким образом, помимо принадлежащих только начальнику органа дознания процессуальных полномочий, он должен быть наделен всеми полномочиями подчиненных ему сотрудников. Подобные утверждения неоднократно высказывались в научной литературе.³

Следующую проблему, на наш взгляд, порождает п. 1 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ, устанавливающий полномочие начальника подразделения дознания поручать дознавателю выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу. Вместе с тем ст. 41 УПК РФ четко определяет: полномочия органа дознания, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ (п. 2 данной статьи гласит: «На органы дознания возлагаются: ... 2) выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предвари-

тельного следствия обязательно, – в порядке, установленном статьей 157 настоящего Кодекса»), возлагаются на дознавателя начальником органа дознания или его заместителем.

Возникает вопрос: так кто же имеет право поручать дознавателю выполнение неотложных следственных действий.

Казалось бы, ответ очевиден: на это правомочны и начальник органа дознания, и начальник подразделения дознания. Однако, на наш взгляд, не мешало бы четко оговорить данный момент в тексте уголовно-процессуального закона. Сложившееся сегодня положение дел неприемлемо для такой сферы общественных отношений, как правоприменительная деятельность, и в частности уголовное судопроизводство, где затрагиваются правовой статус личности, ее права и свободы.

Обращая внимание на то, что теперь в одном органе двое должностных лиц вправе давать поручения о производстве дознания, неотложных следственных действий и их указания обязательны для исполнения дознавателем, акцентируем еще раз внимание на том, что сегодня «правомочные» дознаватели обязаны подчиняться и начальнику подразделения дознания, и вышестоящим начальникам – начальникам ОВД и их заместителям по МОБ. Более того, начальник подразделения дознания помимо процессуальных возможностей обладает и административными возможностями в отношении подчиненных ему дознавателей, что чревато утратой последними процессуальной самостоятельности. Процессуальная самостоятельность дознавателя и так ограничивалась процессуальным контролем начальника органа дознания и прокурора, а теперь еще и начальника подразделения дознания.

Вообще целесообразность столь обширных властных полномочий прокурора по отношению к дознавателем при осуществлении надзора вызывает, мягко говоря, сомнения, по крайней мере, положения п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, который наделяет прокурора правом давать дознавателю обязательные для него письменные

указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий. С учетом этого дознаватель вовсе лишен какой-либо самостоятельности ввиду того, что суть его деятельности заключается в производстве расследования. По мнению Д.А. Гришина, с которым мы полностью солидарны, «в указанных полномочиях прокурора нет необходимости. Если законодатель опасается нарушения законности при производстве дознания, то в данном случае прокурор дает согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайств о производстве процессуальных действий, в частности применение меры пресечения, требующих судебного разрешения, утверждает обвинительный акт. В противном случае законодатель опять-таки изначально признает несостоятельность данной формы расследования, неспособность должностного лица подразделения дознания, как правило, лица с высшим юридическим образованием, самостоятельно на должном уровне провести расследование, обеспечив соблюдение закона»⁴.

При рассмотрении процессуального статуса начальника подразделения дознания напрашивается вывод о неоправданном лишении его права давать дознавателю указания о привлечении лица в качестве обвиняемого (тем более что изменения, внесенные в ч. 3 ст. 224 УПК РФ тем же законом, разрешили имевшиеся споры о возможности предъявления обвинения при производстве дознания) и ограничении права ходатайствовать перед прокурором об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя только случаями, когда такое постановление вынесено в связи с принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Как мы уже установили, полномочия начальника подразделения дознания, в отличие от полномочий начальника органа дознания, четко регламентированы в ст. 40.1 УПК РФ. Начальник подразделения дознания по отношению к подчиненным дознавателям вправе поручать не только выполнение неотложных следственных действий или производство дознания

по уголовному делу, но и проверку сообщений о преступлении и принятие по нему решения в порядке ст. 145 УПК РФ, изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи, отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу, вносить прокурору ходатайства об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, давать дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

По мнению А. Александрова и С. Белова, введение законодателем в число участников уголовного судопроизводства начальника подразделения дознания в определенной мере ослабляет процессуальное положение начальника органа дознания, статус которого сохраняется номинально, но перестает иметь практическое процессуальное значение, бывшее и ранее весьма неопределенным.⁵ Данная точка зрения представляется справедливой.

Вместе с тем процессуальные действия, которые УПК РФ позволяет или обязывает выполнять орган дознания, начальник подразделения дознания может выполнять самостоятельно или поручать дознавателям вверенного ему специализированного подразделения. При этом начальник подразделения дознания в процессуальном плане независим от начальника органа дознания, и поднадзорен прокурору, который уполномочен реализовывать в отношении его полномочия, предусмотренные ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Здесь, на наш взгляд, кроется еще одна проблема, ведь элементы процессуальной иерархии между начальником органа дознания и начальником подразделения дознания имеются. Так, начальник органа дознания назван в качестве инстанции, в которую дознаватель может обратиться с

жалобой на указание начальника подразделения дознания. Однако УПК РФ не описывает полномочия начальника органа дознания, поэтому не ясно, как указанный субъект может отреагировать на поступившую жалобу. Мы полагаем, что начальник органа дознания обладает по отношению к начальнику подразделения дознания полномочиями, аналогичными тем, что начальник подразделения дознания имеет по отношению к дознавателю. Следовательно, если начальник органа дознания придет к выводу о том, что указания начальника подразделения дознания, данные дознавателю, незаконны или необоснованны, он вправе отменить эти указания.

Анализ процессуальных полномочий начальника подразделения дознания, достаточно подробно регламентированных, при «разбросанности» норм, устанавливающих таковые в отношении начальника органа дознания, позволяет сделать вывод о необходимости регламентации полномочий начальника органа дознания в отдельной статье, которая по логике должна следовать после ст. 40 УПК РФ, посвященной органу дознания.

Полагаем необходимым разграничить компетенцию начальника органа дознания (процессуальный контроль за деятельностью «уполномоченных» дознавателей) и подразделения дознания (процессуальный контроль за деятельностью «правомочных» дознавателей, поскольку контроль за деятельностью «уполномоченных» дознавателей начальник подразделения дознания осуществлять не может, так как они ему не подчинены: это будет противоречить ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ).⁶

Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания и начальника органа дознания должны соотноситься как часть и целое без излишнего дублирования. Правовой статус начальника органа дознания выше, чем статус начальника подразделения дознания, и он может осуществлять в отношении его контрольно-надзорные полномочия подобно тем, что осуществляет начальник подразделения дознания в отношении дознавателя.

1 Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК Российской Федерации : учебное пособие. М. : Следственный комитет при МВД России. 2003. С.13.

2 Малышева О.А. К вопросу об уголовно-процессуальном статусе дознания // Российский судья. 2004. №5.

3 См., напр.: Есина А.С. Дознание; должностные лица, осуществляющие дознание. М., 2005. С.12; Ее же. Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД РФ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С.56; Мингалин Н.Ш. Милиция как орган дознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1988. С.14; Марфицин П.Г. Некоторые правовые и организационные проблемы осуществления дознания милицией // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов ВНИИ. М., 1995. С.23.

4 Гришин Д.А. К вопросу о совершенствовании производства дознания // Российский следователь. 2008. №1.

5 Александров А., Велов С. Поддержание государственного обвинения в суде: новая роль дознавателя // Российская юстиция. 2002. №12. С.48.

6 Ларкина Е.В. Производство дознания специализированными подразделениями милиции общественной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С.14.

УДК 340

Татьяна Васильевна РЕШЕТНЕВА,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права Института права,
социального управления и безопасности
Удмуртского государственного университета (г. Ижевск),
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРАДИЦИЯ»
И ЕГО ПРАВОВОМ ОФОРМЛЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO THE ISSUE OF THE DEFINITION OF «EXTRADITION»
AND ITS LEGAL CLEARANCE IN THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье исследуется понимание экстрадиции в узком и широком смыслах, исходя из последнего подхода, поддержанного автором, предлагается дефиниция экстрадиции и определяется ее правовая природа.

The article examines the understanding of extradition in narrow and broad sense and, on the basis of the latter approach, supported by the author, the definition of «extradition» is proposed and its legal nature is determined.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, передача осужденных к лишению свободы в государство их гражданства.

Keywords: extradition, extradition for prosecution or enforcement, transfer of convicts to the state of their citizenship.

В юридической науке и практике, как справедливо отметил А.И.Джигирь, «значение вопроса об определении терминов, отвечающих требованиям емкости, точности и унификации, приобретает все большее значение. И это особенно заметно в рамках института экстрадиции, где сталкиваются законодательства большого количества государств, обладающих разными языковыми системами и правовыми традициями»¹. Тем не менее до настоящего времени в юридической литературе (как по международному, так и по уголовному праву и уголовному процессу) не сложилось единого понимания экстрадиции и ее правовой природы. Несмотря на то что УПК РФ не использует термин «экстрадиция», его можно встретить в некоторых подзаконных и правоприменительных актах. Например, п.1.2.5 указания Генеральной прокуратуры РФ от 18 октяб-

ря 2008 г. №212/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения» употребляет правовую конструкцию «экстрадиционная проверка»; п.108.2 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола (от 6 октября 2006 г.)² и п.1.5.8 Инструкции по ведению судебной статистики, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 декабря 2007 г. №169 рассматривают понятия «выдача» и «экстрадиция» в качестве тождественных категорий. Термин «экстрадиция» используется также в правоприменительных актах Верховного Суда РФ.³ Существование

подобной ситуации представляется неприемлемым ввиду того, что уголовно-процессуальное законодательство требует использования единой терминологии, к тому же обозначение одного и того же института и выдачей, и экстрадицией, фиксация в тексте подзаконного акта категорий «экстрадиция», «экстрадиционная проверка», неизвестных УПК РФ, вносят разночтения в понимание, толкование и применение экстрадиции сотрудниками правоохранительных органов. В связи с этим целесообразным представляется включение в УПК РФ (в частности, в ст. 5) дефиниции «экстрадиция».

В юридической литературе экстрадицию понимают в узком и в широком смыслах.

Понимание экстрадиции в узком смысле сводится к ее отождествлению с выдачей. При этом анализ специальной литературы показывает, что эта позиция является общепринятой.⁴ А.И.Джигирь полагает, что «на доктринальном уровне синонимичность терминов “экстрадиция” и “выдача” является бесспорной, а следовательно, их использование в научной литературе допустимо в равной степени»⁵. Ранее советские, а в настоящее время многие российские авторы понятие выдачи (экстрадиции) определяют исходя из данного подхода. В словаре-комментарии к УПК РФ экстрадиция определяется как выдача лица (для уголовного преследования или исполнения приговора).⁶ В.Коняхин полагает, что институт выдачи лиц, совершивших преступление, или экстрадиции, «представляет собой совокупность нормативных предписаний, регламентирующих передачу лица, совершившего преступление, одним (запрашиваемым) государством другому (запрашивающему) государству для привлечения к уголовной ответственности и (или) отбывания наказания»⁷. По мнению О.М.Хлобустова, «экстрадиция – предусмотренная международными соглашениями и национальным уголовно-процессуальным законодательством процедура выдачи по запросу компетентных органов иностранного государства лица (лиц), обоснованно подозреваемого или изобличенного в проведении преступной деятельности»⁸. При этом применительно к вы-

даче в юридической литературе часто используют словосочетание «выдача преступников»⁹. Следует согласиться с мнением российских ученых Г.В.Игнатенко и Л.А.Лазутина относительно того, что словосочетание «выдача преступников» не согласуется ни с текстами нормативных актов, ни с ситуациями в большинстве случаев, когда виновность лица в совершении преступления еще не установлена.¹⁰ Поэтому, исходя из специфики выдачи (в частности, из видов выдачи), следует говорить не о выдаче преступников, а о выдаче обвиняемых, подсудимых, осужденных. Целью выдачи (экстрадиции), в узком понимании экстрадиции, является «оказание государствами друг другу помощи по розыску, привлечению к уголовной ответственности, преданию суду и наказанию лиц, совершивших преступления»¹¹.

Понимание экстрадиции в широком смысле – менее популярно в юридической литературе, с этой позиции экстрадицию практически не рассматривают, а существующие труды подвергаются жесткой критике¹² со стороны приверженцев узкого подхода. Термин «экстрадиция» (extradition) (образован от латинских слов «ex» – из, вне и «tradition» – передача) впервые получил официальное закрепление во Франции.¹³ Ранее термином «extradere» обозначалось, как известно, принудительное возвращение беглого подданного своему суверену. Сегодня смысл и значение данного термина применительно к экстрадиции изменился.¹⁴ По справедливому мнению А.К.Романова, О.Б.Лысягина, «экстрадиция и выдача – не тождественные понятия. Экстрадицию нельзя сводить к выдаче и объяснять ее выдачей, прежде всего потому, что в современных условиях выдачей преступников экстрадиция не ограничивается. Как известно, процедура экстрадиции может завершаться и отказом в выдаче. Кроме того, нормы уголовно-процессуального законодательства выделяют, с одной стороны, выдачу для уголовного преследования (этим вопросам посвящена гл. 54 УПК РФ), а с другой – передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания (регламентируется в гл. 55 УПК РФ) ...»¹⁵, включая «также такие ее разно-

видности, как отсроченная передача и передача с условиями»¹⁶. В связи с этим А.К.Романов и О.Б.Лысягин выделяют формы реализации экстрадиции: 1) выдача; 2) отказ в выдаче; 3) отсрочка выдачи; 4) временная выдача; 5) экстрадиционный транзит (в частности, вопросам экстрадиционного транзита посвящены ст.ст. 16, 17 Берлинской конвенции 1978 г.)¹⁷; 6) передача.¹⁸ Все они связаны с экстрадицией, охватываются ее нормами, но исключительно к выдаче лиц для уголовного преследования и исполнения приговора не сводятся. Кроме того, при рассмотрении запроса об экстрадиции российские компетентные органы могут столкнуться с коллизией (конкуренцией) запросов о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, запросов о передаче осужденного, поступивших от нескольких иностранных государств в отношении одного и того же лица.

По обоснованному мнению А.К.Романова, О.Б.Лысягина, «в целом институт экстрадиции остается пока еще малоизученным, нередко ему отказывается в праве на самостоятельное существование...»¹⁹.

Безосновательно выглядит сужение тех возможностей, которыми на сегодня реально располагает институт экстрадиции. Это приводит к искаженным представлениям о формах, содержании и результатах экстрадиционной деятельности. Недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с понятием экстрадиции, ее принципами и концепциями. При этом следует отметить, что нормативное регулирование экстрадиции на международно-правовом и внутригосударственном уровнях еще далеко не сложилось. Оно, как и экстрадиционная практика в целом, переживает период интенсивного развития.²⁰

Усложнение отношений, связанных с расширением межгосударственного сотрудничества в уголовной сфере, транснациональный характер преступлений и последствий, вызванных преступной деятельностью, приводят к тому, что разнообразные процедуры (по содержанию, по видам государственных органов, вовлекаемых в экстрадиционные мероприятия), базирующиеся на общих принципах, критериях,

используемых при решении спорных вопросов относительно запросов, поступающих от нескольких иностранных государств с требованиями/просьбами (о выдаче, передаче), должны быть объединены единым термином, и наиболее оптимальным представляется термин «экстрадиция».

Исходя из широкого понимания экстрадицию следует рассматривать как институт права, характеризующийся сложной внутренней структурой, включающий такие субинституты, как выдачу (обвиняемых, осужденных, подсудимых), передачу осужденных лиц к лишению свободы в государство их гражданства, группу норм, регламентирующих экстрадиционные мероприятия (например, экстрадиционный транзит, решение вопросов о коллизии запросов (о выдаче, передаче), поступивших от нескольких государств). При этом экстрадиция является комплексным и полисистемным институтом права. Комплексный характер института экстрадиции проявляется в том, что он включает в себя отдельные нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального права с преобладанием последних. Полисистемность института экстрадиции заключается в том, что помимо национально-правовых норм он включает в себя имплементированные в российскую правовую систему соответствующие международно-правовые нормы. Комплексный, полисистемный характер института экстрадиции влияет на природу соответствующих правоотношений. Можно констатировать, что правоотношения в области экстрадиции по своей природе являются сложными интегрированными отношениями, часть которых носят международно-правовой характер, а часть – внутригосударственный. При этом внутригосударственные уголовно-процессуальные отношения в сфере экстрадиции выступают в качестве обеспечительных (к международно-правовым). Отмеченное обстоятельство влияет на природу сотрудничества по вопросам экстрадиции. Поэтому следует выделить международный уровень сотрудничества в области экстрадиции, представленный деятельностью государств, в необходимых случаях международных организаций и опирающийся на нормы международного права, и внутригосудар-

ственный уровень сотрудничества, представленный деятельностью соответствующих внутригосударственных органов (прокуратуры, полиции (милиции), суда и др.), опирающийся как на нормы национального права, так и на нормы международного права.

Исходя из широкого понимания института экстрадиции в его рамках необходимо выделить разные по объему структурные элементы: субинститут выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора; субинститут передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве их гражданства; группу норм, регламентирующих проведение экстрадиционных мероприятий: экстрадиционную проверку, экстрадиционный транзит, решение вопросов о коллизии запросов (о выдаче, передаче), поступивших от нескольких иностранных государств. В связи с этим в качестве легального определения понятия «экстрадиция» для включения в ст. 5 УПК РФ можно предложить следующее: «Экстрадиция представляет собой выдачу лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, передачу лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве их гражданства, и связанные с ними мероприятия».

1 Джигирь А.И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. 2008. №6. С.107.

2 Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : утверждена приказом от 6 октября 2006 г. МВД РФ №786, Минюста РФ №310, ФСБ РФ №470, ФСО РФ №454, ФСКН РФ №333, ФТС РФ №971 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. №47. 20 ноября.

3 См. напр.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 ноября 2006 г. №89-

о06-38; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 января 2006 г. №53-о05-105 // СПС КонсультантПлюс.

4 См. напр.: Строганова А.К. Условия и основания отказа в выдаче // Российский следователь. 2002. №3; Коняхин В. Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // Законность. 2005. №1 и др.

5 Джигирь А.И. Указ. соч. С.108.

6 Словарь-комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. И.В.Смоляковой. М.: Издат-во «Юрлитинформ», 2008. С.162.

7 Коняхин В. Указ. соч.

8 Хлобустов О.М. О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом // Российский следователь. 2006. №5.

9 См., напр., монографические исследования: Валеев Р.М. Указ. соч.; Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

10 Международное право : учебник для вузов / отв. ред. проф. Г.В.Игнатенко и проф. О.И.Тиунов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С.429.

11 Строганова А.К. Указ. соч.

12 См., напр., работы, критикующие позицию А.К.Романова, О.Б.Лысягина: Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. 2007. №3. С.12.; Джигирь А.И. Указ. соч. С.107.

13 Джигирь А.И. Указ. соч. С.108.

14 Романов А.К., Лысягин О.Б. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика // Право и политика. 2005. №3.

15 Там же.

16 Там же.

17 См. подр.: Данилов Е.П. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейные материалы. Судебная и адвокатская практика : образцы документов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, 2004. С.24.

18 См.: Романов А.К., Лысягин О.Б. Указ. соч.

19 Там же.

20 Там же.

УДК 343

Георгий Валерьянович АБШИЛАВА,
президент Международного центра защиты прав
и интересов юридических и физических лиц
(г. Екатеринбург), кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ СТОРОНАМИ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

TO THE ISSUE ON CONDITIONS OF THE PRE-TRIAL AGREEMENT
BETWEEN THE PARTIES IN CRIMINAL CASE

В статье анализируется предмет досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном деле. Показывается, какие условия могут стать предметом данного соглашения. Утверждается, что основанием для заключения соглашения может быть совершение любого преступления. Заключаться соглашения могут только для раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных другими лицами, а не самим обвиняемым.

The subject of the pre-trial agreement in criminal case is analyzed in the article. The author considers conditions which may become a subject of the given agreement. It is stated that commission of any crime can be the basis for concluding an agreement. Pre-trial agreements may be concluded only for solution of serious and grave crimes committed not by the accused himself but by the other persons.

Ключевые слова: предмет досудебного соглашения о сотрудничестве, условия, основание для заключения соглашения.

Keywords: the subject of the pre-trial agreement on cooperation, conditions, the basis for entering agreement.

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законах ничего не говорится о том, что нормы главы 40.1 УПК РФ применяются только при расследовании тяжких или особо тяжких преступлений в отношении самого обвиняемого, выступающего субъектом соглашения о сотрудничестве.

Поэтому мы считаем, что материально-правовой предпосылкой для заключения соглашения о сотрудничестве может

быть факт совершения любого преступления, а не только тяжкого или особо тяжкого. Предметом соглашения, действительно, может быть сотрудничество в раскрытии только тяжких и особо тяжких преступлений (не меньше), побудить же к сотрудничеству обвиняемого может его уголовное преследование за совершение любого преступления.

Само по себе событие преступления не может быть предметом соглашения о сотрудничестве; элементы юридического состава и прочие обстоятельства, которые принято относить к материально-правовому содержанию уголовно-процессуальных отношений, не могут быть предметом соглашения о сотрудничестве. Но предметом соглашения сторон могут быть обстоятельства, влияющие на реализацию

уголовной ответственности по отношению к лицу, чья вина в совершении определенного преступления доказана органом предварительного расследования, то есть производные правовые явления.

Иными словами, предметом соглашения могут быть, с одной стороны, посткриминальные действия обвиняемого, связанные с его сотрудничеством с властями, а с другой – действия властей, касающиеся определения вида и размера уголовной ответственности, к которой будет привлечен этот обвиняемый, но также и полное освобождение его от ответственности.

Предмет соглашения – это воплотившиеся в условия соглашения основания его заключения, которые побудили стороны заключить его и добиваться через выполнение этих условий решения своих задач, а в конечном итоге цели соглашения. Разъясним данную мысль.

На наш взгляд, предметом соглашения о сотрудничестве могут быть указанные как в п. «и», так и в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ действия обвиняемого. Кроме того, предметом соглашения может быть также поведение обвиняемого, (1) оговоренное в ст. 75 УК РФ, (2) специально предусмотренное соответствующими статьями Особенной части УК РФ, то есть то, что понимается под «деятельным раскаянием». Предметом соглашения будут действия обвиняемого, направленные на раскрытие тяжкого или особо тяжкого преступления, на обнаружение тяжкого или особо тяжкого преступления или возбуждение уголовных дел по таким преступлениям (п. 3 ч. 4 ст. 317.7, п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ). Более того, предмет соглашения могут составить и другие дополнительные условия, которые должен выполнить обвиняемый. Очевидно, что конструирование особого, договорного, круга обстоятельств, составляющего предмет соглашения о сотрудничестве, предоставляется законодателем сторонам. В уголовном и уголовно-процессуальном законах лишь обозначены основные параметры этого предмета, но указанные в законе условия соглашения не являются исчерпывающими. Еще раз

подчеркнем, что предмет соглашения есть продукт договоренности сторон, искусственный юридический элемент, который надстраивается на основе, существующей в реальной действительности независимо от воли сторон. Стороны вольны распоряжаться только элементами «смягчающего ответственность обстоятельства», условиями ответственности обвиняемого.

Уголовно-процессуальная процедура, регламентированная главой 40.1 УПК РФ, – это форма применения норм, заключенных в ст.ст. 61–63.1 УК РФ, или, иначе сказать, предметом соглашения может быть применение или неприменение правоприменителем тех или иных уголовно-правовых норм, регламентирующих реализацию уголовной ответственности. Развивая нашу мысль, укажем, что предметом соглашения сторон, а соответственно, уголовно-правовым фундаментом института досудебного соглашения, являются смягчающие обстоятельства, предусмотренные п.п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 и ст. 62 УК РФ, а также иные обстоятельства, образующие объективный состав деятельного раскаяния, предусмотренного в ст. 75 УК РФ, а также в примечаниях к ряду статей Особенной части УК РФ. Содержание собственно «деятельного раскаяния» как бы растворяется в перечне тех действий, которые охватываются «смягчающими обстоятельствами», и не образует собственно института деятельного раскаяния по общему смыслу закона.

Есть смысл рассмотреть элементарный состав досудебного соглашения о сотрудничестве, изложенный в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в ряду однопорядковых с ним правовых явлений, а именно «явки с повинной» и «деятельного раскаяния».¹

В п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ соответствующее смягчающее обстоятельство раскрывается так: «и) явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления».

«Деятельное раскаяние» определяется в ст. 75 УК РФ как добровольная явка лица с повинной после совершения преступления, способствовавшие раскрытию и расследованию совершенного им преступления, возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного в результате преступления. «Явка с повинной» входит и в состав деятельного раскаяния, и в состав смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

В части 2 ст. 317.1 УПК РФ говорится о «содействии следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления». Сквозным термином для трех определенных является следующее действие – «способствование раскрытию и расследованию преступления». Но если в деятельном раскаянии речь идет о способствовании раскрытию и расследованию только своего преступления, то при досудебном соглашении обвиняемому необходимо способствовать раскрытию и расследованию не только преступления (преступлений), совершенного (совершенных) им самим, но и преступлений, совершенных другими лицами. «Содействие в изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления» надо истолковать в широком смысле: не только соучастников, но и других лиц, о преступной деятельности которых известно обвиняемому.

Если деятельное раскаяние направлено как бы вовнутрь, то досудебное соглашение направлено скорее наружу того предмета уголовно-правового отношения, которое возникло между обвиняемым и государством после совершения преступления. Если деятельное раскаяние замыкается рамками деяния, совершенного самим обвиняемым, то досудебное соглашение о сотрудничестве главным образом заключается ради получения содействия в раскрытии преступлений, совершенных другими соучастниками данного преступления, и для раскрытия иных тяжких,

особо тяжких преступлений, совершенных лицами, не причастными к совершению обвиняемым преступления, за которое он подвергается уголовному преследованию. Благодаря заключенному соглашению о сотрудничестве уголовное преследование не только и не столько реализуется против самого обвиняемого, но обращается против других преступников. Еще одним самостоятельным направлением сотрудничества может быть оказание содействия в розыске имущества, полученного преступным путем как самим обвиняемым, так и другими лицами.

Несмотря на то что в главе 40.1 УПК РФ нигде не упоминается явка с повинной как необходимый атрибут сотрудничества, надо заключить, что его содержательный момент, а именно добровольное сообщение новых данных о преступлении, присутствует в данном институте.

Явка с повинной является поводом для возбуждения уголовного дела. Это сообщение о преступлении, сделанное добровольно самим лицом, совершившим это преступление. Однако в правовом обиходе данное понятие наделено рядом признаков, позволяющих его квалифицировать как смягчающее обстоятельство, которые стоит привести.

В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. №2 говорится: «Явка с повинной в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учитывается в тех случаях, когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщило органу, осуществляющему уголовное преследование, о совершенном им или с его участием преступлении (статья 142 УПК РФ). Сообщение о преступлении, сделанное лицом после его задержания по подозрению в совершении преступления, не исключает признания этого сообщения в качестве смягчающего наказания обстоятельства. Если же органы следствия располагали сведениями о преступлении (показаниями потерпевших, свидетелей, процессуальными документами и т.п.) и задержанному лицу было известно об этом, то подтверждение им факта

участия в совершении преступления не может расцениваться как явка с повинной, а признается в качестве иного смягчающего наказание обстоятельства (например, изобличение других участников преступления). Если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу обвинительного приговора, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания. Сообщение лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях, неизвестных органам уголовного преследования, следует признавать как явку с повинной и учитывать при назначении наказания при осуждении за эти преступления. При совокупности совершенных преступлений явка с повинной как обстоятельство, смягчающее наказание, учитывается при назначении наказания за преступление, в связи с которым лицо явилось с повинной»². Необходимо обратить внимание на то, что явка с повинной, сделанная даже после изобличения обвиняемого органом предварительного расследования, может быть признана смягчающим обстоятельством, если сопровождалась «изобличением других участников преступления». Итак, явка с повинной может быть связана как с самоизобличением, так и изобличением соучастников совершенного преступления. В последнем случае полезность явки повышается.

Явка с повинной, можно сказать, есть «плавающий элемент» в юридическом составе основания досудебного соглашения о сотрудничестве: она может быть, но может и не быть. Деятельное раскаяние у обвиняемого может наступить и после того, как он будет изобличен в совершенном преступлении, в таком случае явка с повинной отсутствует, но смягчающее обстоятельство возникает, поскольку ценность сотрудничеству придают другие элементы состава классического деятельного раскаяния.

Итак, по общему правилу одной явки с повинной, одного деятельного раскаяния обвиняемого недостаточно, чтобы состоялось досудебное соглашение, нужен выход при оказании содействия обвинительной власти за пределы того обвинения, которое предъявляется самому обвиняемому; ему недостаточно раскаяться в содеянном, важно оказать содействие в раскрытии иных преступлений.

Впрочем, мы не склонны к догматическому толкованию положений закона и поэтому не вполне разделяем следующее утверждение А. Гричаниченко: «Кроме того, должны быть преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым. В противном случае в действиях обвиняемого будет иметь место смягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, – активное способствование раскрытию и расследованию преступления (или явка с повинной)»³. Это слишком узкий подход к пониманию института, образованного главой 40.1 УПК РФ. Он не учитывает его диспозитивной, согласительной природы. Закон, как нам представляется, только в общих чертах определяет параметры соглашения, а в остальном предоставляет сторонам свободу усмотрения относительно того, в чем должно заключаться сотрудничество. Опять же надо напомнить, что назначение нового института состоит в том, чтобы обвиняемые содействовали раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений. Если без содействия обвиняемого невозможно раскрыть особо тяжкое преступление, совершенное им самим, разыскать имущество, значит, прокурор может заключить с ним соглашение о сотрудничестве. Ставить достижение этой цели в зависимость от мелочных условий и формальностей было бы недальновидно.

Можно также отметить, что явка с повинной не образует обязательного условия заключения досудебного соглашения. Она может входить в качестве одного из элементов в состав смягчающего ответственность обвиняемого обстоятельства (п. «и»

ч. 1 ст. 61 УК РФ), она может быть предметом досудебного соглашения о сотрудничестве (например, обвиняемый обязуется сообщить о неизвестных тяжких преступлениях, совершенных им самим и другими лицами). Вместе с тем присущий явке с повинной признак добровольности сотрудничества с органом уголовного преследования пронизывает весь институт, регламентированный главой 40.1 УПК РФ. Следовательно, обязательным условием заключения соглашения о сотрудничестве является согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, дача им признательных показаний. Если другие элементы юридического состава обстоятельства, смягчающего ответственность (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), связанные с изобличением иных лиц в совершении тяжких или (и) особо тяжких преступлений, могут присутствовать в действиях обвиняемого не в полном объеме, то как минимум обвиняемый должен признать свою вину в инкриминируемом ему преступлении, согласиться с предъявленным ему обвинением.

Между тем деятельное раскаяние – это более сложное и широкое понятие. По мнению большинства специалистов, институт деятельного раскаяния есть самостоятельный институт в уголовном праве и уголовном процессе.⁴ При этом многие справедливо отмечают, что понятие «деятельное раскаяние» не более чем условное. Законодатель сконструировал институт деятельного раскаяния в качестве некоего «собирательного» или «эклективного» основания освобождения от уголовной ответственности в виде назначения наказания⁵, объединив в его рамках различные по юридической природе явления.

Содержание деятельного раскаяния как основания к прекращению уголовного преследования (дела) и освобождения лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ заключается в том, что лицо полностью признает свою вину и не только словесно выражает раскаяние в содеянном, но и подтверждает его конкретными по-

ступками. Уголовный закон указывает в качестве признаков деятельного раскаяния на добровольную явку с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличение других соучастников преступления и розыск имущества, добытого преступным путем, а также оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба, а также физического и морального вреда, причиненных в результате преступления, или иным образом заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п.п. «и», «к» ст. 61, 75 УК РФ). Указанные обстоятельства (при отсутствии отягчающих ответственность обстоятельств, указанных в ст. 62 УК РФ) делают возможным прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования.

Исследователи отмечают, что формализация деятельного раскаяния ограничивает его применение и снижает стимулирующую роль данного института, особенно той его разновидности, которая предусматривается ч. 2 ст. 75 УК РФ и ч. 2 ст. 28 УПК РФ. Требовать выполнения всего перечня элементов, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, применительно к этим случаям было бы неправильно: наличие данного факта может быть признано и при отсутствии одного из признаков деятельного раскаяния, предусмотренных в ч. 1 ст. 75 УК РФ. Оценка состоявшегося деятельного раскаяния должна осуществляться индивидуально с учетом всех факторов, определявших поведение обвиняемого, и конечного результата, достигнутого органом уголовного преследования с его помощью.

Итак, имеет место пересечение трех понятий – явки с повинной, деятельного раскаяния и смягчающего обстоятельства, реализуемых в форме досудебного соглашения о сотрудничестве; у них есть единое понятийное ядро, позволяющее говорить о наличии между ними если не родства, то сходства.

1 Правильнее даже говорить, что их больше, так как различают две разновидности деятельного раскаяния, первая предусмотрена ч.1 ст.75 УК РФ и ч.1 ст.28 УПК РФ, вторая регламентируется ч.2 ст.75 УК РФ, ч.2 ст.28 и ст.28.1 УПК РФ, однако в данном случае это различие не существенно.

2 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. №2 (ред. от 29.10.2009) // СПС КонсультантПлюс.

3 Гричаниченко А. Особый порядок судебного решения: сравнительный анализ содержания глав

40 и 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. 2010. №1. С. 83.

4 См. об этом, напр.: Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М., 1999. С.38-42; Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2003. С.403-410; Матвеева Ю., Сумин А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Российская юстиция. 2001. №9. С.23-24; Шерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. С.8.

5 См.: Головки Л.В. Указ. соч. С.404.

УДК 519.872

Евгений Станиславович СЕМЕНКИН,
профессор кафедры системного анализа
и исследования операций Сибирского
государственного аэрокосмического университета
им. акад. М.Ф.Решетнева (г. Красноярск),
доктор технических наук, профессор

Сергей Николаевич ЕФИМОВ,
профессор кафедры социально-экономических
наук и информатики Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат технических наук, доцент

Антон Александрович МЕЛЬНИКОВ,
преподаватель-методист отдела технических
средств обучения Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск)

Дмитрий Сергеевич СТЕЛЬМАШ,
начальник сектора безопасности и защиты
безопасности Емельяновского отделения №6190
Сбербанка России (п. Емельяново
Красноярского края)

ВЫБОР МЕТОДА АВТОМАТИЗАЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРИ КРЕДИТОВАНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

THE CHOICE OF A METHOD OF AUTOMATION OF DECISION-MAKING AT CREDITING PHYSICAL PERSONS

Статья посвящена проблеме выбора метода автоматизации принятия решений при кредитовании физических лиц в банковской сфере. Рассмотрены различные технологии интеллектуального анализа данных, приведены практические результаты решения задач.

The article is devoted to the problem of a choice of a method of automation of decision-making at crediting physical persons in bank sphere. Various technologies of the intellectual analysis of data are considered, practical results of problem solving are described.

Ключевые слова: интеллектуальный анализ данных, искусственные нейронные сети, генетическое программирование.

Keywords: intellectual analysis of data, artificial neural networks, genetic programming.

Системы интеллектуального анализа данных (ИАД) – одно из наиболее перспективных направлений развития информационных технологий. Разработка систем ИАД является актуальной научно-технической задачей для таких областей, как управление сложными технологическими процессами, прогнозирование развития природных и антропогенных катастроф, управление безэкипажными боевыми машинами, разработка систем глобальной безопасности, обработка экспериментальных данных и др.

ИАД предъявляет чрезвычайно высокие требования к квалификации разработчиков и применяемым вычислительным средствам.

Проблема недостатка квалифицированных специалистов может быть в значительной степени ослаблена с помощью автоматизации процесса разработки систем интеллектуального анализа данных для конкретных приложений. В этом случае основные алгоритмы будут генерироваться автоматически и адаптивно настраиваться на решаемую задачу. Основную роль будут играть специалисты в прикладной области, а не разработчики информационных систем. Тем самым разработка систем интеллектуального анализа данных значительно ускорится, а затраты на ее разработку снизятся.

Информационные технологии интеллектуального анализа данных

Основная задача интеллектуального анализа данных – извлечение скрытой информации из баз данных, накопленных в конкретной предметной области. Закономерности процессов предметной области могут быть извлечены из базы данных, содержащей результаты экспериментов или наблюдений за поведением изучаемого объекта, с помощью специальных информационных технологий. Основные интеллектуальные информационные технологии, применяемые при таком подходе, – это искусственные нейронные сети (ИНС), системы на нечеткой логике (НЛС), метод генетического программирования (ГП).

ИНС являются самообучающимися системами, которые при выбранной структуре (число слоев нейронов, число нейронов на каждом слое, типы функций активации, виды синаптических связей между нейронами) и имеющемся «задачнике» в состоянии автоматически настроить весовые коэффициенты синапсов таким образом, чтобы в дальнейшем при предъявлении новых входов генерировать релевантные выходы. Это дает возможность решать задачи аппроксимации, классификации, распознавания, управления и др. Положительной чертой ИНС является их способность к самообучению. Недостатком с точки зрения интеллектуального анализа данных является то, что ИНС являются «черным ящиком», то есть их работа не может быть объяснена в явном виде (вся сила ИНС скрыта в структуре и наборе весовых коэффициентов). С точки зрения удобства разработки ИНС их недостатком является то, что выбор подходящей структуры требует высокой квалификации конечного пользователя, чего трудно ожидать на практике от специалистов конкретных предметных областей. С точки зрения аппаратной реализации недостатком ИНС является то, что они обычно проектируются избыточными (многогослойными с послойной организацией связей «от каждого к каждому»), а значит, излишне громоздкими. Таким образом, для эффективного применения ИНС необходимо разрабатывать методы, позволяющие автоматизировать проектирование ИНС произвольной конфигурации (нейроны, функции активации, конфигурация связей и др.), минимальные по сложности и оптимальные по точности решения задач, с обеспечением возможности извлечения знаний в явном виде.

В данном направлении получены следующие результаты:

– разработан, реализован и проверен на классических тестовых и реальных задачах подход, позволяющий извлекать из обученной нейронной сети произвольной конфигурации знания в виде правил «если... то ...иначе»¹;

– разработаны, реализованы и проверены на тестовых и реальных задачах системы автоматизации нейросетевого моделирования² на основе генетических алгоритмов, автоматически генерирующих оптимальную структуру ИНС с произвольной организацией функционирования и выбором функций активации для каждого нейрона, а также настраивающих весовые коэффициенты синаптических связей;

– разработана, реализована и проверена на тестовых и реальных задачах система автоматического проектирования и настройки нейронных сетей на основе алгоритма генетического программирования, генерирующего структуру ИНС, и генетического алгоритма, настраивающего весовые коэффициенты.³

Системы на нечеткой логике являются интеллектуальными информационными системами, содержащими знания об объекте или явлении в явном виде. Эти знания сформулированы в базе знаний в виде правил-продукций на основе лингвистических переменных и нечеткой логики. Явный вид знаний, предъявляемых пользователю НЛС, является положительной чертой данного подхода. С точки зрения интеллектуального анализа данных недостатком НЛС является необходимость взаимодействия между экспертом предметной области и разработчиком, в ходе которого создается база знаний и формализуются правила принятия решений. Основное время разработки НЛС уходит на то, чтобы эти специалисты обучили друг друга своей профессии. К концу разработки инженер по знаниям становится «квази-экспертом» в предметной области, а эксперт становится почти профессионалом в интеллектуальных информационных технологиях. Создание НЛС – это не только дорогостоящая, но и чрезмерно длительная процедура. Автоматизация настройки НЛС затруднительна, если взаимодействуют люди-специалисты. С точки зрения аппаратной реализации НЛС также имеет недостаток избыточности, а значит, и громоздкости получаемых устройств. В связи с этим для эффективного использования

НЛС необходимо разрабатывать методы автоматизации проектирования НЛС, обеспечивающие генерирование релевантной и оптимальной по составу базы знаний и тонкую настройку лингвистических переменных.

Результатами, полученными в данной области, являются:

– система автоматизированного проектирования баз знаний НЛС, содержащая алгоритм генерирования базы правил, методику оценки эффективности базы правил и алгоритм оптимизации базы правил⁴, прошедшая апробацию на реальных практических задачах;

– программная система автоматического формирования нечеткого логического контроллера⁵, автоматически генерирующая базу правил с помощью нейронных сетей и генетического алгоритма и настраивающая семантику лингвистических переменных с помощью алгоритма оптимизации;

– система эволюционного формирования экспертных систем на нечеткой логике, генерирующая обобщенные правила с помощью алгоритма генетического программирования и настраивающая семантику с помощью генетического алгоритма оптимизации⁶, прошедшая апробацию на тестовых и реальных практических задачах.

Алгоритм генетического программирования является интеллектуальной информационной технологией, способной автоматически строить математические модели в аналитическом виде, решая задачу символьной регрессии. Положительной для ИАД чертой алгоритмов ГП является то, что они в состоянии генерировать истинные функциональные зависимости (при правильной методике применения), неизвестные до начала работы. Недостатком ГП является его трудоемкость, а также то, что его эффективность существенно зависит от выбора настроек, который трудно сделать даже специалисту. Итак, для эффективного применения ГП необходимо установить правильную методику его применения, позволяющую находить истинные или близкие к истинным функ-

циональные зависимости и дополнить ГП механизмом самонастройки.

В данной области получены следующие результаты:

- системы решения задачи символьной регрессии алгоритмом генетического программирования с адаптивной настройкой коэффициентов функциональной зависимости стандартным и модифицированным генетическим алгоритмом⁷, позволяющие за счет точного выбора коэффициентов получать с большой вероятностью точные математические модели;

- коэволюционный алгоритм генетического программирования⁸, обладающий свойством самонастройки параметров, позволяющим его применять конечному пользователю, не имеющему глубоких знаний теории эволюционного моделирования, прошедший апробацию на тестовых и реальных практических задачах.

Описанные подходы к разработке инструментария для интеллектуального анализа данных и поддержки принятия решений при управлении сложными системами (по отдельности и в различных сочетаниях) успешно применялись при выполнении конкретных прикладных разработок в области авиационной и космической техники⁹, управления технологическими процессами¹⁰ и в других технических областях¹¹, а также в областях психологии и медицины¹² и управления инновационной и инвестиционной деятельностью¹³.

Решение задачи автоматизации принятия решений при кредитовании физических лиц

Основной долей доходов банка являются доходы, полученные от кредитования. Выделяют два вида кредитования: кредитование частных клиентов и кредитование юридических лиц. Если при кредитовании юридических лиц довольно просто оценить возможные кредитные риски, связанные с невозвратом заемных средств банку, то при кредитовании физических лиц данную оценку провести без

помощи автоматизированной системы довольно сложно. В каждом отделении Сбербанка РФ для принятия решения о выдаче кредита физическому лицу созывается кредитный комитет и коллегиально принимается положительное или отрицательное решение о выдаче кредита.

В условиях современного экономического кризиса не только Сбербанку РФ, но и любому другому банку принципиально важно минимизировать любые возможные риски, связанные с кредитованием, а также уменьшить материальные и производственные затраты, связанные с судебными тяжбами по возврату заемных средств.

Чтобы уменьшить нагрузку на сотрудников, увеличить скорость рассмотрения кредитных заявок и минимизировать невозврат заемных средств при выдаче потребительских кредитов, разработана автоматизированная система поддержки принятия решений (СППР) кредитного скоринга.¹⁴

Скоринговая система помогает на этапе приема документов от потенциального заемщика на основе полученных о нем данных оценивать вероятность возврата заемных средств и тем самым улучшает качество кредитного портфеля банка.

В СППР используется метод генетического программирования для построения математической модели в аналитическом виде. Математическая модель позволяет вычислить прогноз в виде вероятности возвращения кредита. Исходными данными для системы являются: положительная/отрицательная кредитная история в Сбербанке РФ, задолженности в Сбербанке РФ по кредитам (поручительства), задолженность перед другими кредитными организациями, положительная/отрицательная кредитная история в других кредитных организациях, задолженность по налогам и прочим сборам и штрафам (данные поступают от службы судебных приставов и ГИБДД), наличие/отсутствие задолженности организации по заработной плате, налогам и прочим сборам, средняя зара-

ботная плата в данной организации, прочая негативная информация о заемщике (приводы в милицию, наличие судебных решений и т.п.), наличие и количество иждивенцев, наличие имущества.

Конечно, окончательное решение о выдаче кредита остается за кредитным комитетом банка, но результат, который выдает скоринговая система, занимает не последнее место в принятии решения.

В настоящий момент система проходит тестирование и находится на стадии доработки специалистами управления автоматизации Восточно-Сибирского банка Сбербанка РФ.

После завершения тестирования системы проблемную задолженность физических лиц будет гораздо проще спрогнозировать на начальном этапе рассмотрения кредитной заявки и выдачи кредита, чем когда она появляется практически внезапно и приходится прилагать большие усилия, чтобы вернуть заемные средства. В перспективе возможно более широкое использование данной системы при рассмотрении заявок по другим видам кредитования.

1 Ильин Е.С., Семенкин Е.С. Интеллектуальная система анализа данных на основе нейронных сетей. М.: ВНИИЦ, 2004. Гос. рег. №50200400996.

2 Семенкин Е.С., Тынченко В.В., Тынченко В.С. Генетические алгоритмы выбора структуры и настройки искусственных нейронных сетей. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200601955.

3 Липинский Л.В., Семенкин Е.С. Система эволюционного формирования нейросетевых моделей сложных систем. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200602025.

4 Галыгин А.Н., Семенкин Е.С. Автоматическое формирование и оптимизация базы правил нечеткой логики. М.: ВНИИЦ, 2004. Гос. рег. №50200401213.

5 Липинский Л.В., Малько В.А., Семенкин Е.С. Интеллектуальные технологии автоматизации проектирования системы управления на нечеткой логике. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200600369.

6 Липинский Л.В., Семенкин Е.С. Система эволюционного формирования интеллектуальных систем на нечеткой логике. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200602024.

7 Жуков В.Г. Программная реализация метода генетического программирования с адаптивной настройкой коэффициентов для решения задачи символьной регрессии. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200601392.

8 Жуков В.Г., Семенкин Е.С. Программная система моделирования сложных систем с помощью коэволюционного алгоритма генетического программирования. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200601391.

9 Гречкосеева О.А., Процыков Г.В., Семенкин Е.С. Оптимизация размещения наземных станций слежения за орбитальными группировками космических аппаратов. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200601025.

10 Корнейчук Е.О., Семенкин Е.С., Ефимов С.Н. Коэволюционный алгоритм оптимизации конструкции зубчатых передач. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200600586.

11 Тынченко В.С., Семенкин Е.С., Ефимов С.Н. Автоматизированная система поддержки принятия решений «Формирование эффективной конфигурации GRID-системы» [Текст]. М.: ВНИИЦ, 2008. Гос. рег. №50200802059.

12 Прогнозирование успешности учебной и служебной деятельности образовательных учреждений МВД России / В.А.Терсков [и др.]. Красноярск: СибУИ МВД России, 2004.

13 Ворожейкин А.Ю., Медведев А.В., Семенкин Е.С. Автоматизированное рабочее место инвестиционного аналитика. М.: ВНИИЦ, 2006. Гос. рег. №50200600629.

14 Ефимов С.Н., Мельников А.А., Стельмаш Д.С. Решение задачи символьной регрессии при разработке автоматизированной системы кредитного скоринга // Математические методы и информационно-технические средства : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С.46-53.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Голоса молодых

УДК 343

Андрей Леонидович КАРЛОВ,
адъюнкт факультета по подготовке научно-педагогических
кадров Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

ПРЕДМЕТ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ:
СИСТЕМНЫЙ И ЧАСТНЫЙ АНАЛИЗ

THE SUBJECT OF PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION:
THE SYSTEM AND PARTICULAR ANALYSIS

В статье рассматриваются вопросы, связанные с теоретическим обоснованием и практическим применением нового правового института – досудебного соглашения о сотрудничестве, а именно такого его элемента, как предмет досудебного соглашения. Автором выделены составляющие его элементы, раскрыто их соотношение и характерные особенности, обозначены уголовно-процессуальные проблемы содержания предмета досудебного соглашения и реализации отдельных включенных в него обязательств.

The article considers the issues connected with theoretical basis and practical application of the new legal institution – pre-trial agreement on cooperation, namely its such element as the subject of pre-trial agreement. The author identified its constituent elements, disclosed their correlation, and characteristics, and also designated the criminal procedural problems of the subject of pre-trial agreement and realization of some commitments included in it.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, назначение наказания, признание вины, особый порядок судебного разбирательства.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, sentencing, confession, special procedure of a trial.

Российская система правосудия продолжает динамично развиваться и в нее периодически включаются все новые правовые институты, каждый из которых проходит свой путь перед тем, как утвердиться и занять свое место в правоприменительной практике. Такой путь на

данный момент проделывает институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный Федеральным законом от 29 июня 2009 г. №141-ФЗ¹. Особенность его состоит в том, что в сферу уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений включается элемент гражданско-

правовой природы. Следует отметить, что данная динамика вполне закономерна, так как отражает процессы, происходящие как в государстве – развитие и широкое распространение рыночных отношений, так и в сфере правосудия – тенденции к максимальному проявлению состязательности в уголовном процессе и принципа целесообразности (экономии ресурсов). Как и большинство новелл, досудебное соглашение о сотрудничестве вызвало бурное обсуждение в научной среде и зачастую обоснованную критику, поскольку рассматриваемый институт содержит массу существенных противоречий как системного, так и частного, процессуально-применительного, характера.

Целью данной статьи является анализ проблематики лишь одного из элементов указанной законодательной конструкции – предмета досудебного соглашения о сотрудничестве.

Понятие «предмет соглашения» к рассматриваемому институту, конечно, можно отнести с оговоркой, так как в полном смысле данный устоявшийся в законодательстве термин можно определить как содержание договора, включающее условия взаимной двусторонней договоренности.² При этом даже теоретический анализ статей УК РФ и УПК РФ о досудебном сотрудничестве позволяет усомниться во взаимном двустороннем и договорном характере предмета данного соглашения.

Прежде всего, сам по себе предмет досудебного соглашения может включать две составляющие:

1) обязательства, которые принимает на себя сторона обвинения в интересах стороны защиты;

2) обязательства, на которые готова пойти сторона защиты в интересах стороны обвинения.

Если попытаться сравнить их, то налицо разный характер их вариативности. Так, обязательства, которые в результате заключения соглашения о сотрудничестве берет на себя сторона защиты, гораздо более разнообразны и могут быть прямо не связаны с материалами рассматриваемого уголовного дела, тогда как обяза-

тельства стороны обвинения, во-первых, все четко прописаны в законе, а во-вторых, могут быть исполнены только судом с учетом фактически установленных по уголовному делу обстоятельств.³ В такой ситуации представляется неясным, о достижении какого взаимного соглашения может идти речь. Если строго следовать букве закона, любые «договоренности» в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве носят сугубо односторонний характер, так как сторона защиты на момент заключения соглашения располагает сведениями обо всех обстоятельствах, впоследствии могущих стать смягчающими, а сторона обвинения, кроме признания, закрепления и применения данных обстоятельств и норм, никакими другими возможностями в отношении подозреваемого (обвиняемого) не располагает.

Несмотря на указание в п. 61 ст. 5 УПК РФ на то, что «указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого», участие стороны обвинения ограничивается лишь дачей согласия на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве в зависимости от позитивных постпреступных действий, которые намеревается выполнить подозреваемый, обвиняемый. Можем возразить, сославшись на положения ст.ст. 62, 63.1 УК РФ о назначении более мягкого наказания и особых условиях ответственности при наличии смягчающих обстоятельств и заключенном досудебном соглашении, однако в соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ данные нормы применяются только судом и на момент заключения досудебного соглашения вероятность их применения распространяется на подозреваемого, обвиняемого вне зависимости от воли стороны обвинения, то есть автоматически при принятии решения о заключении досудебного соглашения. Указанное противоречие также отмечено в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы от 8 февраля 2008 г. №2.2-1/429: «На момент заключения соглашения о сотрудничестве неизвестно и не может быть известно, к каким выводам придет суд по

результатам исследования в судебном заседании характера и пределов содействия следствию со стороны подсудимого, как оценит суд значимость оказанного содействия и другие обстоятельства... Соответственно, в заключаемом соглашении о сотрудничестве не может предопределяться, какие смягчающие наказание обстоятельства будут установлены и учтены судом и какие нормы уголовного законодательства будут подлежать применению при постановлении приговора»⁴. Разделяя указанную точку зрения, А.Г.Калугин не менее критичен и, определяя действия прокурора при заключении досудебного соглашения, указывает на их противоречие принципам осуществления правосудия только судом и свободы оценки доказательств, поскольку «вопросы окончательной уголовно-правовой оценки деяния, выбора вида и размера наказания относятся к исключительной компетенции суда, который не может быть связан какими-либо обязательствами, данными друг другу сторонами»⁵.

Используя данный подход можно заключить, что сторона обвинения не располагает какими-либо процессуальными возможностями, которые могут заинтересовать сторону защиты и стать собственно предметом «торга», что ставит под сомнение суть двустороннего соглашения. Следовательно, содержащиеся в досудебном соглашении «обязательства» стороны обвинения о применении смягчающих обстоятельств и вынесении более мягкого приговора не могут входить в предмет досудебного соглашения, потому что их исполнение не зависит от указания в тексте досудебного соглашения. Данные «обязательства», на наш взгляд, находятся вообще за рамками соглашения, и их скорее можно признать последствиями реализованного досудебного соглашения о сотрудничестве.

Стоит добавить, что при заключении досудебного соглашения наиболее «ценным» из смягчающих обстоятельств является п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ «явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других

соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления», так как при его наличии в соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания уменьшается вдвое. Но содержание данного смягчающего обстоятельства практически дословно дублирует положения УК РФ и УПК РФ, касающиеся предмета соглашения о сотрудничестве (действий, которые в рамках соглашения обязана выполнить сторона защиты). Таким образом, довольно сложно представить ситуацию, при которой подозреваемый, обвиняемый в полной мере выполнили указанные в досудебном соглашении обязательства и в отношении их по каким-либо причинам не было бы применено указанное смягчающее обстоятельство.

Бесспорно, само обвинение или какие-либо его элементы не могут являться предметом досудебного соглашения, что, на наш взгляд, вполне оправданно, так как в противном случае фактические обстоятельства совершенного преступления формально подверглись бы фальсификации, а истина по делу – искажению, что противоречит основополагающим принципам российского правосудия. Также сторона обвинения не может взять на себя обязательства по изменению или отмене меры пресечения, так как ее применение может зависеть только от соответствия фактически установленных обстоятельств указанным в законе основаниям. Но в таком случае возникает резонный вопрос, что же понимать под «условиями ответственности», о согласовании которых идет речь в п. 61 ст. 5 УПК РФ.

В ст. 2 и ст. 3 УК РФ прямо указано, что основания и принципы уголовной ответственности, наказуемость и иные уголовно-правовые последствия преступного деяния являются предметом регулирования УК РФ и могут устанавливаться только этим кодексом, соответственно, об уголовно-правовой ответственности речи идти не может. А что касается уголовно-процессуальной ответственности, то здесь можно согласиться с А.П.Рыжаковым, который по этому поводу пишет: «В соглаше-

нии о сотрудничестве не могут оговариваться условия уголовно-процессуальной ответственности подозреваемого, так как ответственность наступает за правонарушение, а совершение подозреваемым уголовно-процессуальных правонарушений не может быть предметом соглашения о сотрудничестве»⁶. В то же время если попытаться провести аналогию с общими условиями уголовной ответственности, перечисленными в ст.19 УК РФ (вменяемость лица и достижение им установленного законом возраста), ситуация становится еще более запутанной.

На сегодняшний день сложно однозначно сказать, допускает ли законодатель расширительное толкование данной нормы и таким образом предоставляет некое «поле» для взаимных уступок, либо под условиями ответственности понимается лишь применение смягчающих обстоятельств и особых условий назначения наказания.

Неоднозначный характер понятия «условия ответственности», складывающаяся практика и активная позиция стороны защиты порождают определенные трудности при решении вопроса о включении в предмет досудебного соглашения тех или иных условий. На наш взгляд, достаточно интересным является вопрос об использовании в тексте досудебного соглашения, например, такого условия, как включение в обвинительную речь государственного обвинителя, участвующего в судебном разбирательстве дела, просьбу о применении при назначении окончательного наказания положений ст.64 УК РФ, определяющих возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи, и о применении к осужденному положений ст.73 УК РФ, допускающих условное осуждение.⁷ Ценность указанного условия для стороны защиты очевидна, так как ч.5 ст.317.7 УПК РФ предусмотрено лишь право суда применить данные нормы, а позиция государственного обвинителя по этому вопросу может существенно повлиять на принятие окончательного решения при назначении наказания. При положительном ответе на этот вопрос можно без сомнения утверждать, что по-

добные обязательства входят в предмет досудебного соглашения, так как полностью подчинены воле стороны обвинения и их исполнение может быть обеспечено вне зависимости от каких-либо внешних факторов.

Формальных препятствий выполнению такого обязательства, с нашей точки зрения, не имеется, однако возникает вопрос, можно ли допустить, чтобы выступающий в суде государственный обвинитель в своих действиях был ограничен условиями досудебного соглашения, заключенного без его участия. При разрешении данного вопроса можно использовать приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. NN107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам». В п. 1.21 данного приказа говорится о том, что при расхождении позиций государственных обвинителей с мнением, выраженным в представлении прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по делу, они обязаны незамедлительно доложить об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, и тот, в свою очередь, должен принять исчерпывающие меры к обеспечению законности и обоснованности государственного обвинения. В случае принципиального несогласия с позицией государственного обвинителя прокурор в соответствии со ст. 246 УПК РФ решает вопрос о замене государственного обвинителя либо о поддержании обвинения самостоятельно.⁸ По «духу» данного положения нетрудно понять, что государственному обвинителю ничего не остается, кроме как продублировать выводы, содержащиеся в представлении прокурора, а также выполнить указанные в соглашении обязательства.

Вопрос о допустимости включения в текст досудебного соглашения подобных обязательств крайне важен, так как только их наличие оправдывает формулировку данного правового института, в противном случае, как отмечалось выше, о

заключении какого-либо соглашения, на наш взгляд, говорить нельзя.

На первый взгляд при определении условий, которые обязуется выполнить сторона защиты, трудностей не возникает и данные обязательства можно смело отнести к предмету досудебного соглашения. Как определено в ч.2 ст. 317.1 УПК РФ, «подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления». Однако приведенное положение также можно толковать неоднозначно. Например, может ли быть предметом досудебного соглашения требование о признании подозреваемым (обвиняемым) вины в совершенном преступлении по «основному» уголовному делу? Ведь формального требования о признании вины, в отличие от особого порядка, регламентированного главой 40 УПК РФ, для досудебного соглашения в законе не предусмотрено. Изучение заключенных досудебных соглашений показало, что в каждом случае подозреваемый (обвиняемый) признает свою вину и соглашается с предъявленным обвинением, но формальное закрепление такого обязательства, на наш взгляд, вполне допустимо и не противоречит нормам законодательства. Данную точку зрения поддерживает С.А. Касаткина, которая пишет: «признание обвиняемым своей вины при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве можно рассматривать в качестве одного из элементов оказываемого обвиняемым следствию содействия в раскрытии сложных групповых преступлений...»⁹. Более того, на необходимость согласия с предъявленным обвинением в качестве обязательного условия заключения досудебного соглашения указано в решении Верховного Суда РФ: «...Изложенные обстоятельства не подтверждают согласие К. с предъявленным обвинением, что предусматривается ст.ст. 317-7 ч. 1, 316 УПК

РФ, и его заявление о желании сотрудничать с органами следствия...»¹⁰. Здесь необходимо пояснить, что, по нашему мнению, согласие с предъявленным обвинением подразумевает полное признание виновности в смысле ст.173 УПК РФ.¹¹ Указанные аргументы могут свидетельствовать о том, что следует согласиться с точкой зрения А.С.Александрова, что положения главы 40.1 УПК РФ являются специальными по отношению к общим правилам, установленным главой 40 УПК РФ,¹² а также что требование о согласии с предъявленным обвинением распространяется и на досудебное соглашение о сотрудничестве, однако однозначный вывод об этом на сегодняшний день сделать нельзя.

В итоге, рассмотрев лишь некоторые стороны предмета досудебного соглашения о сотрудничестве, убеждаемся в его неопределенности, позволяющей достаточно широко толковать нормы закона и затрудняющей следование истинной воле и намерениям законодателя. Остается только надеяться, что институт досудебного соглашения в ближайшее время будет усовершенствован и займет достойное место в системе уголовного судопроизводства России.

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2009 г. №141-ФЗ // Российская газета. 2009. 3 июля. №121 (4945).

2 Общий толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkslovar.ru/s8887.html>.

3 Данная позиция вытекает из буквального толкования положений закона, но не признается автором единственно правильной.

4 По проекту Федерального закона №485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» : заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 февраля 2008 г. №2.2-1/429 (первое чтение) // СПС КонсультантПлюс.

5 Калугин А.Г. О некоторых системных противоречиях главы 40.1 УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (18-19 февраля 2010 г.) : в 3 ч. / отв. ред. Д.Д.Невирко ; Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. Ч.2. С.202.

6 Рыжаков А.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: постатейный комментарий к новой главе УПК РФ. М.: Дело и Сервис, 2010. С.21.

7 Указанное положение имело место в тексте проекта досудебного соглашения по уголовному делу №855018, находившемуся в производстве Следственной службы Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

8 Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений

о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 г. №107 // Законность. 2010. №6. С.55-66.

9 Касаткина С.А. Признание обвиняемого : монография. М.: Проспект, 2010. С.194.

10 Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2010 г. №66-О10-41 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

11 Калугин А.Г., Мониц М.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением : монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. С.67.

12 Александров А.С. Трудности, мнимые и реальные, перевода текста главы 40.1 УПК РФ в плоскость правоприменения // Вестник Сибирского юридического института МВД России : научно-практический журнал. 2010. №1. С.6.

УДК 528.71:629

Данила Юрьевич БЛОХИН,
аспирант кафедры земельного кадастра
и объектов недвижимости Института землеустройства,
кадастров и природоустройства Красноярского
государственного аграрного университета

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СУДЕ КОСМИЧЕСКИХ СНИМКОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ФАКТА ПРАВОНАРУШЕНИЯ

LEGAL APPLICATION OF SPACE PICTURES IN THE COURT AS THE PROOF OF THE FACT OF AN OFFENCE

В данной статье рассматривается возможность применения космических снимков для доказательства факта правонарушения и начала судебного разбирательства.

The opportunity of possible application of space pictures for the proof of the fact of an offence and the opening of proceedings are considered in the given article.

Ключевые слова: космический снимок, дистанционное зондирование Земли, информация, фотография.

Keywords: space pictures, distance probing of the Earth, information, photo.

В настоящее время развитие науки и техники, в том числе электронных средств связи, дает большие возможности получения, передачи, обработки информации, фиксации ее различными способами и методами.

Полученная таким образом информация находит применение в различных областях человеческой жизни, в том числе и при разрешении конфликтных ситуаций в судебных органах, будучи представлена в качестве доказательств.

Снимки, переданные с космических объектов, являются разновидностью фотографических снимков, поскольку получены с использованием технологии фиксации оптических сигналов.

Детально порядок использования информации и защиты прав на нее установлен Федеральным законом от 20 февраля 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации», в соответствии с которым первичные данные дистанционного

зондирования Земли (ДЗЗ) являются чистой «информацией» без каких-либо интеллектуальных прав. Закон регулирует некоторые вопросы собственности на информацию, вопросы оборота информации и устанавливает основные регулятивные понятия, а также раскрывает некоторые нюансы отношений государства и общества в этой области. В частности, устанавливается, что информационные ресурсы могут быть государственными и негосударственными и как элемент состава имущества могут находиться в собственности граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений.

После того как первичные данные ДЗЗ обработаны, наступает такой момент, когда космический снимок выступает как объект авторского права и интеллектуальной собственности. Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом

творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведения, а также от способа его выражения. Вследствие этого авторское право распространяется как на обнародованные, так и на не обнародованные произведения, существующие в какой-либо объективной форме:

- звуко- или видеозаписи (механической, магнитной, цифровой, оптической и т.д.);
- изображения (рисунок, эскиз, картина, план, чертеж, кино-, теле-, видео- или фотокадр и т.д.).

Когда космический снимок зафиксирован на материальном носителе с реквизитами, позволяющими его идентифицировать, он приобретает статус документированной информации (документа) и юридическую силу после подписания его должностным лицом в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и должен быть включен в информационные ресурсы.

Юридическая сила документа, хранимого, обрабатываемого и передаваемого с помощью автоматизированных информационных и телекоммуникационных систем, может подтверждаться электронной цифровой подписью.

Юридическая сила электронной цифровой подписи признается при наличии в автоматизированной информационной системе программно-технических средств, обеспечивающих идентификацию подписи, и соблюдении установленного режима их использования.

Понятие и виды доказательств, используемых при рассмотрении дел, раскрываются в ряде процессуальных законов: Арбитражном процессуальном (АПК РФ), Гражданском процессуальном (ГПК РФ), Уголовно-процессуальном (УПК РФ) кодексах и Кодексе об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Согласно п. 2 ст. 64 АПК РФ в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы.

Иные документы и материалы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном АПК РФ.

Снимки из космоса можно отнести к категории «иных материалов и документов».

Согласно п. 1 ст. 55 ГПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом. К письменным доказательствам относятся приговоры и решения суда, иные судебные постановления, протоколы совершения процессуальных действий, протоколы судебных заседаний, приложения к протоколам совершения процессуальных действий (схемы, карты, планы, чертежи) (ГПК РФ).

Поэтому в гражданском процессе снимки из космоса возможно отнести к категории письменных доказательств.

Статья 74 УПК РФ в качестве доказательств допускает предоставление иных документов.

Иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления существенных для дела обстоятельств.

Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ.

Поэтому если снимки из космоса имеют значение для установления таких обстоятельств, как:

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.
- обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, то они могут быть отнесены к «иным документам».

В соответствии со ст. 26.2. КоАП РФ доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотрен-

ными КоАП РФ, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами.

Документы признаются доказательствами, если сведения, изложенные или удостоверяемые в них организациями, их объединениями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для производства по делу об административном правонарушении.

Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме. К документам могут быть отнесены материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, информационных баз и банков данных и иные носители информации (КоАП РФ).

В данном случае снимки из космоса также относятся к числу «иных документов».

Таким образом, указанные кодексы не раскрывают понятия снимков и не классифицируют их по источнику получения, но и не содержат ограничений для снимков, полученных с космических объектов. Снимки из космоса могут использоваться в качестве доказательств при условии, что они соответствуют критериям относимости и допустимости, а также получены в установленном законом порядке.

Снимки из космоса давно перестали быть только объектами сугубо научного изучения, находя все более широкое применение в повседневной жизни. В то же время во многих отраслях экономики России данные ДЗЗ из космоса либо не используются, либо их применение ограничено. Например, в России использование спутниковых изображений в суде в качестве доказательств не распространено, тогда как во многих развитых и развивающихся странах данные ДЗЗ все активнее входят в юридическую практику.

Проведем сравнительный анализ использования снимков из космоса в суде в России и в мире. Доказательства, в том

числе на основе спутниковых данных, можно определить как нечто, подтверждающее или опровергающее существование определенного факта.

Они представляются в судебном заседании, чтобы убедить судью в реальности факта, относящегося к рассматриваемому делу. Доказательствами могут быть устные показания свидетелей, экспертов-свидетелей, документы, справки, предметы, фотографии и иные материалы, которые представляют, проясняют или убеждают в истинности факта/вопроса и предъявляются судье. Целью доказательств является установление истины в споре.

Распространено мнение, что суд не примет в качестве доказательств снимок из космоса, поскольку невозможно установить подлинность предоставленного изображения, полученного с использованием цифровой техники. Действительно, подлинность цифрового документа вызывает сомнения, что подтверждается юридической практикой использования цифровых фотографий, электронной переписки, информации с веб-сайтов. Однако использование этих материалов давно вошло в судебную практику: на них основываются множество судебных дел во всем мире, и Россия не исключение.

Судьи оценивают предоставленные доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле материалов, руководствуясь не только законом, но и совестью. Сегодня, с учетом расширения использования цифровых устройств, рассмотрение информации, добытой с их помощью, становится обычной практикой российских судов.

До тех пор пока не будет оспорена действительность представленного доказательства, оно будет фигурировать в деле. При этом каждый участник судебного процесса имеет право ознакомиться с материалами судебного процесса, представляемыми противоположной стороной. То есть если снимок из космоса покажется подозрительным, то правомерно проведение его экспертизы. За фальсификацию

доказательств по гражданскому делу грозит до двух лет исправительных работ, а по уголовному – до семи лет лишения свободы. Доказать факт подделки снимка из космоса возможно, допустим, запросив экспертную оценку специалистов Экспертно-криминалистического центра МВД России, а также данные у оператора соответствующего космического аппарата. Таким образом, если спутниковое изображение действительно подлинное, то не стоит волноваться насчет признания корrekтности его использования.

Из наиболее известных случаев применения снимков из космоса в качестве доказательств можно привести в пример обоснование военной акции в Ираке представителем США на докладе в ООН. Основой доказательства наличия ОМУ в Ираке послужили снимки из космоса. При этом отсутствовала должная защита оппонировавшей стороны, которая могла бы оспорить действительность представленных доказательств. Таким образом, равного судопроизводства не было.

Информация об использовании снимков из космоса в судебных процессах все чаще фигурирует в международных СМИ. Так, широкий общественный резонанс в 2005 г. получил земельный спор в штате Аризона (США) против частного застройщика Дж.Джонсона и нескольких его компаний. В судебном процессе в качестве доказательств нелегальной расчистки земель под строительство использовались снимки спутника IKONOS. Согласно документам Министерства юстиции США Дж.Джонсон незаконно «расчистил» порядка 270 акров земель штата, 2000 акров частных земель в долине реки Санта-Крус и разрушил часть территории, где проводились археологические раскопки. В середине 2004 г. главный специалист географическо-информационной службы «Марана» обнаружил на снимках изменения местности по сравнению с данными 2003 г. Спутниковые изображения свидетельствовали о ходе работ по подготовке земель к строительству. «Марана» передала снимки властям штата Аризона, Департаменту

сельского хозяйства и Департаменту защиты окружающей среды Аризоны, которые выдвинули иски против застройщика. Снимки из космоса стали основой для начала разбирательства.¹

Интересное разбирательство состоялось в 1999 г., когда государства Ботсвана и Намибия устанавливали принадлежность ненаселенного острова Касикили на пограничной реке Линьянти (в Намибии остров называют Седуду) и его правовой статус. Соглашение между странами определяло прохождение государственной границы по главному руслу реки. Страны вели полемику по поводу того, какое из двух русел Линьянти является главным на основании данных об их глубине, ширине, скорости течения, характеристик дна и судоходности. Эксперты были вынуждены прибегнуть к использованию спутниковых данных и результатов аэрофотосъемки, определяя глубину и ширину русел.

Актуальной проблемой современности выступает загрязнение нефтью морских акваторий. Снимки из космоса стали важнейшим инструментом в мониторинге нефтяных пятен, а также информационной основой споров по выявлению виновников загрязнений в суде. Так, с помощью спутниковых данных в августе 1996 г. власти порта Сингапур добились признания подсудимых виновными в загрязнении морских вод. Причиной разбирательства стал судовый разлив у западного побережья Сингапура большого количества топлива и нефтяное пятно протяженностью 5 км, что и было зафиксировано спутником. После тщательного анализа изображения, а также образцов нефти, взятых с танкеров и из зоны загрязнения, власти смогли однозначно установить судно – источник загрязнения. Владелец судна, капитан и члены команды были признаны виновными и оштрафованы на 1,25 млн. долларов. Дело получило международный резонанс: это был один из первых случаев успешного применения спутниковых снимков в качестве доказательства нанесенного ущерба.

В России спутниковые снимки в качестве доказательств в судебных процессах стали использоваться сравнительно недавно. Например, в 2005 г. методами дистанционного зондирования проведены исследования 54 млн. га на территории семи субъектов России: Архангельской и Иркутской областей, Хабаровского, Приморского и Пермского краев и Республики Коми. По разновременным снимкам среднего и высокого разрешения выявлялись районы с наиболее интенсивными рубками леса. В случае, когда признаки нелегальной рубки были явными, их подтверждали крупномасштабной аэрофотосъемкой. Полученные данные проверялись на соответствие условиям договоров аренды. Таким образом, выявлялись нарушители, а данные документально оформлялись и передавались в Росприроднадзор, который обращался с заявлением в суд.

На особо охраняемой территории природного парка «Зов тигра» была проведена проверка незаконных рубок леса. Для проверки были использованы методы спутникового мониторинга и при поддержке Всемирного фонда дикой природы были приобретены снимки от 26 июля 2007 г. (вскоре после учреждения национального парка) и от 4 февраля 2008 г. (после предоставления земель национальному парку).

На снимках было отлично видно, что с июля 2007 г. по февраль 2008 г. в лесу появились «проплешины», происхождение которых не вызывает сомнений даже у человека, который не работает с космическими данными. Для дешифровки снимков были привлечены опытные специалисты, которые подтвердили существование незаконных рубок. На места рубок, выявленные на снимках, выехали сотрудники парка и инспектора Росприроднадзора. Они обнаружили незаконные деяния и установили факт поспешной рубки. На срубленных хвойных деревьях хвоя не пожелтела и не осыпалась, а на лиственных не было листвы. Значит, деревья рубились зимой, после листопада, то есть, уже после 28 ноября 2007 г. – передачи

земли «Зову тигра». На всех делянках были произведены промеры площади и учет срубленных деревьев. Выяснилось, что лес не просто незаконно валили на особо охраняемой природной территории, вели рубки самыми хищническими методами.

В рассматриваемых делах снимки из космоса наряду с различными документами и аэрофотоснимками выступали в качестве доказательств нанесенного ущерба.

В июне 2008 г. мировой судья Люберецкого района Московской области разрешил гражданский спор с помощью космических данных, полученных со спутника QuickBird. Снимок наряду с документами и показаниями свидетелей позволил разрешить земельный спор, подтвердив существование дачного строения на определенный период времени.

Подводя итог, отметим, что материалы дистанционного зондирования Земли из космоса, используемые в качестве доказательств в судебных процессах, имеют ряд преимуществ: снимки являются объективным отображением действительности, полностью исключая воздействие человеческого фактора.

В то же время и мировая, и российская судебная практика признают правомерность применения космических снимков в качестве доказательств только в том случае, если в деле наличествуют и иные доказательства, подтверждающие правовую позицию.

В дальнейшем спутниковая информация все чаще будет использоваться в

юридической практике. Важно, что снимки уже сейчас стали доступным доказательственным инструментом для юридических фирм, страховых компаний, государственных органов, частных лиц.

Конечно, снимки из космоса как единственный источник доказательства в суде не должны быть приняты, поскольку суд оценивает доказательства в комплексе. Однако в совокупности с другими доказательствами по делу снимки из космоса возможно приобщить к делу и использовать в качестве доказательств своей позиции по судебному разбирательству.

К сожалению, в России прецедента приобщения снимков из космоса в качестве доказательств по делу нет. В качестве аналогии можно привести пример со все более частым применением в качестве доказательств материалов, полученных посредством использования Интернета. Думается, что и снимки из космоса с учетом частого их применения будут использоваться в суде наравне с другими доказательствами по делу, так как они позволяют экономить время для принятия управленческих решений на профессиональном уровне, получать детализированную информацию как в мелкомасштабном, так и в крупномасштабном диапазонах в режиме реального времени.

1 Балагуров А.А. Практика применения космических данных в суде // Земля из космоса. Выпуск 2. М., 2009. С.60-62.

УДК 343.977

Буллат Гармажапович ДОНДУКОВ,
следователь следственного отделения
при ОВД по Баунтовскому району
Республики Бурятия (с. Багдарин)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРКОПРИТОНА
КАК МЕСТА НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF DRUG-DEN AS THE PLACE
OF ILLEGAL SELLING OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Место преступления является обстоятельством обстановки совершения данного преступления. В статье говорится о таком месте незаконного сбыта наркотиков, как наркопритон, изучение которого имеет большое криминалистическое значение.

The crime scene is the circumstance of the situation of crime commission. In given article is spoken about such place of the illegal marketing drug as the den for consumption drug. Its study is of great criminalistics importance.

Ключевые слова: наркоман, наркотики, преступление, сбыт, сбытчик.
Keywords: drug addict, drugs, crime, the Marketing, the drug dealer.

Место совершения преступления, по нашему мнению, это его территориально-пространственная характеристика.

Уголовная практика показывает, что незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ происходит в различных местах. Но при этом преступниками соблюдаются определенные условия: это должны быть такие места, где самой обстановкой обеспечивается конспирация незаконных действий, безопасность преступников, концентрация наркопотребителей. К местам, удовлетворяющим названным условиям, относятся наркопритоны. Данное обстоятельство существенно влияет на степень общественной опасности преступления, подобные обстоятельства закрепляются законодателем в диспозициях норм Особенной части УК РФ. В других случаях законодатель в

диспозициях соответствующих статей прямо не называет их, но данное обстоятельство можно определить исходя из смысла соответствующей статьи. Что касается организации и содержания притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ, то ими может быть любое помещение, специально приспособленное для этих целей: частное домовладение, квартира, комната, подвал, дача, гараж, сарай, заброшенное строение и т.д.

Притоны являются местами временно-го сосредоточения определенного рода микрогрупп криминального характера – лиц, объединившихся в нашем случае с целью систематического приобретения, изготовления, хранения и совместного потребления наркотиков. В других случаях притоны могут предоставляться только для потребления наркотиков. Систематич-

ность является по УК РФ одним из признаков данного преступления. Согласно п.32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. №14 для наступления уголовной ответственности достаточно предоставление помещения для указанных целей несколько раз. На практике в связи с тем, что наркопритон посещают одни и те же лица – наркозависимые, проведение ОРМ, кроме скрытого наблюдения извне, негласной аудиозаписи телефонных переговоров, затруднительно для правоохранительных органов. Для установления фактов незаконного сбыта и иных других незаконных действий с наркотиками при проведении ОРМ, например для проверочной закупки, следует привлекать клиентов данного притона.

Организация и содержание притонов могут служить источником получения преступных доходов, связанных со сбытом наркотиков, а также совершением иных преступлений.

В притонах сбыт осуществляет (снабжает) организатор и содержатель притона, сбытчиками выступает клиентура притона, притон снабжают сбытчики со стороны.

Сбытчиков манят притоны еще и тем, что там обитают полинаркоманы, употребляющие все виды наркотиков. Но в основном употребляются наркотики каннабисной группы, опиаты. Также в притонах кустарным способом изготавливают препараты из мака – ханку, кокнар, из конопли – АМФ, или химку, марихуану, гашиш. Подростки в притонах употребляют летучими ароматическими веществами (ЛАВ). Не будучи собственно наркотиками, они крайне опасны для физического и психического здоровья.

Следы кустарного изготовления и, соответственно, сбыта наркотиков (в основном угощение, продажа, дарение, инъекция и др.), о некоторых из них стало известно при изучении уголовных дел: растительное сырье из мака, конопли; вспомогательные вещества при изготовлении – уксус, ацетон, различные раствори-

тели, бензин; ведра, эмалированные чашки, полиэтиленовые бутылки с обрезанным горлышком, с отрезанным дном, горлышком, обмотанным фольгой с пакетом, на внутренних поверхностях которых имеются наслоения в виде пыли, налета от светло-зеленого до коричневого цвета, куски материи с пятнами коричневого цвета и с выраженными характерными запахами, отрезки фольги; медицинские жгуты, скрученный материал для имитации жгутов, шприцы, иглы от шприцов, закопченные ложки, скрученные со следами порошкообразных веществ различных цветов – от белого до коричневого (в зависимости от степени очистки); сами наркотические вещества и др. Следы наркотиков могут находиться и на других предметах – носителях.

Приведем пример из следственной практики одного из интервьюированных респондентов. Владелец квартиры-наркопритона гр-н Л. постоянно собирал у себя деревенскую молодежь, злоупотребляющую наркотическими веществами. Гр-н Л. совместно с напарниками периодически ходили по огородам – собирали верхушечные части дикорастущей конопли, то есть незаконно приобретали ее. Затем в наркопритоне они изготавливали из собранного сырья наркотическое средство – химку. Приготовив его, гр-н Л. с напарниками приглашали деревенскую молодежь и предлагали им совместно употребить наркотик.

Притоны привлекательны для сбытчиков еще и тем, что они концентрируют в себе постоянных платежеспособных приобретателей наркотиков. Тем самым у сбытчика, содержащего или обслуживающего наркопритон, имеется постоянный источник дохода.

Коллективное употребление наркотика особенно характерно для злоупотребляющих наркотическими препаратами каннабисной группы, так как ощущение эйфории, «кайфа» передается по кругу. Ощущения усиливаются и обогащаются от зрительного восприятия друг друга. Для потребителей героина притон притягате-

лен тем, что они могут приобрести наркотик сообща. Например, в одном из уголовных дел девушка-наркопотребитель указала, что они берут на пятерых один грамм героина. Постоянными посетителями притонов является молодежь. Печальные последствия этого – ВИЧ инфицирование и заражение гепатитом С.

Таким образом, одним из признаков незаконного сбыта наркотиков, осуществ-

ляемого в наркопритонах, является то, что он тесно связан с другими незаконными действиями по незаконному обороту наркотиков: выступает как следствие незаконного приобретения и изготовления наркотиков, а также как причина их немедицинского употребления, склонения к их потреблению и их незаконного хранения.

УДК 323.281(571.51)

Екатерина Николаевна БЕН,
редактор организационно-научного
и редакционно-издательского отдела
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ:
КП ВСОРГО И СУДЬБА В.П. КОСОВАНОВА

POLITICAL REPRESSIONS WITH REGARD TO PUBLIC SCIENTIFIC
ORGANIZATIONS IN KRASNOYARSK TERRITORY:
KD ESDRGS AND V.P. KOSOVANOV'S FATE

Статья посвящена политическим репрессиям в отношении общественных научных организаций в Красноярском крае. Рассмотрены причины репрессирования членов красноярского краеведческого общества, в частности В.П. Косованова.

The article is devoted to the political repressions with regard to public scientific organizations in Krasnoyarsk Territory. The reasons of repression of Krasnoyarsk Local Lore Society members, in particular V.P. Kosovanov, are considered.

Ключевые слова: политические репрессии, общественные научные организации, красноярское краеведческое общество.

Keywords: political repressions, public scientific organizations, Krasnoyarsk Local Lore Society.

В условиях отсутствия вузов и научных учреждений на территории Енисейской губернии в начале XX в. важнейшая роль в проведении научных исследований принадлежала Красноярскому подотделу Восточно-Сибирского отдела русского географического общества (КП ВСОРГО)¹.

В.П. Косованов вступил в КП ВСОРГО в 1917 г., в 1919 г. уже стал членом Распорядительного комитета общества, а в 1926 г. был избран председателем, коим оставался бессменно свыше десяти лет (до ликвидации общества в 1937 г.). Его усилия во многом способствовали оживлению и повышению эффективности деятельности местного отдела РГО. На этом посту в полной мере проявились его дарования крупного орга-

низатора научно-исследовательской деятельности, направленной на выявление и изучение производительных сил края с целью их скорейшего освоения и вовлечения в растущую промышленность. Именно В.П. Косованов был организатором, руководителем и одним из непосредственных исполнителей в качестве члена секций местного отдела РГО «Недра» и геодезической первичных комплексных изыскательских работ в районе проектировавшейся Красноярской ГЭС (1931–1932 гг.), а также таких промышленных гигантов, как Крастьямаш, Целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК), стекольный и цементный заводы. Он первым обосновал необходимость строительства Красноярской ГЭС и возможность возведения заводов: цементного, синтетического каучука.

Как и все научные организации, краеведческие общества, возникшие до революции, в начале 1920-х гг. перестраивались в соответствии с новыми политическими условиями, причем не только организационно, но и идеологически. Подчеркивалась необходимость теснейшей увязки научных исследований с задачами восстановления и реконструкции народного хозяйства, ведения плановой работы. Помимо практического значения, краеведение должно было сыграть большую роль и в ходе культурной революции.

1929–1930 гг. стали рубежными для краеведческого движения в СССР. Борьба с «оппозицией» в партии оказала влияние на общественную жизнь. Началась настоящая идеологическая атака на краеведение. Деятельность общественных научных организаций подверглась политическим нападкам и критике. Этот процесс не миновал и сибирские краеведческие научные общества. В январе 1930 г. документация ССГГО была обследована комиссией Окружного административного отдела (ОАО), ОкрОНО и горсовета. В резолюции комиссии значилось: убрать недочеты в работе отдела, отсутствие четкой плановости, неучастие в соцсоревновании, низкий процент на руководящих постах партийцев, комсомольцев и советских специалистов.² Комиссия потребовала снять с должности секретаря совета ССГГО Б.П.Смирнова как лишенца. Б.П.Смирнов в течение нескольких лет являлся членом отдела, состоял в историко-этнологической секции, занимался экономической историей Сибири конца XVIII в.³ Теперь же комиссией ему было предъявлено обвинение в полной бездеятельности.⁴ Совет ССГГО отвел это обвинение «как необоснованное и неправильное», но был вынужден снять Б.П.Смирнова с должности секретаря.⁵

В течение 1930 г. государство предпринимает крупные шаги к усилению централизации и унификации краеведческих общественных научных организаций, ликвидации их самостоятельности. В марте 1930 г. состоялась IV Всероссийская кра-

еведческая конференция, которая поставила следующие практические задачи: 1) направление краеведческого движения всецело и безраздельно по пути обслуживания социалистического строительства; 2) вовлечение в краеведческую работу широких масс трудящихся, в первую очередь рабочих и крестьян.⁶ В соответствии с этими задачами краеведное движение должно было организационно перестроиться. Реорганизация краеведной сети должна была преодолеть «пестроту и распыленность краеведной работы, слабость внутренних связей и руководства» и создать условия для «плановости и систематичности краеведения».

Краеведческое движение как часть общественной жизни страны не миновала и борьба против «правых уклонов» и «левых загибов», которой руководило созданное при Коммунистической академии общество краеведов-марксистов, уже в 1931 г. констатировавшее: «В результате проведенной идеологической борьбы на фронте краеведения организации очистились от значительной части антисоветских чуждых элементов и укрепились новыми силами из среды рабочих, колхозников, советских научных работников»⁷.

Волна массовых гонений обрушилась на ученых-краеведов в середине 1930-х гг. и прокатилась по всей стране. Репрессии коснулись потенциальных центров оппозиции режиму, и в том числе общественных научных организаций. «На основании постановления от 10 июня 1937 года за №610 и постановления президиума крайисполкома от 3 июля ОИКК со всеми его филиалами и отделениями ликвидируется; всем учреждениям, организациям и лицам, имеющим претензии к бывшему Обществу изучения Красноярского края, предлагается предъявить их до 5 августа ликвидкому»⁸.

Тогда же были репрессированы и ученые, входившие в их состав, в частности доктор геологических наук, профессор В.П.Косованов, доктор химических наук, профессор Н.К.Клячин, известный ботаник, поэт А.Л.Яворский. Краеведческие

научные организации в том виде, в котором они были тогда, выражали демократическую самостоятельность, ставшую непереносимой: они реально создавали возможность нестереотипной, неодинаковой жизни в разных краях и городах страны.

Уголовное дело на профессора В.П.Косованова было заведено в июле 1937 г. В настоящее время дело находится на хранении в Государственном архиве Красноярского края и пока остается недоступным для исследователей. Однако общая политическая ситуация в стране начала 1990-х гг. дала возможность красноярскому исследователю К.Ф.Попову изучить данное уголовное дело в архиве НКВД.

Первый архивный документ, с которым удалось ознакомиться К.Ф.Попову, – обширная справка о «контрреволюционной деятельности» В.П.Косованова. Из нее следует, что в 1917–1927 гг. его контрреволюционная деятельность осуществлялась по линии проведения повстанческой агитации и сколачивания повстанческих кадров. Под руководством комитета сибирских областников, в котором В.П.Косованов играл видную роль, в этот период по Енисейской губернии были организованы целый ряд вооруженных бандитских восстаний против Советской власти.

При разгроме восстаний часть руководителей комитета были арестованы, в частности лидер эсеров Е.Е.Колосов, а В.П.Косованов и другие ушли в подполье, продолжая вести активную работу по установлению связи с членами контрреволюционной эсеровской организации, находящимися в политизоляторах, ссылках и других местах заключения, а также с сохранившимися эсеровскими кадрами на воле, вместе с этим продолжая вести работу по подготовке вооруженного восстания.⁹

В 1932 г. В.П.Косованов якобы установил личные контакты с «руководителями фашистской террористической организации»: Н.К.Клячиным и преподавателем Рахлецким, бывшим членом комитета сибирских областников Крутовским и с Красиковым. Перечисленные лица составляли «краевой

повстанческий эсеровский центр», который возглавлял профессор В.П.Косованов. «Установки» он получал из Москвы от Е.Е.Колосова – лидера Всесоюзного эсеровского центра.

В начале 1934 г., говорится далее в справке, на квартире Н.К.Клячина состоялось важное совещание членов руководящего центра, на котором и были определены главные задачи, а именно: 1) свержение советской власти вооруженным путем; 2) организация и проведение терактов над руководством ВКП(б) и совета правительства; 3) организация шпионажа и диверсий. Причем с таким расчетом, чтобы «к моменту начала войны с Японией сделать вооруженное восстание и свергнуть соввласть»¹⁰. Позднее эти задачи были уточнены и дополнены: 1) организовать экономический и военный шпионаж в пользу Японии и Германии; 2) организовать диверсионные акты на железнодорожном транспорте и крупных промышленных предприятиях.

В других документах дела, как сообщает К.Ф.Попов, задачи, цели «краевого эсеровского центра» повторяются неоднократно, варьируются, обрастают новыми деталями, приобретая все более зловещий характер.

На одном из совещаний «краевого эсеровского центра» в 1936 г., где присутствовали также В.П.Косованов, Рахлецкий и Красиков, Н.К.Клячин «доложил о развертывании им контрреволюционной работы среди преподавателей и студенчества Лесного и Педагогического институтов». Тогда же В.П.Косованов внес предложение: «активизировать контрреволюционную работу по линии террора, шпионажа, диверсий, а также усилить вербовочную работу в контрреволюционную организацию». В результате были созданы несколько террористических и повстанческих эсеровских ячеек как в Красноярске, так и на периферии.¹¹

Несмотря на дикий вымысел и противоречивость материалов дела, В.П.Косованов был предан суду Военной коллегии Верховного Суда СССР, которая 13 июля

1938 г. рассмотрела дело. Судебное заседание продолжалось 10 минут. Протокол состоит из нескольких строчек, где указано, что обвиняемый подтвердил свои показания, данные им в ходе предварительного следствия. Профессор геологии был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Как следует из справки от 5 июля 1957 г., подписанной председательствующим судебного состава Военной коллегии Верховного Суда СССР полковником юстиции А.А.Костроминым, дело по обвинению В.П.Косованова, работавшего до ареста – 12 июня 1937 г. – заведующим геологическим бюро при крайплане г. Красноярска, было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 2 июля 1957 г. Приговор Военной коллегии от 13 июля 1938 г. в отношении В.П.Косованова по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. В.П.Косованов был реабилитирован посмертно.¹²

Как бы ни было абсурдно обвинение, выдвинутое против В.П.Косованова, как бы ни был банален повод для ареста (по предположению К.Ф.Попова, донос, вызванный завистью), тот факт, что он был подвергнут репрессиям, объясняется рядом причин.

В репрессировании В.П.Косованова и других членов ОИКК, на наш взгляд, проявилась общероссийская тенденция сворачивания краеведческого движения, которое даже в перестроенном в соответствии с новыми политическими условиями виде становилось опасным, мешающим действующей власти.

Определенную роль сыграло и происхождение В.П.Косованова. В 1930-е гг. Советская власть очищала науку от буржуазных элементов, политически неблагонадежных. Напомним, что дед В.П.Косованова по отцовской линии был ссыль-

ный народник, дед по материнской – ссыльный поляк дворянского происхождения, мать – дворянская дочь.¹³

Трагическая судьба В.П.Косованова типична для судеб интеллигенции начала советской эпохи. Советское государство, воспользовавшись знаниями и опытом «спецов», подвергая их репрессиям, безжалостно расчищало путь возвращенной трудовой интеллигенции – политически устойчивым научным кадрам.

Политические репрессии в отношении общественных научных организаций в Красноярском крае, как и по стране в целом, были характерной чертой установившегося политического режима и одновременно одним из механизмов реализации государственной власти.

1 Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела русского географического общества (КП ВСОРГО) был образован в 1901 г. В последующем местный отдел РГО неоднократно реорганизовывался и менял название (с 1921 г. – Красноярский отдел русского географического общества (КОРГО), с 1929 г. – Средне-Сибирское государственное географическое общество (ССГГО), с 1934 г. – Общество изучения Красноярского края (ОИКК) и др.).

2 ГАКК. Ф.Р.-1380. Оп. 1. Д. 179. Л. 1об., 2.

3 ГАКК. Ф.Р.-1380. Оп. 1. Д. 77. Л. 4. ; Смирнов В.П. Воспоминания // День и ночь. 1998. №4-5.

4 ГАКК. Ф.Р.-1380. Оп. 1. Д. 179. Л. 3.

5 Там же. Л. 9.

6 Положение о краеведных организациях. М., 1931. С.3.

7 За большевистскую партийность в краеведении. М., 1931. С.11.

8 Русское географическое общество в Красноярске (1901-1937 гг.) / А.С.Вдовин, Н.Н.Гуляева, Н.П.Макаров [и др.]. Красноярск, 2001. С.26.

9 Попов К.Ф. Профессор Красноярского края – В.П.Косованов. Красноярск, 1995. С.12.

10 Там же. С.13.

11 Там же. С.15.

12 ГАКК. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 18. Л. 26об.

13 Бен Е.Н. Жизнь и деятельность краеведа В.П. Косованова (1880-1938 гг.) // Духовно-исторические чтения : материалы межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, КРАСГАСА, 2004. Вып. IX. С.139-147.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Приглашаем ученых, соискателей и аспирантов, сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в сборнике «Вестник Сибирского юридического института МВД России».

Журнал издается 4 раза в год.

Тематика журнала:

- совершенствование образовательного процесса: методология и практика;
- социально-философские и правовые проблемы правоохранительной деятельности: социальные; уголовного, административного, гражданского права; государственно-правовые;
- спецподготовка сотрудников органов внутренних дел: тактико-специальная, огневая, физическая;
- кадровая и воспитательная работа.

По решению редколлегии в журнале могут быть опубликованы иные научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой рубрик.

Решение о включении материалов в журнал принимает редакционная коллегия на основании рецензий научных консультантов.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

После опубликования материалов в «Вестнике» автору направляется один экземпляр издания, иное количество экземпляров журнала может быть выслано заказчику по его заявке наложенным платежом.

Требования к статьям:

1. Статья представляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предложен как на диске, так и вложением в электронное письмо.

2. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

3. К письму прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *jpg, *jpeg, *tif, *tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления материалов включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);
- заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);
- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках;
- примечания (сноски). Примечание, содержащее библиографическую ссылку, оформляют по ГОСТ 7.1-2003.

5. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word (*.doc);
- параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0х29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;
- шрифт Times New Roman, Обычный, кегль 14 пунктов;
- абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал одинарный;
- сноски концевые;
- графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;
- файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются.

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 224-51-57, 220-39-94